

А С С О Ц И А Ц И Я В Ы П У С К Н И К О В

E-mail: neti@assoc.nstu.ru
www.assoc.nstu.ru

Евгений ВИШНЕВСКИЙ

СТС НЭТИ

*ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ
СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ
НОВОСИБИРСКОГО
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА*

НОВОСИБИРСК
2017

ББК 74.484.7(2Рос-4Нос)л59ю14г+85.334.3(2Рос-4Нос)6-07ю14
В 555

Вишневский Е.В.

В 555 СТС НЭТИ: хронологическая летопись студенческого театра сатиры Новосибирского электротехнического института / Е.В. Вишневский. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-7782-3182-5

ББК 74.484.7(2Рос-4Нос)л59ю14г+85.334.3(2Рос-4Нос)6-07ю14

Вишневский Евгений Венедиктович

СТС НЭТИ

**ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ТЕАТРА САТИРЫ
НОВОСИБИРСКОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

В авторской редакции

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *М.О. Мокшанова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *С.И. Ткачева*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 20.04.2017. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 10,96. Печ. л. 8,5. Изд. № 288/16. Заказ № 672. Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

ISBN 978-5-7782-3182-5

© Вишневский Е.В., 2017
© Региональная общественная организация
«Ассоциация выпускников НЭТИ–НГТУ», 2017
© Новосибирский государственный
технический университет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой старинный друг Евгений Вишневский несколько месяцев назад переслал мне по электронной почте текст написанной им книги «СТС НЭТИ – хронологическая летопись Студенческого театра сатиры Новосибирского электротехнического института». Мне книга очень понравилась.

Я учился в НЭТИ с 1958 по 1963 год. Пять лет учёбы – это целая эпоха в жизни каждого студента. Что осталось в моей памяти через пятьдесят лет? В первую очередь это, конечно, наша студенческая группа, преподаватели, лекции, лабораторные работы, курсовые проекты, экзамены, выполнение и защита дипломной работы.

Но в памяти навсегда остались праздничные демонстрации и праздничные вечера отдыха, поездки на уборку картофеля и агитбригада, спортивный лагерь и разгрузка барж, вечера поэзии и, конечно, Студенческий театр сатиры (СТС НЭТИ), в котором я принимал участие на этапе его становления в 1960–1961 годах.

Читая книгу, я вспомнил концерты СТС НЭТИ: переполненный актовый зал, где были заняты не только все места, где стояли не только во всех проходах, но и на всех подоконниках. Концерты имели большой успех у студентов и преподавателей не только НЭТИ, но и других вузов, у театральной публики города и даже у некоторых партийных работников.

Почему СТС НЭТИ имел такой успех? Я думаю потому, что зрители во время спектаклей получали пищу для ума благодаря блестящим остроумным текстам (смотри приложение к этой книге) и эмоциональное удовлетворение от игры актёров, музыкального оформления, песен (чего, например, стоила только «Космос эстрада»!)

В истории НЭТИ были периоды расцвета многих замечательных творческих коллективов: литературное объединение с его днями поэзии, знаменитый джаз-оркестр, Академический хор НЭТИ, ансамбль скрипачей. Среди них СТС НЭТИ занимает своё достойное место. Я уверен, что книга Е. Вишневого, в которую включены тексты миниатюр и спектаклей СТС НЭТИ, будет интересна не только разным поколениям выпускников НЭТИ, но и будущим студентам.

Президент Ассоциации выпускников
НГТУ–НЭТИ,
академик РАН

Г.Н. Кулипанов

ОТ АВТОРА

Честно сказать, книгу воспоминаний о своём любимом детище – Студенческом театре сатиры НЭТИ (СТС НЭТИ) – я собирался писать несколько раз. Тем более что меня настойчиво просили об этом мои многие близкие знакомцы: участники этого студенческого театра, его фанаты (выпускники НЭТИ разных лет), соратники по движению студенческих театров нашей страны, а также многочисленные приятели и приятельницы, интересующиеся моим литературным творчеством.

Однако всякий раз мне что-то мешало, так что ни одна из этих попыток успехом не увенчалась. Причин тому было множество, но главная из них – моя собственная любовь к этому своему детищу. Ведь писать о том, что искренне любил на протяжении стольких лет, очень трудно. Вот у меня, к примеру, на сегодняшний день вышло в свет около десятка «летописных произведений», где описаны, может быть, сотни разных ярких персонажей, с которыми сталкивала меня судьба в моей работе, моих путешествиях, моём литературном творчестве. Но почти ничего не написал я о своей семье, своих родителях, своих близких и самых дорогих друзьях. Я пытался, но ничего из этого не выходило. Как говорит один мой знакомый скульптор в таких случаях: «Получалось, что ничего не получалось».

Но и этого мало. Оказалось, что писать воспоминания о всяком театре очень трудно. Ведь как сказал кто-то из известных театральных критиков: «Каждый театральный спектакль умирает с последними аплодисментами его зрителей». А от студенческого спектакля, тем паче с течением времени, обычно вообще ничего не остаётся, разве что программки (да и то редко), рецензии (как правило, в многотиражных или незначительных провинциальных газетках), неумелые фотографии да обрывки воспоминаний. Практически всегда эти спектакли готовят целый год (а иногда даже и больше, ведь в студенческом театре, как правило, даже и тексты участникам приходится писать самим), но обычно играют эти понастоящему «дорогие» и яркие представления всего три-четыре раза, а бывает, что и всего только один раз. А дальше всё – спектакль, которому отдан такой большой кусок собственной души, проваливается в небытие. И это следует признать жуткой несправедливостью. Так было, к примеру, в нашем театре СТС с одним из моих самых любимых спектаклей – водевилем «Добродетели и Пороки» по сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Однако на этот раз обстоятельства сложились таким образом, что за написание этой книги воспоминаний я, несмотря на все свои опасения, всё-таки взялся, хотя с той поры, как я впервые переступил порог НЭТИ для того, чтобы заняться там своим студенческим театром, прошло более пятидесяти лет. Ну, да как говорит хорошая русская пословица: назвался груздем – полезай в кузов! Пришлось попросить помощи кое у кого из ныне живущих, хотя теперь уже и основательно состарившихся, но по-прежнему дорогих мне артистов СТС НЭТИ, для которых этот «кусочек жизни» тоже был важным и дорогим. Как это ни прискорбно, многие из прежних лидеров СТС уже ушли из жизни: Б.Ф. Ласточкин, К.В. Мали-

новская¹, Володя Тяжелников, Боря Лемеш, Лёня Левицкий, Боря и Миша Мотовиловы, Володя Нифонтов и, к сожалению, многие другие. Светлая им память! Но некоторые всё-таки остались, многое сохранили, как в памяти, так и на фотографиях, и, не раздумывая, пришли мне на помощь.

Однако в первую очередь, разумеется, мне пришлось полагаться на собственную память. Следует признаться, что ею Господь меня не обидел, особенно слуховой. Я до сих пор отчётливо помню практически все миниатюры, песенки, монологи и инсценировки, сыгранные не только в СТС НЭТИ, но и в СТЭМе РРТИ², а это дела уже даже не пятидесяти-, а шестидесятилетней давности. Кроме того, в моём огромном (хотя и безалаберном) архиве сохранились рукописи и черновики, оставшиеся от нашей авторской работы едва ли не над всеми спектаклями СТС НЭТИ. И, копаясь в этих полуистлевших бумажных лохмотьях, мне было совсем несложно заново восстанавливать в своей памяти далёкие и прекрасные творческие моменты нашей тогдашней жизни.

Кроме того, в самом начале семидесятых годов в издательстве «Искусство» редакция библиотечки «В помощь художественной самодеятельности» заказала нам с В.И. Суховерховым, моим главным соратником по СТС НЭТИ, книгу «Студенческий капустник», куда, разумеется, вошли и многие миниатюры, рождённые в нашем студенческом театре. При этом мы обработали огромную коллекцию миниатюр, собранных едва ли не по всем студенческим театрам эстрадных миниатюр нашей страны, написали большое предисловие к этой книге, а также иронический комментарий ко всем приведённым в ней миниатюрам. К сожалению, время для выхода нашей книги оказалось крайне неудачным: она попала в аккурат на период «закручивания гаек» после «хрущёвской оттепели». А потому, несмотря на несколько положительных и даже хвалебных рецензий самых известных специалистов страны по «студенческому юмору», в свет наша книга так и не вышла. Но зато она, вернее, её рукопись, очень пригодилась мне сейчас, при написании этого историографического исследования о нашем театре.

И наконец, последнее: нужен был какой-то особенный толчок для того, чтобы начать большую и трудную работу по написанию книги воспоминаний об СТС НЭТИ. И такой толчок мне был дан.

Знаете, как выращивают крупные драгоценные камни (сапфиры, изумруды, рубины)? В большой сосуд с жидким химическим раствором будущего камня помещают крохотный кусочек «самоцвета». И он постепенно начинает собирать на себе мельчайшие, невидимые глазу пылинки будущего рубина или сапфира,

¹ Эти двое были во времена СТС преподавателями в НЭТИ, поэтому их фамилии указаны с инициалами имён и отчеств.

² СТЭМ РРТИ – Студенческий театр эстрадных миниатюр Рязанского радиотехнического института, в котором я начинал свою «карьеру артиста». РРТИ – вуз, в котором я учился. Правда, Интернет почему-то указывает, что Е.В. Вишневецкий заканчивал НЭТИ, хотя я в этом вузе ни одного дня не учился, а всего только играл в тамошнем студенческом театре и писал для него.

день ото дня увеличиваясь в размерах. Приблизительно так же создавалась и эта книга о студенческом театре сатиры НЭТИ.

А началось всё почти неожиданно: в 2012 году в Новосибирске была основана литературная серия «Почётные граждане г. Новосибирска (ПГН)». Для этого был даже организован специальный Редакционный совет во главе с тогдашним мэром города Владимиром Филипповичем Городецким. Первая книга серии была посвящена Г.П. Лыщинскому, фактическому основателю и ректору НЭТИ, проработавшему в этой должности почти тридцать пять лет. Он был и остаётся до сих пор самым молодым ректором технического вуза в мире, в связи с чем даже занесён в «Книгу рекордов Гиннеса». Книгу «Ректор НЭТИ Г.П. Лыщинский» поручили написать мне, может быть, потому, что я был хорошо знаком с Георгием Павловичем лично. Разумеется, не рассказать об СТС НЭТИ в этом издании было никак невозможно, так что в главе 11 «Художественная самодеятельность НЭТИ» там появилась дюжина страниц, посвящённая моему любимому детищу. Она и стала тем крохотным кристалликом, который был погружён в раствор моих воспоминаний, а также воспоминаний других участников нашего студенческого театра. Надо ли говорить, что я приношу всем им свою самую искреннюю и горячую благодарность.

Особенную благодарность мне бы хотелось выразить бывшим артистам СТС НЭТИ: Б.Х. Левину, Г.Н. Кулипанову, С.Л. Рояк (Стерниной), Д.И. Бакланову, Г.И. Романенко и Борису Фролову за предоставленные фотографии и воспоминания, а также Наталье Максимовне Левиной за подбор, оцифровку и обработку фотографий, использованных в этой книге.

Отдельная благодарность РОО «Ассоциация выпускников НЭТИ-НГТУ» и её директору Владимиру Борисовичу Пономарёву за огромную организационную работу и помощь в издании этой книги.

И в заключение несколько слов в своё оправдание. Я заранее готов к тому, что кое-кому из тех, кто принимал участие в деятельности СТС НЭТИ (хотя бы в качестве активного зрителя), покажется, что на самом деле всё было не совсем так или даже совсем не так, как написано в этой книге. Другим может показаться несправедливым, что недостаточно полно и ярко представлены фотографии из разных спектаклей театра, а рассказы о некоторых спектаклях или даже целых периодах жизни театра вообще не снабжены никаким изобразительным материалом. И с теми, и с другими я заранее готов согласиться. Что тут скажешь? С тех пор прошло уже более полувека, и для этой книги нам сообща удалось собрать лишь то, что каким-то чудом сохранилось. К сожалению, в середине прошлого века фототехника, по крайней мере с сегодняшней точки зрения, была весьма примитивной. Негативов практически не сохранилось совсем, а сами фотографии за столь продолжительный срок выцвели, пожелтели, покособились. Слава Богу, что существует теперь «фотошоп», с помощью которого многие из этих недостатков можно как-то исправить.

И вот теперь я с тяжёлым сердцем передаю своё литературное детище на твой суд, любезный читатель. Пожалуйста, будь к нему добр и снисходителен!

Глава 1

АНИМБРИАДА

Как известно, студент всегда был и остаётся человеком жизнерадостным. Он не без оснований считает студенческие годы лучшим временем своей жизни, особенно если прошли они в студенческом общежитии, поскольку студенческое общежитие было, как пелось в популярной студенческой песне тех лет, дорогой и любимой «житейской пристанью»³, о которой многие с теплотой вспоминали потом едва ли не всю свою жизнь.

Надо сказать, что студентов НЭТИ середины пятидесятих годов это касалось в особенной степени. Ведь корпуса этого, ныне знаменитого на всю страну вуза⁴ тогда ещё только возводились, а потому учебный процесс шёл в стенах общежития, где комнаты двух этажей (второго и третьего) были на скорую руку переделаны в студенческие лаборатории и аудитории. Впрочем, тогдашние студенты такому обстоятельству были только рады – некоторые умудрялись безбедно зимовать в суровом сибирском климате без зимнего пальто и тёплых ботинок, неделями, а то и месяцами, не высовывая носа на улицу. А зачем? Столовая помещалась на первом этаже всё того же общежития, обучение шло на втором и третьем этажах, а вся остальная жизнь проходила там же, в «общаге», на верхних этажах.

Что касается культурной жизни студенчества НЭТИ, то, несмотря на стеснённые обстоятельства, тогда она хоть и худо-бедно, но всё-таки существовала, тем более, что была не очень-то обременена официозом и запретами строгого идеологического начальства. Правда, развлечения учащейся молодёжи в ту пору ограничивались в основном субботними «танцульками» (всё там же, в общежитии, в угловом холле, возле выхода на

³ «Общежитие – пристань моя путевая!».

⁴ По мнению многих – лучшего технического вуза страны за Уралом.

лестничную площадку) да приватными музыкальными концертами местных виртуозов-гитаристов. Кроме того, в тех комнатах, где жили знатоки и ценители популярной музыки, можно было вечерами послушать в записи на пластинках и только что появившихся магнитофонах самые популярные песенки из кинофильмов и даже джаз.

Вот как рассказывает об этом тогдашний студент-первокурсник НЭТИ, а ныне доцент СибГУТИ⁵, Б.Х. Левин:

Особых проблем с организацией субботнего культурного отдыха у нас, в общежитии НЭТИ, не было. Сначала договаривались с владельцами проигрывателей и пластинок, а иногда – единственного на весь этаж самодельного магнитофона, бывшего собственностью богатых обитателей комнаты старшекурсников. Затем представители общественности шли получать согласие от коменданта общежития или уборщицы, жившей в служебной комнате этажом ниже. Вот и всё – на этом разрешительные санкции в ту пору и заканчивались.

Как только в холле и коридорах верхних этажей начинала звучать музыка, слух о предстоящем развлечении быстро распространялся не только по всему нашему студенческому дому, но достигал и соседнего корпуса НЭТИ. Строгий в обычные дни студент-вахтер (профессиональных вахтёров тогда в общежитии ещё не было) пропускал на танцы всех своих сокурсников и сокурсниц, которых, разумеется, хорошо знал в лицо, а также студенток общежития Торгового института, расположенного по соседству, отдавая откровенное предпочтение наиболее симпатичным.

Музыка на тех «танцульках» была только самая современная, то есть безо всяких там венских вальсов, пассадоблей, па-де-катров и прочих полек-бабочек и краковяков⁶ – (как, скажите, можно было танцевать их в тесном холле, набитом студентами!). Никто не желал под музыку, чинно взявшись за руки, выделять жеманные па, пришедшие к нам из «галантного века» позднего Средневековья. Нет, здесь царили аргентинское танго, американский фокстрот, вальс-бостон, словом, те танцы, которые предполагали «дозволенные объятия партнёров» под захватские оркестровые пьесы джаз-оркестров Эдди Рознера, Леонида Утесова, Олега Лундстрема, а также песенки польских певиц и фран-

⁵ СибГУТИ – Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики.

⁶ Именно эти танцы считались в ту пору «целомудренными», а потому им отдавали предпочтение строгие «церберы» на школьных вечерах танцев.

цузских шансонье. Но наибольшей популярностью пользовалась тогда музыка из знаменитого американского фильма «Серенада солнечной долины», когда танцующие парочки не только двигались в такт мелодии, но и на плохом английском подпевали знаменитым американским вокалистам. При этом следует отметить, что наиболее продвинутые личности из числа студентов под эту «разнузданную» зарубежную музыку танцевали исключительно «стилем». И это, несмотря на то, что в НЭТИ «стиляг» было не так-то уж и много.

Изредка удавалось устраивать танцы под настоящую, «живую» музыку. Чаще всего это бывал гитарный дуэт Лёвы Шувала и Вали Пименова, которые жили здесь же, в общежитии, по соседству с контрабасистом Юрой Ткачуком. А иногда удавалось уговорить поиграть на субботах «танцульках» в «общаге» и студентов-профессионалов, игравших в джазе НЭТИ, – гитариста Сашу Соболева и трубача Серёжу Воронкова. Трубач Серёжа, большой шутник и выдумщик, как-то предложил использовать старый общежитский шкаф в качестве резонатора для усиления звука своей трубы. Но этот эксперимент был прерван бывшим моряком, а ныне комендантом общежития по прозвищу «Боцман», который укорил распоясавшихся музыкантов фразой, вскоре ставшей знаменитой: «Надо не только высшее образование, но и совесть иметь, салаги!».

Делайте со мной что хотите, но не понимаю я нынешних танцев, когда можно танцевать всемером, впятером, втроём и даже в одиночку! Тогда, во второй половине пятидесятых, танцевали только парами (кавалер–дама). Ах, какой прелестью были эти дозволенные публичные объятия! Как приятно было нежно, но властно управлять с помощью лёгких, почти неуловимых, хотя и уверенных движений очаровательным девичьим телом, которое плавно двигалось под музыку вместе с тобой и именно так, как хочешь ты! При этом каждую секунду ты оставался совершенно уверен, что и твоя дама получает от всего этого: музыки, плавного скольжения, волшебства танца да и всей атмосферы бесхитростного студенческого вечера отдыха такое же большое удовольствие, как и ты сам. Можно смело сказать, что именно на таких субботах «танцульках» в общежитии не только в НЭТИ, но и в большинстве вузов по всей нашей стране зародилось большинство юных студенческих семей того времени.

Кроме этих простых, но прекрасных еженедельных развлекательных мероприятий, рождавшихся из самой атмосферы студенческой обиходной жизни, проводились, как полагалось в ту пору, и общеинститутские («табельные») праздничные вечера. В учебном году бывало их обычно четыре: на октябрьские и первомайские праздники, в Новый год, сюда же

относился и так называемый «осенний бал», посвящённый окончанию работ по уборке урожая, выращенного доблестными колхозниками, и началу фактического процесса обучения студентов инженерным наукам.

Светлые идеологические праздники (октябрьские и Первомайские) содержали непременно «торжественную» часть с докладами, подведением итогов и награждением отличившихся. У большинства студентов эта часть вызывала смертельную скуку, такую же нудную и нестерпимую, как зубная боль, которую тем не менее приходилось терпеть во имя последующих за нею развлечений и удовольствий.

Вторая часть «табельного» мероприятия – праздничный концерт – хотя и не была главной, но большинством студентов воспринималась даже благосклонно. Исключение составляли разве что исполнители классических музыкальных пьес на фортепиано, гитарах и скрипках, закончившие (или не сумевшие закончить) музыкальные школы разных городов страны. Сюда же относились и певцы-классики, такие как, к примеру, Игорь Никифоров, пять лет подряд во всех праздничных концертах исполнявший арию Фигаро из оперы В.А. Моцарта «Женитьба Фигаро» – «Мальчик резвый, кудрявый, влюблённый...» – и получивший в связи с этим у своих однокурсников именно это прозвище.

Впрочем, слава Богу, все эти «классические вставки» были пустяками и мелочью, их «проговаривали как бы скороговоркой», поскольку основу «сборных» концертов к табельным датам составляли вовсе не они, а номера участников знаменитой агитбригады НЭТИ, весь сентябрь колесившей по колхозным полям, весям и овощехранилищам, где их товарищи убрали колхозный урожай.

Агитбригадой в ту пору называлась группа участников студенческой художественной самодеятельности, которую профком и комитет ВЛКСМ НЭТИ посылали выступать перед студентами, отправленными на обязательные сельскохозяйственные работы. Эти работы были своего рода трудовой повинностью, почти рабским трудом, поскольку трудились студенты практически бесплатно, «за харчи», жили в антисанитарных условиях, простывали и не имели не только никаких развлечений, но даже и выходных. Вот задачей агитбригады и было – хоть как-то скрасить своим бесхитростным искусством этот тяжелый, унижительный и, как правило, неэффективный труд. Причём единственной платой (и наградой) за творчество «студентам-артистам» было лишь то, что самих их от сельскохозяйственных работ освобождали (если, впрочем, не считать платой горячих аплодисментов зрителей и популярности, которую получали «артисты» в студенческой среде).

Агитбригада отправляется в поездку

Слева направо: Ренат Давлиев, Борис Левин, Геннадий Кулипанов,
Владимир Морозов, (за футляром гитары) Владимир Захаревич,
Георгий Воронин, Лидия Чекмарёва

Надо сказать, что в НЭТИ в то время из способных студентов сложилась неплохая художественная команда, основу которой составляли певцы Валера Зверков, Валера Мачихин, Лида Чекмарёва и Эдик Вагин, обладавшие небольшими, но приятными, от природы поставленными голосами. При этом Эдика Вагина иногда называли даже «сибирским Муслимом Магомаевым», поскольку его манера пения, действительно, напоминала стиль знаменитого вокалиста того времени, да и репертуар был практически тем же самым. Кроме того, в агитбригаде выделялись: танцор Ренат Давлиев, талантливый исполнитель басен Жора Воронин и «свистунья» Рита Свердлина, с блеском исполнявшая популярную в то время у молодёжи пьесу «Танго соловья». А ведущие концерта Борис Левин и Геннадий Кулипанов выступали также и с сольными номерами: первый ярко и смешно читал сатирические стихотворные монологи и пародии В.И. Лебедева-Кумача, а второй славился как прекрасный исполнитель «бытовых» стихов В.В. Маяковского.

Позднее к ним присоединился ансамбль солистов «Синкопа» (Люся Родникова, Лариса Забродская, Алла Рябова, Зоя Федькина, Эдик Вагин и Сергей Рыбников) под руководством Валеры Родникова. Этот ансамбль,

составленный из лучших вокалистов хора НЭТИ, пытался петь даже джаз (по тем временам это было почти музыкальным чудом!), а популярные молодёжные песни исполнял в собственной, авторской аранжировке.

Выступление Бориса Левина

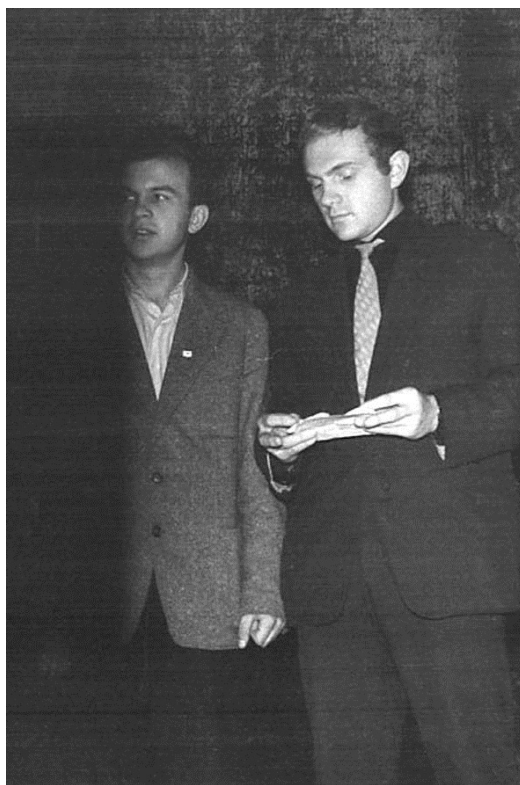

До новых встреч!

Но все ждали главной, танцевальной части «табельного» вечера, где царил музыкальный ансамбль агитбригады во главе со студентом Володи́ей Захареви́чем, прекрасно игравшим едва ли не на всех музыкальных инструментах (рояле, аккордеоне, саксофоне, кларнете и т. д.). Иногда от щедрот своих руководство института для этих целей приглашало и насто-

ящие большие «эстрадные оркестры»⁷ из других институтов города или аэропорта Толмачёво. И тогда у студентов НЭТИ был настоящий студенческий бал.

Как уже сказано, в то время собственного концертного зала в НЭТИ не было, а потому такие мероприятия проводились обычно в клубах близлежащих заводов, школах или техникумах. Билеты на эти вечера были платными и распределялись по студенческим группам. Цена их была почти символической и особенного значения не имела. Приобрести такой билет удавалось далеко не каждому, и тот, кто становился его обладателем, считался счастливчиком. Вместе с тем участники праздничных концертов и музыканты, игравшие на танцах (эта часть праздничного вечера всегда считалась у студентов главной), получали право бесплатно провести с собой кого-нибудь из своих друзей или подруг.

*Ведущие агитбригады НЭТИ Борис Левин
и Геннадий Кулипанов*

⁷ Так в ту пору стыдливо называли джазовые танцевальные оркестры, ибо джаз тогда считался «музыкой толстых».

Разумеется, подобные «табельные» праздничные вечера в те времена проводились не только в НЭТИ, но и во всех других вузах и техникумах Новосибирска, а также едва ли не в каждом крупном учреждении города (заводе, фабрике, отраслевом НИИ, ПТУ и т. п.). И поскольку молодёжное общественное мнение довольно скоро именно агитбригаду НЭТИ стало считать одной из лучших эстрадно-танцевальных команд города⁸, отбоя от приглашений у этих ребят не было. Из музыкантов, певцов и юмористов НЭТИ образовывалась «летучая бригада», которую с удовольствием приглашали для праздничных выступлений (за скромную оплату, разумеется) разные учреждения и коллективы города. Руководителем, организатором, менеджером, а также пианистом и певцом в этой «летучей бригаде» всегда бывал незабвенный Борис Петрович Абаянцев. «Ценитель музыки и танцев Борис Петрович Абаянцев», – так пели о своём лидере в ту пору в куплетах, посвященных этому всесторонне талантливому и, действительно, очень обаятельному человеку, артисты институтской агитбригады. Ведь, кроме всего прочего, он был ещё капитаном футбольной, хоккейной и волейбольной команд НЭТИ, считавшихся сильнейшими среди вузовских команд города. Впоследствии, после окончания института, Б.П. Абаянцев закончил аспирантуру, а потом стал даже деканом факультета АСУ, одним из самых любимых студентами вузовских руководителей НЭТИ.

Однако время шло, и студентам самого юного и перспективного вуза города Новосибирска – НЭТИ – их замечательной агитбригады становилось мало. Им хотелось чего-то большего.

В середине пятидесятых годов в большинстве продвинутых вузов нашей страны появились СТЭМы (студенческие театры эстрадных миниатюр). Эта аббревиатура впервые стала известна всем в начале пятидесятых от студентов МЭИ, того самого вуза, который в своё время заканчивал молодой ректор НЭТИ Георгий Павлович Лыщинский. Там же возник и один из первых и самых лучших студенческих эстрадных театров тех лет – СТЭМ МЭИ. Вскоре подобный эстрадный театр возник и в Ленинграде, в ЛЭТИ⁹. Руководителями его стали студенты Марк Гиндин, Генрих Рябцев и Ким Рыжов (Гинряры, как они сокращённо называли свой авторский коллектив на манер художников Кукрыниксов), а также ещё

⁸ Местные остроумцы в ту пору даже аббревиатуру «НЭТИ» расшифровывали как «Новосибирский эстрадно-танцевальный институт».

⁹ ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Бонч-Бруевича.

один студент ЛЭТИ, композитор Александр Колкер. Кстати, по окончании института все они тут же перешли в профессионалы: Гиняры стали авторами миниатюр и монологов для театра, руководимого популярным уже тогда Аркадием Райкиным, а Саша Колкер – известным композитором, автором мюзиклов и оперетт, идущих по всей стране.

В НЭТИ до начала шестидесятых годов известного театра миниатюр не было. Существовала, правда, скромная эстрадная команда во главе со студенткой Соней Рояк, поддерживаемая небольшим музыкальным ансамблем. Ребята играли на вечерах отдыха бесхитростные и простенькие миниатюры студенческого фольклора (противостояние «профессор – студент»), написанные чаще всего на основе реальных институтских событий. И, конечно же, была, как уже сказано, агитбригада, разъезжавшая по колхозам в период уборки студентами колхозной картошки. Впрочем, также была ещё и такая диковинная вещь, как «институтская световая газета».

Фрагмент «Световой газеты НЭТИ»

Она возникла не в связи с желанием ребят из команды, руководимой Соней Рояк, создать нечто необыкновенное, небывалое и яркое по форме, а просто по необходимости – играть свои миниатюры ребятам было попросту негде. Как известно, «голь на выдумки хитра», особенно если это – студенческая голь. И ребята решили выпускать собственную сатирическую световую газету. Это была лента длиной десять–пятнадцать метров с карикатурами, фотографиями и рисунками. Всё это бесхитростное художество сопровождалось сатирическим текстом, музыкой и песнями на известные мелодии. Сначала звуковое сопровождение записывалось на магнитофон, потом куски изобразительного материала склеивали в единую ленту, которую через эпидиаскоп проектировали на экран или просто на стену. Важно было лишь чётко синхронизировать текст и музыку с изображением и во время демонстрации успевать протаскивать склеенную ленту перед объективом.

На один из таких сеансов «псевдокино НЭТИ» пришёл как-то ректор Георгий Павлович Лыщинский. Несмотря на примитивность формы и вопиющую бедность, искусство доморожденных сатириков директору понравилось своей свежестью, задором, смелостью, юмором и музыкой.

– А что, ребята, – сказал он после сеанса своим сатирикам, – а не слабо ли вам сделать выпуск вашей световой газеты, посвящённый доблестным строителям нашего института. Ведь то, что работа у них идёт ни шатко ни валко – во многом их собственная вина. Соберём полную аудиторию студентов, настойчиво пригласим руководителей стройки, управляющего строительным трестом, журналистов местных газет...

– Не придут, – обречённо сказал студент Валёк Каган, пианист и музыкальный руководитель студенческой «светогазеты».

– Придут, никуда не денутся, – усмехнулся ректор института. – И помните, что сказал Николай Васильевич Гоголь: «Смеха боится даже тот, кто больше вообще ничего не боится!».

Как ни удивительно, ректор оказался прав. Сеанс студенческого «псевдокино», посвящённый строительству института, через месяц после разговора ректора с создателями световой газеты действительно состоялся. И на него явилось всё руководство стройтреста № 43. Вот как вспоминает об этом сейчас Софья Львовна Стернина (в прошлом Соня Рояк):

Вы не поверите, но все они – эти строительные начальники – пришли смотреть наше «кино» и потом, после его просмотра, ничего вразумительного сказать в своё оправдание не смогли. В тот раз в поточную аудиторию, вмещающую 75 студентов, набилось человек триста. Можете представить себе реакцию и эмоции зрителей: как студентов,

так и строителей?! Это был реальный опыт апробации известной строки «нам песня строить и жить помогает». И ведь, действительно, всё это нам тогда здорово помогло: и песня, и юмор, и рисунки, и музыка! После этого замечательного киносеанса сдвиги в строительстве нашего института стали более чем очевидными...

А ещё через неделю все активные участники создания «строительно-го» номера световой газеты в приказе № 156 от 29 апреля 1956 года получили благодарность ректора НЭТИ с занесением в личное дело.

И всё-таки все ребята, участники агитбригады, мечтали о своём собственном настоящем эстрадном сатирическом театре, который в НЭТИ в конце концов появился. Но этому предшествовали особенные, весьма интересные события.

Глава 2

НГСТМ

Под этой диковинной, труднопроизносимой аббревиатурой скрывался уникальный творческий коллектив: Новосибирский городской студенческий театр миниатюр, который, в конечном счёте, и стал своего рода предтечей студенческого театра сатиры НЭТИ (СТС НЭТИ). НГСТМ был воистину уникальным коллективом студенческой самодеятельности, аналогов которому не было и нет. По крайней мере, я не знаю больше ни одного студенческого театра в нашей стране, который бы базировался при горкоме комсомола, репетировал после окончания рабочего дня в кабинете его первого секретаря¹⁰ и затем выступал со своими спектаклями на городских и районных комсомольских конференциях (да-да, именно так тогда и было!). В это трудно поверить, но всем участникам этого творческого коллектива (студентам разных вузов города) были выписаны специальные пропуска, дававшие право прохода в вечернее и ночное время в помещения мэрии города Новосибирска, где размещался горком ВЛКСМ, для того чтобы самодеятельные артисты могли сколь угодно долго репетировать там свои спектакли.

¹⁰ Это был Иннокентий Васильевич Серебряков, большой любитель студенческого юмора. Впоследствии, после окончания комсомольской карьеры, он получил должность председателя Сибирского отделения Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП). Может быть, по стереотипу мышления партийных властей города.

Каким же образом случилось всё это и продолжалось потом в течение двух лет в Новосибирске? Кто всё это затеял? Кому первому пришла в голову такая шальная и, в сущности, совершенно безумная идея? Кто собрал по многочисленным вузам города самых ярких и талантливых «студентов-хохмачей» и сподвиг их на создание такого художественного, театрального и сатирического поприща? И почему все они, не раздумывая, кинулись в это сомнительное предприятие с головой? Боюсь, что сейчас, по прошествии почти шестидесяти лет, на такие вопросы вряд ли кто-то сможет уверенно и обоснованно ответить.

Может быть, этому способствовал Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, состоявшийся в Москве в 1957 году, на котором всё было в первый раз – неожиданно, необыкновенно, удивительно. Это было по тем временам грандиозное, с одной стороны, политическое, а с другой – художественное и спортивное мероприятие, которому высшие идеологические власти страны придавали первостепенное значение. Для его подготовки все лучшие студенческие силы столицы были собраны в мощный творческий коллектив, участники которого в поте лица целый год трудились, приготавливая яркие и незабываемые спектакли, конкурсы, шествия, карнавалы, политические акции. За время этой работы студенты разных вузов столицы так творчески сдружились, что после окончания Московского фестиваля разойтись назад по своим «вузовским квартирам» не пожелали, а стали искать хоть какую-то возможность продолжать творить сообща, ибо уже почувствовали вкус большого и яркого успеха.

Прежде всего, разумеется, стали искать надёжное место, где можно было бы выстроить свой общий «творческий дом», чтобы начать в нём творить яркий и смешной мир сатиры, юмора, музыки, веселья и всеобщей радости. Вначале, конечно, «кинулись в объятия» к комсомолу, ожидая именно от него поддержки и опоры, как это было принято в ту пору почти всегда. Однако ни ЦК ВЛКСМ, ни Московский горком, ни даже КМО¹¹ (в отличие от горкома ВЛКСМ Новосибирска) в своих стенах давать приют новому коллективу, образовавшемуся совершенно самостоятельно безо всякого указания «сверху», не спешили. Успешно проведённый Всемирный фестиваль молодёжи и студентов уже завершился. На повестке дня у «комсомольских вождей» были новые важные задачи, а также идеи, которые никак не были связаны ни со студенческим юмором,

¹¹ КМО – Комитет молодёжных организаций – своего рода «министерство иностранных дел ЦК ВЛКСМ».

ни тем более с сатирой. И потому от настырных студентов комсомольские власти поначалу просто отмахнулись: «Отстаньте, сейчас не до вас!».

Но тут неугомонным московским студентам, жаждущим новой, яркой жизни, неожиданно повезло. Навстречу им пошло руководство Дома культуры гуманитарных факультетов МГУ, располагавшегося в самом центре Москвы, по соседству с Манежем, по адресу: улица Герцена, дом 3¹². В прежние, дореволюционные времена в этом доме был храм Великомученицы Татьяны, покровительницы школяров и студентов¹³, считавшийся Московской университетской церковью. «Вот и хорошо, пускай здесь будет теперь храм студенческого юмора города Москвы», – вздохнув, решили в ЦК ВЛКСМ и, немного подумав, дали благословение на создание городского студенческого сатирического эстрадного театра.

Так явилась на свет знаменитая эстрадная студия «Наш дом» ДК ГФ МГУ, вскоре ставшая лучшим эстрадным сатирическим студенческим коллективом страны. «Наш дом» просуществовал десять лет, вырос до высот эстрадного сатирического студенческого театра европейского, а может, и мирового класса, но в самом конце шестидесятых годов по решению парткома МГУ, возглавляемого печально знаменитым секретарём В.Н. Ягодкиным¹⁴, был расформирован со страшным скандалом.

А как дело происходило в Новосибирске? Какие конкретные события способствовали этому? Скорее всего, о знаменитой эстрадной студии «Наш дом» ДК ГФ МГУ комсомольские власти нашего города ничего не знали и поэтому идти по пути её создания не могли. Тут, видимо, у местного комсомольского бомонда были какие-то свои резоны. Но какие? Про это сегодня, скорее всего, никто с полной ответственностью рассказать не сможет, но то, что НГСТМ в Новосибирске образовался в 1957 году, сразу же после Всемирного Московского фестиваля молодёжи и студентов, вряд ли было

¹² Как известно, комплекс основных зданий МГУ располагается на Ленинских горах, а в центре Москвы, на Моховой улице, в старом здании Московского университета находятся гуманитарные факультеты крупнейшего университета нашей страны.

¹³ Между прочим, там отпевали Николая Васильевича Гоголя, хотя к нашему рассказу это отношения не имеет.

¹⁴ В.Н. Ягодкин – впоследствии секретарь Московского городского комитета КПСС по идеологии, а также кандидат в члены ЦК КПСС (1971–1976) – был одним из наиболее известных представителей ультраконсервативного крыла КПСС. Он был настолько консервативен, что в январе 1976 года (в самый разгар застоя) был даже снят с поста секретаря МКГ по идеологии, а на XXV съезде выведен из кандидатов в члены ЦК.

простым совпадением. Едва ли не всех талантливых студентов разных вузов столицы, собравшихся в самодеятельной эстрадной студии «Наш дом», знала и любила потом буквально вся страна. И потому неудивительно, что впоследствии многие из них стали народными артистами России, заслуженными деятелями искусств, знаменитыми режиссёрами, артистами, писателями и композиторами¹⁵. В точности так же, как любили и ценили в Новосибирске студентов разных вузов города, собравшихся в НГСТМ и перешедших потом в профессионалы, ибо едва не все они впоследствии стали олицетворять собой культурную жизнь столицы Сибири.

Спектакли и представления, которые этот диковинный комсомольский театр из Новосибирска давал на студенческих сценах города, шли под несмолкаемый хохот зрителей и пользовались грандиозным успехом. Это и понятно – ведь то был настоящий «студенческий капустник» на темы, такие острые, понятные и близкие всем студентам огромного, неухоженного в те времена, ещё только-только обустривающегося города, когда «свои» играли для «своих», а потому и артисты, и зрители понимали друг друга с полуслова.

Ах, какие это были артисты! Рудик Кушнер из Сибстрина, умевший доводить зрительный зал своими уморительными выходками до икоты, до слёз, до колик в животе, когда уже не оставалось никаких сил смеяться. Коля Самохин из Института инженеров водного транспорта, не только смешной актёр, но и автор прекрасных злободневных и драматургически изящных миниатюр. Солидный Илья Винницкий из мединститута, исполнитель ролей профессоров и боссов американской разведки. Штатный «стиляга» с непременным «коком» на голове, в ботинках на подошве «манная каша» и с галстуком «пожар в джунглях» Гриша Кочержинский из Института связи. А также другие, всего числом около дюжины. Но самую большую группу талантливых участников поставил театру НГСТМ Педагогический институт (и в их числе – режиссёра-постановщика Вадима Гнедкова, тоже студента-старшекурсника). Самой яркой «звездой», пришедшей из этого вуза, был студент-филолог Вадим Суховерхов, автор миниатюр и монологов, поэт, блестящий музыкант, актёр и ведущий. Он-то и станет вскоре главным персонажем нашего рассказа о новосибирском театре СТС.

¹⁵ Это – Марк Розовский, Илья Рутберг, Альберт Аксельрод, Геннадий Хазанов, Семён Фердман (Фарада), Виктор Славкин, Александр Филиппенко, Михаил Филиппов, Максим Дунаевский, Михаил Ушац, Владимир Точилин и многие другие.

Но вот самый молодой и перспективный в ту пору вуз – НЭТИ – поначалу в НГСТМ представлен вообще не был. Видимо, это было связано с тем, что располагался он не в центре, а на далёкой в ту пору окраине города, на противоположном берегу великой Оби, откуда до кабинетов горкома ВЛКСМ добираться было затруднительно, особенно суровой сибирской зимой. Так что лишь менее чем за год до распада знаменитого и по-своему уникального студенческого театра (НГТС) – этот распад был, прежде всего, связан с тем, что практически все его «звёзды» к тому времени свои вузы закончили – там появился первый и единственный студент-актёр из НЭТИ, второкурсник Борис Левин, ведущий знаменитой агитбригады из пресловутого «эстрадно-танцевального института».

Вот как он сам рассказывает о своём появлении в НГСТМ:

После первого курса я чувствовал себя как студент весьма уверенно и потому, увидев в газете «Вечерний Новосибирск» объявление о конкурсном наборе актеров в труппу городского студенческого театра миниатюр (НГСТМ), решил, что эта деятельность будет мне полезна и интересна, но при этом никак не помешает моей успешной учебе.

В объявленное в газете время я пришёл в актовый зал Водного института, чтобы принять участие в конкурсе на право поступить в эту «академию студенческого юмора». В зале, где шел конкурс, на первом ряду, положив ногу на ногу, сидели примерно человек восемь-девять старшего студенческого возраста. Поначалу я решил, что это – руководство студенческого театра. Но оказалось, что это была вся труппа, существовавшая на тот момент, которая сообща принимала решения о приёме новых членов. Любимцы студенческой публики были строги и всем своим видом показывали, что кого попало принимать в свой коллектив не станут.

Я показал строгому жюри свой коронный номер – стихотворный монолог «Громкоговоритель» В.И. Лебедева-Кумача, прочитанный от лица хамоватой тетки, устроившей перепалку в переполненном автобусе, с которым часто выступал (всегда с большим успехом) в составе нашей агитбригады, а также на различных сборных концертах.

Потом меня попросили спеть. Я исполнил песню из только что вышедшего тогда на экраны фильма «Последний дюйм» со словами: «Какое мне дело до всех, до вас. А вам – до меня!». Слова совершенно соответствовали моему тогдашнему настроению. И зрители первого ряда понимающе переглянулись, оценив выбранный мною репертуар.

Вскоре по реакции членов «жюри из первого ряда» я начал отчётливо понимать, что этот отбор я точно должен пройти! Так оно и случилось. Из примерно двадцати человек, участвовавших в прослушивании,

только я один был безоговорочно принят в знаменитый театр. И оказался в нём самым молодым из его актеров.

*Студент НЭТИ Борис Левин –
артист НГСТМ*

Затем, рассказывая о последних днях, проведённых в НГСТМ, Борис Хаймович продолжает:

В процессе репетиций и работы над последним спектаклем нашего театра – приближалось то лето, когда практически все «старики НГСТМ» должны были закончить свои институты – самым ярким и интересным для меня было общение с этими «титанами Новосибирского юмора». Ах, какими яркими, весёлыми и талантливыми были эти ребята! Кроме того, наше общение проходило тогда в атмосфере, свойственной критическому настрою тех лет, «хрущевской оттепели», в ослепительном блеске остроумия этих талантливых студентов.

Но вскоре всё это кончилось. НГСТМ перестал существовать. Он навсегда канул в вечность, оставшись лишь в памяти его участников и зрителей, а я вновь вернулся в свою «агитбригаду НЭТИ». Однако теперь у меня появилась мечта: создать у себя, в НЭТИ, собственный эстрадный театр миниатюр.

И вот примерно полгода спустя на Красном проспекте я совершенно случайно столкнулся с Вадимом Суховерховым, который был одной из самых ярких «звёзд» в нашем НГСТМ. И с этого момента у меня как бы началась новая, яркая полоса жизни. Я понял, что это – судьба, от которой никуда не уйдёшь. И что, если я не попытаюсь воспользоваться этим шансом, то никогда себе этого не прощу.

Здесь воспоминания Бориса Левина мы прервём для того, чтобы рассказать о фактическом основателе и первом художественном руководителе СТС НЭТИ Вадиме Ивановиче Суховерхове.

Вадим Суховерхов был заметной личностью в студенческом Новосибирске не только благодаря своим актёрским, драматургическим и музыкальным талантам, но также и в связи со всесоюзной скандальной известностью, которую он приобрёл во многом из-за своего строптивого и неуживчивого характера, которым он отчасти даже гордился.

По окончании филологического факультета НГПИ Вадим, как и подавляющее большинство выпускников педагогических вузов страны, был обязан поехать на работу в сельскую школу, для каковой цели ему выделили место учителя русской словесности в школе села Битки Кочковского района. Однако ехать туда Вадим категорически отказался, заявив комиссии, что даже не представляет себя в роли сельского учителя да и сельского жителя вообще. Никакие угрозы и кары не могли поколебать его решения. А поскольку Вадим был весьма яркой и даже притягательной личностью в молодёжном сообществе города, его решили примерно и публично наказать за строптивость, да так, чтобы всем прочим было неповадно. Была развязана целая компания по дискредитации Вадима Суховерхова: публиковались статьи в местной и центральной прессе, где бывший любимец студенческой публики был представлен в самом неприглядном виде. К примеру, появился даже фельетон в «Комсомольской правде», который назывался многозначительно: «Осторожно, Суховерхов!». Вадима пытались лишить диплома (правда, сделать этого не смогли: оказалось, что это противозаконно); его выгнали и исключили из всех общественных и политических организаций, где он состоял; а самое главное, его категорически запретили брать на какую-либо работу в Новосибирске. Так продолжалось около года.

И вот в конце пятидесятых годов молодой, но уже уверенный в себе директор НЭТИ Георгий Павлович Лыщинский, который к тому времени как-то разобрался с важнейшими делами строительства своего рождающегося в муках детища, решил энергично взяться за дело для того, чтобы реформировать и вдохнуть новую жизнь во все сферы деятельно-

сти института. И в том числе – в его художественную самодеятельность. Узнав об этом, студент НЭТИ Борис Левин, один из самых юных участников НГСТМ, к тому времени уже прекратившего своё существование, решил попробовать уговорить нового директора пригласить на работу Вадима Суховерхова для создания собственного студенческого театра в НЭТИ. Борис, отравленный, как и все мы, сладким ядом успеха у студенческой публики, мечтал о своём возвращении в СТЭМ, причём в **свой** театр миниатюр, мечтал о творчестве в искромётном жанре студенческого фольклора и потому усмотрел в сложившейся ситуации хороший шанс. Он записался на приём к ректору и взял туда с собой Вадима Суховерхова.

Вадим с присущей ему иронией во всех подробностях изложил коллизию, связанную с ним, обратив внимание ректора на то, чем может быть чреват для руководства института приём его, Вадима Суховерхова, на работу в любом качестве.

Ректор внимательно выслушал его и сказал:

– Мне ваша идея со студенческим театром нравится. Хороший СТЭМ – это обычно не только интересно, но и ярко, жизнерадостно, а также очень полезно. Юмор вообще здорово скрашивает студентам их непростую жизнь. Я сам, знаете ли, заканчивал МЭИ и хорошо помню прекрасный студенческий театр, который там был. Так что ради этого я готов пойти даже на некоторые жертвы. Допустим, на выговор по партийной линии. Но, скажу честно, если меня из-за вашего СТЭМа заставят положить на стол партбилет, я буду вынужден от этого студенческого театра отказаться, несмотря на всю привлекательность этой идеи. Так что, в этом случае, уж не обессудьте, пожалуйста.

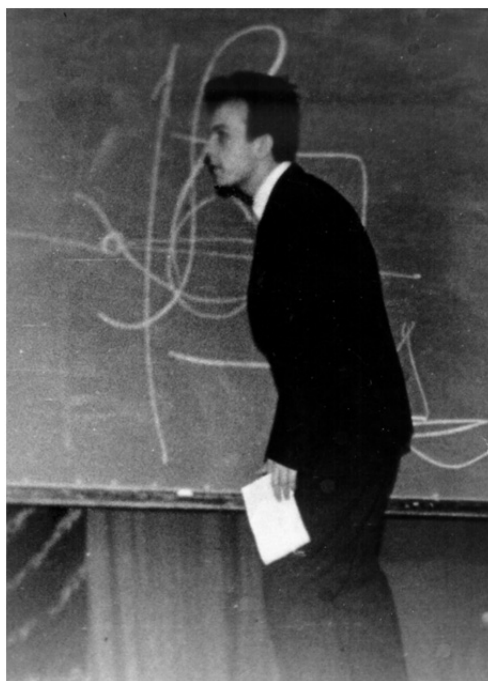
Глава 3

ЭСТРАДНАЯ ГРУППА

И вот десятого декабря 1959 года в одной из аудиторий НЭТИ собралась небольшая группа энтузиастов во главе с Вадимом Суховерховым и Борисом Левиным, задумавшая создать свой собственный эстрадный театр миниатюр. Кроме двух отцов-основателей нового коллектива (из чис-

ла бывших актёров НГСТМ), на первую встречу пришли также студенты НЭТИ: Света Ярославцева, Жора Воронин, Борис Лемеш, Гена Кулипанов, Соня Рояк и Володя Тяжелников. Таким образом, в отличие от большинства коллективов студенческой самодеятельности страны, ново-рожденный эстрадный театр – СТС НЭТИ – имел свой собственный, совершенно реальный день рождения, который впоследствии его участники всегда весело отмечали.

Сразу же было решено, что новый театр будет исключительно авторским, то есть его участники репертуар (миниатюры, монологи и песенки) будут писать для собственного исполнения сами. Впрочем, в этом не было ничего необыкновенного: едва ли не во всех СТЭМах страны, где игрались миниатюры «студенческого капустника», участники театра тексты, как правило, писали для себя сами.

*Миниатюра «В петле гистерезиса».
Находчивый студент – Г. Кулипанов*

Не откладывая дела в долгий ящик, тут же методом «мозгового штурма» придумали две первых миниатюры: «Абакумыч»¹⁶ и комиссия»

¹⁶ Прототипом персонажа этой миниатюры был реальный вахтёр студенческой столовой НЭТИ, и его, действительно, все звали Абакумычем.

(о безобразиях в студенческой столовой) и «Почему на занятиях?» (о снятии с занятий студентов для уборки снега, выварки клопов в общежитии и других мероприятий). А также задумали небольшой цикл миниатюр об экзаменах («В петле гистерезиса»). Разумеется, всё это был настоящий «студенческий капустник» в его первоизданном виде.

Что же это такое: «студенческий капустник» и откуда он взялся?

В русской актёрской среде ещё с дореволюционных времён был широко известен «актёрский капустник» – весёлое, пародийное представление на темы дня, часто понятное только «своим». В ту пору во время Великого поста, когда развлекательные публичные представления для публики устраивать было не принято, актёры со всей России съезжались в столицы для встречи с антрепренёрами и заключения новых контрактов. Вечерами они собирались в кабачках, где заказывали самую дешёвую постную еду: пироги с капустой или «капустники». Во время таких посиделок актёры от души веселились, показывая друг другу пародии на известных лиц, «травили» весёлые истории, рассказывали театральные анекдоты и байки, часто понятные только «своим»¹⁷.

Ну, а в наше время по аналогии с «актёрским капустником» явился миру «капустник студенческий». В нём царило всё то же безудержное веселье, что и в среде «господ актёров». «Господа студенты» так же, как и совершенно бесправные в прежние времена «господа актёры», бесстрашно издевались над «сильными мира сего» (профессорами, деканами, комендантами общежитий). Исполнители касались, прежде всего, тех тем, которые были важны, понятны и интересны в их родной, студенческой среде (как прежде в среде актёрской). То есть «свои» всё так же играли для «своих», хотя никаких пирожков с капустой при этом на спектаклях теперь, конечно же, никто не ел.

Таким образом, в НЭТИ появился свой студенческий театр эстрадных миниатюр, который уже на ближайшем новогоднем вечере (то есть меньше, чем через месяц после своего рождения) дал первый спектакль-концерт. Правда, общепринятая аббревиатура, которой тогда называли театры «студенческого капустника» – «СТЭМ» – Вадиму Суховерхову категорически не нравилась. Он никогда не употреблял её, а свой театр всегда называл только Студенческим театром сатиры (СТС). Впрочем, в этом был серьёзный смысловой резон: таким образом, в творчестве ново-

¹⁷ Может быть, знаменитая сцена встречи актёров Счастливецца и Несчастливецца из пьесы А.Н. Островского «Лес» была написана под влиянием как раз такого «актёрского капустника».

го театра утверждался примат смысла над формой. Уже из самого названия нового коллектива следовало, что его главной целью была не форма подачи материала и даже не юмор, а бичевание недостатков студенческой жизни того времени, то есть сатира.

«О, муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!» –

написал когда-то гениальный А.С. Пушкин, и ребята из только что родившегося студенческого театра НЭТИ, может быть, сами того не осознавая, его точку зрения безоговорочно поддержали.

Студенческий театр сатиры НЭТИ (первый состав)

Слева направо: Людмила Калина, Белла Довжик, Борис Лемеш,
Леонид Левицкий, Владимир Тяжельников, Борис Федорович Ласточкин,
Софья Рояк, Геннадий Кулипанов

Кроме того, оказалось, что вот и в столице Польши, Варшаве, в ту пору уже был свой СТС – знаменитый на всю Европу «Студенческий театр сатиры» (притом, отнюдь не миниатюрный, а настоящий, большой театр). Это был, пожалуй, единственный студенческий коллектив в мире, официально получивший Государственную премию своей страны за многолетнюю деятельность. Вадим Суховерхов знал об этом и, может быть, ещё и потому так назвал свой новый коллектив (с прицелом на далёкое будущее).

Впрочем, в то время в НЭТИ это был ещё не театр, пусть даже и «миниатюрный», а всего лишь «эстрадная группа». Это слово, «группа», сразу же очень не понравилось идеологическим работникам института, как не понравилось и всё остальное, связанное с этим коллективом: тексты монологов, песенок и миниатюр, ажиотаж, поднявшийся вокруг «группы», и, главное, сама фигура её лидера, Вадима Суховерхова. В парткоме начали говорить о какой-то странной «групповщине», возникшей в студенческом клубе, о разных нездоровых явлениях, возникших там в последнее время и о довольно подозрительном лидере сомнительного (а, может быть, даже и чуждого) советскому студенчеству эстрадного театра. Но сразу же закрыть новый коллектив идеологические мастодонты не решились. Во-первых, потому что он находился под покровительством самого ректора, о чём тот публично заявил на каком-то партийно-комсомольском активе, а во-вторых, времена уже были не те – на пороге стояли шестидесятые годы с их «хрущёвской оттепелью».

«Завлит» СТС НЭТИ К.В. Малиновская

преподавательница философии Камилла Васильевна Малиновская, выпускница философского факультета МГУ, недавно приехавшая работать в НЭТИ по распределению. Вадим Иванович значительно именовал её «завлитом театра СТС», давая тем самым понять, что театр у него самый настоящий, даже вот и собственный завлит в нём есть.

Новогодним спектаклем «Весёлый юбилей»¹⁸, сыгранном в один из последних дней 1960 года в только что сданном строителями актовом зале ещё строящегося корпуса «К», в сущности, и начал свою жизнь театр СТС (напомню, до того в НЭТИ была всего лишь «эстрадная группа»). Спектакль был построен как весёлый день рождения, на который была приглашена публика, и начинался он с бесшабашного хоровода вокруг ёлки, текст песенки для которого написала

¹⁸ Название это тоже слегка отдавало весёлым абсурдом: коллективу СТС НЭТИ тогда исполнился всего только год, и называть это юбилеем было довольно-таки странно и даже смешно.

ВЕСЁЛЫЙ ЮБИЛЕЙ

Нынче праздник новогодний –
Уж куда бы веселей!
А у нас ещё сегодня
Юбилей.

И как исстари ведётся,
Если что-то отмечать,
С биографии придётся
Всё начать.

Появились мы на свете
В прошлогодний Новый год,
А сегодня даже в НЭТИ
Кое-кто нас узнаёт.

Мы прошли совсем немного
По эстраднему пути.
Всё же можно ряд итогов
Подвести.

Пусть вначале, как ребёнок,
Коллектив был слаб и мал,
Юмор он уже с пелёнок
Понимал.

В результате всех усилий,
Сделав первый робкий шаг,
Мы шагнули и спросили:
«Ну и как?».

На премьерe тесно было,
Были гости всех мастей.
Все сказали: «Очень мило,
Но у Райкина смешней».

А пижон с солидным стажем,
Что откуда-то пришёл,
Произнёс: «Какая лажа!»
И ушёл.

Мы росли и обрастали;
Выставляем через год
Мы в расширенном составе
Хоровод.

К этому времени творческий состав СТС НЭТИ увеличился почти втрое. Очень ценными приобретениями для нового коллектива оказались, во-первых, два преподавателя: молодой доцент кафедры ТОЭ¹⁹, выпускник аспирантуры МЭИ Борис Фёдорович Ласточкин, тут же ставший штатным исполнителем всех ролей профессоров в поединках «профессор – студент», и уже упоминавшаяся здесь преподавательница философии Камилла Васильевна Малиновская. А также студенты-старшекурсники: Леонид Левицкий (художник театра) и Валерий Двоскин (руководитель музыкального ансамбля театра), а во-вторых, способные актёры-студенты Людмила Бабина, Виктор Каторгин и Надежда Гаврикова.

Тут важно отметить, что к тому времени в СТС уже сформировался свой собственный, вполне приличный музыкальный ансамбль, которым руководил студент-старшекурсник Валера Двоскин, прекрасно игравший не менее чем на дюжине разных музыкальных инструментов, включая баян.

Миниатюры в спектакле «Весёлый юбилей», хотя и были довольно смешными и симпатичными, но бесхитростными, простенькими и, в основном, откровенно «капустниковыми». Единственное, в чём спектаклю было невозможно отказать, – в музыкальности, ритме, чёткости и вкусе. Разумеется, первое настоящее творение нового театра НЭТИ было тепло принято студенческой публикой, чего, впрочем, и следовало ожидать. А в зале на своих привычных местах в третьем ряду сидело всё семейство ректора Лыщинского с ним самим во главе. При этом Георгий Павлович смеялся и радовался студенческому весёлому представлению, как дитя, нисколько не уступая в восторженности своим соседям-студентам.

Впрочем, уже и в своём первом эстрадном спектакле театр СТС «показал зубы». В конце представления явился на сцену мрачный тип с монологом: «Много, много мы кое-кому ещё позволяем! Распоясали лю-

¹⁹ ТОЭ – теоретические основы электротехники.

дей!..». В этом типе многие тотчас узнали секретаря парткома института с говорящей фамилией Обухов. Впрочем, тогда это было только начало, хотя и весьма обещающее.

Оркестр студенческого театра сатиры НЭТИ

Спектакль «Весёлый юбилей» был сыгран всего только один раз, но весть о нём, причём откровенно восторженная, тут же разнеслась в среде студенчества города. Да и не только в среде студенчества – молодые инженеры, игравшие в СТЭМах разных вузов страны и после окончания своих институтов приехавшие в Новосибирск «по распределению», потянулись в новый театр для того, чтобы предложить свои услуги как в качестве авторов, так и в качестве актёров. Поэтому вскоре под началом у Вадима Ивановича Суховерхова оказалась довольно мощная команда талантливых артистов и юмористов, среди которых выделялись Евгений Вишневский из Рязани (то есть я сам), Владимир Нифонтов из Челябинска, а также местный красавец, баламут, охальник и остро слов Николай Пазенков. К сожалению, почти никто из нового пополнения никакого отношения к НЭТИ не имел. В основном эти ребята пришли из художественной самодеятельности Новосибирского городского клуба туристов и альпинистов. Так что теперь театр СТС мог считаться театром НЭТИ лишь с большой натяжкой. Разумеется, поначалу это беспокоило ревнителей чистоты самой идеи «студенческого театра», в особенности, когда дело касалось соревнований между вузами города.

Евгений Вишневский

Понимая это, Вадим Суховерхов отправился решать щекотливый кадровый вопрос на приём к самому директору института. Георгий Павлович покачал головой, ненадолго задумался, а потом, махнув рукой, дал своё разрешение на участие «пришельцев» в студенческой самодеятельности НЭТИ:

– В конечном счёте, какая разница?! Главное, чтобы нашим студентам, вашим зрителям, были от этого радость, польза и удовольствие. Кроме того, я полагаю, что вскоре и талантливые студенты из нашего института постепенно потянутся в ваш коллектив. Да и престиж НЭТИ от этого только выиграет. Так и быть, закроем на эту проблему глаза. Ладно, берите к себе, в институтскую самодеятельность, чужаков!

Глава 4

«ПРО ТЕХ, КОГО НИКТО НЕ ЛЮБИТ»

Таким образом, к началу лета 1961 года в НЭТИ под руководством Вадима Суховерхова собралась довольно мощная команда талантливых ребят, которая нисколько не уступала легендарному НГСТМ ни по авторским, ни по актерским кондициям. И надо было срочно «ковать железо, пока оно горячо» – то есть делать новый большой эстрадный сатирический спектакль.

Разумеется, первым делом его следовало написать. Название своему новому творению Вадим придумал уже давно: «Про тех, кого никто не любит». Оно должно было привлечь внимание студенческой и вообще всякой городской публики из числа продвинутой молодёжи своей необычностью, но главное – подчеркнуть сатирическую направленность будущего спектакля. Вместе с тем по форме он непременно должен был

оставаться «студенческим капустником»: быть смешным, музыкальным, ярким и состоять из сценок (миниатюр), монологов, интермедий и песенок. Кроме того, для нового спектакля желательно было придумать какой-нибудь яркий и необыкновенный драматургический ход, объединяющий все разрозненные сатирические материалы в единое целое, а также при написании уложиться в весьма сжатые сроки – до начала нового, 1961–62 учебного года.

Впрочем, теперь в СТС был свой собственный, довольно мощный авторский коллектив, включавший около десяти юмористов. Справедливости ради заметим, что примерно половина «авторской группы», хотя и выразила горячее желание создавать собственные «шедевры студенческой драматургии», за полгода работы ничего путного ни написать, ни даже придумать так и не сумела. Однако оставалась вторая половина, и плоды её работ были весьма обнадеживающими.

Вскоре тот самый «драматургический ход» был придуман: всем миниатюрам, монологам, интермедиям и даже музыкальным номерам следовало дать имена известных классических произведений. Так появились у нас миниатюры: «Много шума из ничего», «Женитьба Белугина», «Бешеные деньги», «Комедия ошибок», «Былое и думы»; а также монологи: «Клоп» и «Горе от ума»; интермедии: «Собака на сене», «Сорочинская ярмарка»; пародийный концерт «Таланты и поклонники» и так далее, и тому подобное.

И работа закипела.

Во-первых, из этой солидной драматургической команды сразу же выделилась авторская троица, состоявшая из самого художественного руководителя СТС НЭТИ Вадима Суховерхова, завлита театра Камиллы Малиновской и «пришельца» из СТЭМа РРТИ²⁰ Евгения Вишневого. Вадим и Камилла писали неплохие юмористические и иронические стихи (и совместно, и порознь), а Евгений (то есть я сам, автор этих строк) хотя стихов и не писал, зато в СТС НЭТИ пришёл не с пустыми руками, а с толстой папкой, полной смешных и остроумных миниатюр, созданных ещё в Рязани. Был в ней, кстати, и полнометражный сценарий захватского капустника на космическую тему: «Путь к звёздам или необыкновенные приключения Женьки Вишневого», то есть спектакль, созданный под конкретного артиста, то есть лично под меня. Ничего из миниа-

²⁰ СТЭМ РРТИ – Студенческий театр эстрадных миниатюр Рязанского радиотехнического института, один из самых ярких студенческих сатирических театров страны середины 50-х годов.

тюр этого «рязанского» представления Вадим с Камиллой для новой большой программы СТС взять не захотели, но вот сама идея спектакля на «космическую тему» им очень понравилась, хотя они и решили делать его в виде пародийного музыкального концерта, который тут же нарекли «Космосэстрадой». Впоследствии этот концерт стал главным «гвоздевым» номером²¹ спектакля СТС НЭТИ «Про тех, кого никто не любит», получив название «Таланты и поклонники». В нём участвовали едва ли не все лучшие артисты нашего театра, но в основном на сцене «царил» сам Вадим Суховерхов, исполнявший практически все самые яркие музыкальные номера.

«Таланты и поклонники» (Космосэстрада). Финальный поклон

Впрочем, нашёлся среди прочих там персонаж и для меня. Я должен был изображать самодельного поэта, члена литературного объединения «Лайка» и, конечно же, текст для себя написал сам. И надо же было такому случиться: в тот самый момент, когда дома у Вадима Ивановича, где мы вдвоём с ним работали в тот раз, только-только я прочитал своему соавтору моё будущее выступление (вернее, не моё, а моего персонажа):

«Я на полёт ракет во мраке
Смотрю с тоской издалека
И так завидую собаке,
Той, что летала в облака!»,

²¹ Вернее, совокупностью номеров, ибо это был «концерт в концерте».

как дверь комнаты, где мы трудились, открылась, вошла взволнованная Наталья Ивановна, мать Вадима, и сказала:

– Человек в космосе! И зовут его Юрий Гагарин!

Ибо было это 12 апреля 1961 года. Вот какие совпадения иногда случаются в жизни.

Далее личный вклад в общее дело внёс сам Вадим Иванович Суховерхов. Он переделал свой монолог «Урок ручного труда в третьем классе», исполнявшийся им ещё в НГСТМе, в весьма смешную драматургическую миниатюру, назвав её теперь «Комедией ошибок».

«Комедия ошибок». Выступление СТС НЭТИ по телевидению

Потом и я предложил миниатюру, где в рамках неведомой нам кампании публично «прорабатывали» неизвестно за что хорошего студента Пятёркина. Эту роль я играл ещё в Рязани, в СТЭМе РРТИ, и была она одной из моих лучших актёрских работ того времени. Вот тут уж Вадим сам напросился ко мне в соавторы и с огромным удовольствием стал дополнять реплики персонажа миниатюры Бейнабатова, как видно, вспоминая те «головомойки», которые в своё время устраивали ему самому «ответственные товарищи». Надо ли говорить, что эта миниатюра у нас получилась жизненной, злой и очень яркой.

Миниатюра «Много шума из ничего»

Участвуют Надежда Гаврикова, Борис Левин, Евгений Вишневский

Кроме «вклада из Рязани», я внёс и лично свой, написанный здесь, в Новосибирске. Это был монолог «Клоп», который впоследствии я всегда исполнял сам и, откровенно говоря, не без успеха.

«Клоп»

Однако следует признать, что с самого начала наибольшие надежды все мы возлагали на красавца, баламута и остроуслова Колю Пазенкова. Ещё при работе над спектаклем «Весёлый юбилей» он прямо у нас на глазах написал замечательный сатирический монолог «большого партийного начальника». Тот самый, что так не понравился «товарищам из парткома НЭТИ», начинавшийся словами: «Много, много мы ещё кое-кому позволяем! Распоясали людей...». Вот и теперь, буквально через неделю после получения своего драматургического задания, он принёс сразу две очень приличных сатирических миниатюры: одну – о комсомольской свадьбе, другую – о жадном до денег преподавателе-подкаблучнике. Обе они после небольшой нашей с Вадимом доработки вошли в новый спектакль под названиями «Женитьба Белугина» и «Бешеные деньги». Причём роль преподавателя-подкаблучника Вадим пожелал играть сам, взяв себе в партнёрши нашу самую лучшую тогдашнюю артистку, юную «травести»²², студентку-первокурсницу Милу Бабиную.

Людмила Бабина

²² На жаргоне профессиональных артистов «травести» – это исполнительница детских ролей.

Что же касается Коли Пазенкова, то мы полагали, что этот его успех на драматургическом поприще – только начало, и он станет вскоре основным, самым ярким и талантливым автором СТС НЭТИ. Однако баламут Коля надежд своих поклонников не оправдал и вскоре с нашего творческого горизонта исчез навсегда, так же неожиданно, как и появился на нём.

Впоследствии, двенадцать лет спустя, Вадим Суховерхов рассказал мне как-то совершенно удивительную историю о своей встрече с Колей Пазенковым. Когда он (Вадим) со своим другом Олегом Перцевым путешествовал по озеру Байкал на теплоходе «Комсомолец», где оба они, обритые наголо, подрабатывали в местном корабельном ресторане официантами²³, на одну из глухих пристаней из местной тайги вышел бородастый красавец для того, чтобы обменять на водку двустольное ружьё двенадцатого калибра. Это и был Коля Пазенков. Они обнялись, выпили за встречу, после чего Коля ушёл обратно в тайгу теперь уже навсегда, даже и не поинтересовавшись судьбой СТС НЭТИ, спектакля «Про тех, кого никто не любит» и своих миниатюр.

Володя Нифонтов, выпускник ЧПИ и участник знаменитого СТЭМа²⁴ этого вуза, по распределению приехал в Новосибирский НИИ п/я 39. Впоследствии он перешёл на работу в Институт ядерной физики СО АН СССР, став там вначале кандидатом, а потом доктором физико-математических наук, а также профессором и затем даже проректором НГУ по научной работе. Кроме этого, он был кандидатом в мастера спорта по альпинизму, писал неплохие стихи и пел песни под гитару. Мы с ним познакомились в самодеятельности Городского клуба туристов и альпинистов, и я без особенного труда уговорил его вернуться «под благодатную сень студенческого театра».

Володя в общую копилку нашего нового спектакля принёс большую интермедию «Сорочинская ярмарка», игравшуюся перед занавесом, над которой, правда, нам с Вадимом Суховерховым пришлось затем основательно потрудиться. Сейчас я уж и не припомню, что представляла собой это «Ярмарка»: то ли «перелицовку сценки из капустника СТЭМа ЧПИ», то ли произведение, специально написанное уже в Новосибирске, по нашему заказу. Да и неважно это, если честно сказать.

²³ Если я был известен в нашей компании своим талантом кулинара, то Вадим Иванович Суховерхов славился как классный официант.

²⁴ ЧПИ – Челябинский политехнический институт. СТЭМ ЧПИ впоследствии был преобразован в знаменитый студенческий театр «Манекен», ставший победителем многих международных фестивалей студенческих театров.

Володя Нифонтов стал одним из ведущих спектакля «Про тех, кого никто не любит». Он сам импровизировал «связки» и вступления ко всем миниатюрам и интермедиям спектакля, иногда в прозе, а иногда и в стихах. Кроме этого, он привёл к нам в театр стройную и черноглазую, юную и очень красивую лаборантку из своего НИИ п/я 39, которая стала второй ведущей. К сожалению, имя её я уже позабыл, да и то сказать, с тех пор прошло уже более пятидесяти лет, а кроме прекрасных внешних данных, девочка эта ничем не запомнилась. Мало того, как только Володя после своей неожиданной женитьбы на студентке консерватории ушёл из нашего спектакля, а также и из нашего театра, так куда-то сама собой пропала и эта девочка.

Владимир Нифонтов

Решили попробовать свои авторские силы и двое наших ведущих артистов: Борис Федорович Ласточкин и Гена Кулипанов. Они написали по большой «капустниковой» миниатюре, каждая из которых хотя и была довольно смешной, но обе они были длинны, громоздки и весьма несовершенны драматургически. Миниатюра Бориса Федоровича представляла собой медицинский трактат с иллюстрациями (демонстрацией пациентов), рассматривая вуз (НЭТИ, разумеется) как некий большой «сумасшедший дом». Миниатюра Гены Кулипанова была выполнена в виде «дефиле» – показа модной одежды студентов, где демонстрировались

различные, часто очень неожиданные ухищрения для пользования шпаргалками на экзаменах. Обе они в окончательный вариант нового спектакля не вошли, но украсили впоследствии наш с Вадимом сборник (разумеется, с указанием авторства создателей) «Студенческий капустник», который, к сожалению, в свет так и не вышел.

В начале осени 1961 года, когда основная работа над миниатюрами, монологами и интермедиями спектакля «Про тех, кого никто не любит» была уже закончена, мы с Вадимом Ивановичем взяли за тяжкий труд по приведению этого разнородного как по форме, так и по содержанию «винегрета» в единое, удобоваримое кушанье. Для начала мы с ним написали вступительную миниатюру «Собака на сене», а затем под общую гребёнку причесали все созданные нашим разрозненным авторским коллективом сатирические материалы. Собственно говоря, именно с этой работы и началось наше с Вадимом Суховерховым последующее авторское сотрудничество, продолжавшееся около десяти лет. Можно сказать, что именно тут и родился единый автор, впоследствии даже получивший собственное имя: «Вадим Сухошневский».

Итак, к началу 1961–1962 учебного года текст нового спектакля был нами написан. Он оказался настолько хорош, что впоследствии практически целиком вошёл в авторскую книжку театра СТС «На четырёх углах», хотя и урезанную цензурой почти на треть, но выпущенную в свет в 1969 году Западно-Сибирским книжным издательством тиражом аж в 30 тысяч экземпляров (и ценой в 9 копеек!). Эта крохотная книжица удостоилась хвалебной рецензии в «Литературной газете» в знаменитом тогда разделе «Клуб 12 стульев», во многом благодаря замечательным рисункам, сделанным художником театра СТС НЭТИ, студентом Лёней Левицким, впоследствии лауреатом многих международных конкурсов карикатуристов и главным художником знаменитого «тонкого»²⁵ одесского юмористического журнала «Фонтан».

Как и следовало ожидать, спектакль «Про тех, кого никто не любит» имел огромный успех у студенческой публики. Он шёл под почти беспрерывный смех и громовые аплодисменты. Особенно здорово зрители принимали пародийный концерт, состоящий из номеров, посвящённых освоению человеком космоса, который в программке спектакля числился как «Таланты и поклонники», хотя мы между собой и называли его «Космосэстрадой». Почти во всех номерах там блистал сам Вадим Иванович

²⁵ Тонкого как в смысле юмора, так и размера.

Суховерхов, показав не только ярчайший эстрадный талант, но и потрясающую музыкальность.

*Групповой портрет на память после выступления
на новосибирском телевидении*

Вадим Суховерхов и Владимир Морозов

Спектакль «Про тех, кого никто не любит» мы давали на разных площадках города несколько десятков раз²⁶ и каждый раз с большим успехом. Был он целиком показан также и по новосибирскому телевидению и тоже прошёл там с большим успехом, о чём потом долго говорили в городе. А в последний раз в стенах НЭТИ его посмотрели участники Всесибирского зонального совещания работников высшей школы. Несмотря на то, что в тот раз публика в зале была не студенческой, а наоборот, очень даже взрослой, успех был тем же самым, обвальным. Так что слава о потрясающем студенческом эстрадном театре из НЭТИ разлетелась по всем вузам Сибири. Так ректор Георгий Павлович Лыщинский, осмелившийся, несмотря на все запреты, принять Вадима Ивановича Суховерхова на работу в свой студенческий клуб, получил ощутимую награду за свой отчаянный и отчасти даже безрассудный (по тем временам, разумеется) поступок.

Театр СТС НЭТИ отправляется на гастроли в г. Томск

По приглашению знаменитых вузов Сибири – Томского и Алтайского политехнических институтов – СТС НЭТИ ездил со спектаклем «Про тех,

²⁶ Обычно СТЭМы свои спектакли показывали два-три раза, не больше, редко четыре.

кого никто не любит» на гастроли в Томск и Барнаул. Особенно волновались мы перед поездкой в Томск: ведь в этом институте в течение многих лет работал знаменитый студенческий театр МИП («Миниатюры, интермедии, песни»)²⁷, первый советский студенческий театр, выезжавший на Международный фестиваль студенческих театров. Там он получил даже какой-то специальный приз, и, во многом благодаря этому, ЦК ВЛКСМ впоследствии принял решение о проведении в Москве Первого всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров. Однако волновались мы зря: и в Томске, и в Барнауле наши спектакли прошли с феерическим успехом у местной студенческой публики.

Театр СТС НЭТИ отправляется на гастроли в г. Барнаул

Окрылённый успехом спектакля и полный творческими надеждами руководитель СТС НЭТИ Вадим Суховерхов решил податься в профессионалы и поступил помощником режиссёра на Новосибирскую студию телевидения. К его удивлению, никаких шероховатостей тут не произошло. Трудно сказать, что явилось тому причиной, но на этот раз при устройстве на работу (в сугубо идеологическое учреждение, между про-

²⁷ Некоторые, впрочем, расшифровывали эту аббревиатуру как «Миниатюры и песни», и тогда она выглядела как МиП.

чим) никаких вопросов к Вадиму Ивановичу в отделе кадров не возникло. То ли к тому времени сошла на нет кампания по дискредитации строптивного молодого специалиста, категорически не пожелавшего ехать на работу в деревню. То ли городское идеологическое начальство посчитало, что Вадим Суховерхов уже получил своё по заслугам и с него достаточно. То ли авторитет Георгия Павловича Лыщинского, ректора одного из самых популярных в городе Новосибирске вузов, сыграл свою роль. То ли успех СТС НЭТИ на гастролях в Томске и Барнауле, а также спектакля на телевидении произвёл впечатление. Теперь об этом, конечно, уже не расскажет никто. Вскоре Вадима Ивановича перевели в ассистенты режиссёра, а потом назначили и режиссёром литературно-драматической редакции. Здесь он тоже стал заниматься своим любимым жанром – сатирой – в рамках, дозволенных строгим партийным начальством того времени, разумеется.

Глава 5

ПОИСКИ НОВЫХ ФОРМ ТЕАТРАЛЬНОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

После спектакля «Про тех, кого никто не любит» перед участниками СТС НЭТИ во весь рост встал трудный вопрос: что делать дальше? А перед Вадимом Ивановичем так сразу два вопроса: куда вести свой театр? И – как совмещать профессиональную работу режиссёра телевидения и руководство самодеятельным (пусть даже и таким ярким, как СТС НЭТИ) театром. И самому Вадиму, и всем нам было ясно, что идти по «капустниковому» пути классического СТЭМа более неинтересно, и надо искать какие-то принципиально новые театральные формы.

В начале 1963 года «завлит» нашего театра Камилла Васильевна Малиновская поступила в целевую аспирантуру и уехала в Москву. Там она вышла замуж, затем поселилась на постоянное жительство в городе Обнинске Калужской области²⁸ и в Новосибирск более не вернулась. Все «пришлые» авторы, кроме меня, театр СТС покинули (женились, завели маленьких детей, постарели), другого прибавления в авторской группе не

²⁸ Там был свой маленький Академгородок, в котором учёные занимались ядерной энергетикой.

произошло и не ожидалось. Так что мы с Вадимом Ивановичем остались вдвоём во главе нашего театра.

Поняв, что помощи более ждать неоткуда, мы с ним решили объединить свои силы и стать, с одной стороны, соавторами СТС НЭТИ, а с другой – совместными художественными руководителями этого театра. При этом я взял на себя директорские обязанности, а Вадим Иванович – режиссёрские.

К тому времени во всём мире набирало силу молодёжное протестное движение, художественным авангардом которого стали студенческие театры разных стран. Вот что напишет впоследствии об этом Марк Розовский, один из художественных руководителей знаменитой эстрадной студии «Наш дом» ДК ГФ МГУ: *Уже в первой половине 60-х годов движение студенческих театров захватило весь мир. Сама Организация Объединённых Наций через ЮНЕСКО специально занималась проблемами студенческих театров в разных странах. Ежегодно проходили шесть международных фестивалей студенческих театров, в которых участвовали десятки лучших коллективов – победители национальных конкурсов. Самые крупные и авторитетные фестивали регулярно проводились в следующих городах: Загребе (Югославия), Вроцлаве (Польша), Нанси (Франция), Льеже (Бельгия), Стамбуле (Турция), Эрлангене (ФРГ), Парме (Италия).*

И далее он же пишет: *Настоящий студенческий театр, популярный во многих странах мира, во-первых, непременно обязан был быть театральной лабораторией, а во-вторых, зачастую и политической трибуной передовой, бунтующей части молодёжи, поэтому его спектакли многие тогда называли не иначе, как политическим кабаре, призывавшим передовую молодёжь на баррикады.*

Но это всё было там, на далёком и чуждом нам Западе. А что же у нас в стране и тем более в Новосибирске? У нас, конечно же, такого разнужданного и безобразного противостояния между молодёжью и властями не было, и быть не могло. Однако и у нас тогда начиналась знаменитая «хрущёвская оттепель», которая уже победоносно шествовала по стране из центра Родины на её далёкие окраины. Разумеется, мы прекрасно понимали, что в стенах НЭТИ никто не позволит нам призывать бунтующую молодёжь ни на какие баррикады, да если честно сказать, никакой «бунтующей молодёжи» вокруг себя мы особенно и не замечали, но поднимать в своих спектаклях острые, злободневные темы, волнующие студенческую молодёжь, мы, безусловно, хотели. Кроме того, мы уже тогда чувствовали себя большими мастерами «читать и писать между строк», а также «показывать фигу в кармане сильным мира сего».

Но самым острым было у нас желание создавать именно театр-лабораторию, искать новые формы театральной выразительности, далёкие от весёлого, но легковесного студенческого «капустника». В ту пору мы с Марком Розовским, мэтром и вождём «настоящего студенческого театра страны»²⁹, были совершенно согласны. А само слово «капустник» было у нас почти ругательным. И напротив, то, чем нам хотелось бы заниматься в СТС НЭТИ, мы про себя называли «политическим кабаре», хотя в стенах НЭТИ вслух этого определения старались не произносить.

В результате долгих поисков и острых дискуссий нам удалось отыскать принципиально новую форму сатирического театра, которую мы принялись разрабатывать весьма активно. В своём новом виде («политического кабаре») СТС НЭТИ стал, если можно так выразиться, обобщённым, «математическим» театром (благо, что один из участников нашего авторского дуэта, то есть я, был профессиональным математиком³⁰). Теперь мы создавали сатирические миниатюры, в которых не было (или почти не было) характеров персонажей, а на сцене публике демонстрировался сатирический образ социального явления в целом, так сказать, в общем виде. Новые миниатюры СТС НЭТИ напоминали математические формулы, куда каждый, подставив на место знаков свои параметры, мог получить нужный ему ответ. «Общо берём и показываем!», – скаламбурил как-то Марк Розовский, рассказывая кому-то о новой форме нашего театра СТС³¹.

Наш первый экстравагантный спектакль, выполненный в этой форме, даже название имел математическое: «Дважды два» и провалился на первом же представлении в НЭТИ с оглушительным треском. От нашего театра студенты ждали совсем другого – смеха, музыки и развлечения, которыми здесь и не пахло. На второй спектакль «Дважды два» не пришёл почти никто – его играли в практически пустом зале.

Для того, чтобы сегодняшнему читателю была понятна метаморфоза, произошедшая с СТС НЭТИ, приведу вступление к нашему тогдашнему «революционному» спектаклю «Дважды два».

Долгое время у нас в стране были тяжкие, сумрачные времена, когда официально считалось, что «дважды два – шесть». Всякого, кто при-

²⁹ Этот неофициальный титул Марка Григорьевича Розовского признавался в ту пору едва ли не всеми лидерами движения студенческих театров в нашей стране.

³⁰ К тому времени мы с Вадимом Ивановичем Суховерховым писали уже только вдвоём, составляя единого автора.

³¹ Тут он перефразировал название одного из спектаклей своей эстрадной студии «Наш дом»: «Старьё берём и показываем!».

держивался иного мнения, ждали огромные неприятности. Кроме того, все в ту пору отчётливо понимали: с арифметикой шутки плохи.

Затем грянула оттепель, подули тёплые ветра перемен, люди, очнувшись от тяжёлой, похожей на недуг спячки, вдруг поняли, что это не так, и «дважды два – это вовсе не шесть, а только пять». И стали этому бурно радоваться.

Радовались они довольно долго, до тех пор, пока не пришёл вдруг какой-то лохматый тип и задумчиво сказал: «Ребята, я тут посчитал, и оказалось, что дважды два – это четыре...».

«Да ну, не может быть!» – засмеялись все вокруг.

«А вы посчитайте сами...».

Тут все неохотно принялись считать, а потом вдруг кинулись закрывать рот распоясавшемуся охальнику и начали кричать ему свистящим шёпотом: «Ты что, с ума сошёл?! Ты что, хочешь, чтобы у нас дважды два опять стало шесть?!»³².

Вскоре авторитет СТС начал в НЭТИ таять, как весенний снег. От прежде безоговорочно любимого театра начали отворачиваться самые верные и восхищённые почитатели. А потом из рядов СТС НЭТИ начали уходить и многие студенты-актёры. Тем не менее мы с небольшой группой самых надёжных приверженцев сделали в той же форме ещё один спектакль «Капли». В нём мы уже попытались сохранить кое-какие сатирические характеры персонажей, частично использовали наши проверенные средства: юмор, музыкальность, пластичность, ритм. Но основную сатирическую форму – ту самую «фигу в кармане» – оставили неизменной. В этом спектакле мы отождествляли себя с теми каплями, которые камень долбят. Вот песенка оттуда:

«Мы капли, мы каплем
На землю, на камни.
Мы сажу смываем
И бодрость вселяем.
Не прячьтесь от нас,
Если вы не из пакли.
Мы капли, мы каплем –
На то мы и капли».

³² Впоследствии, после окончания «хрущёвской оттепели» и прихода периода «застоя», это вступление к нашему неудавшемуся тогда спектаклю вернулось к нам в виде безымянного, то есть фольклорного «перла» народного творчества – политического анекдота.

Результат и этого спектакля был тем же самым. Студенты НЭТИ единодушно «проголосовали ногами» за студенческий капустник и против театра миниатюр-формул. Зал НЭТИ и в этот раз оказался полупустым. А из нашего театра ушли и те немногие энтузиасты из числа студентов-актёров, которые с нами ещё оставались. Но на этом наши тогдашние неприятности не закончились. От нас отвернулось и руководство НЭТИ, а главное – и наш ангел-хранитель, ректор Георгий Павлович Лыщинский.

Он вызвал нас с Вадимом к себе и долго уговаривал вернуться к прежнему студенческому эстраднему театру, вернуться в комфортное и привычное лоно студенческого юмористического фольклора, к нашим «милым, виртуозным юмористическим шедеврам»³³, к таким надёжным (в смысле успеха) СТЭМовским миниатюрам.

Спектакль СТС НЭТИ «Капли»

– Поймите, – убеждал он нас, – ведь вы выходите на сцену не только для того, чтобы высказать свою гражданскую позицию, но, во многом, и для того, чтобы развлечь студентов. И это им нужно, по-настоящему нужно. Я ведь заканчивал МЭИ и до сих пор помню спектакли его СТЭМа конца сороковых – начала пятидесятих годов. Они были всем нам тогда очень нужны. А шедевры того времени лучшего СТЭМа Москвы и в подмётки не годятся вашим миниатюрам, поверьте, я говорю это от души!

Однако, мы с Вадимом Ивановичем, хотя и остались практически вдвоём в СТС НЭТИ, отказаться от нового, «формального» студенческого театра миниатюр не захотели.

³³ Помню, что эта его характеристика наших миниатюр поразила нас тогда.

Тут совершенно неожиданно мы получили поддержку, откуда не ждали. Оказалось, что режиссёр музыкальной редакции Новосибирской студии телевидения, где теперь работал Вадим Суховерхов, Ким (Клементий) Михайлович Долгин руководит кружком пантомимы во Дворце культуры имени Горького. И он сам предложил нам объединить наши усилия для создания некоего синтетического сатирико-философского спектакля, репетировать который можно было бы во Дворце культуры имени Горького, хоть он и располагался на дальней северо-восточной окраине города³⁴.

Для этого нового, синтетического театра мы написали спектакль «Человек в кресле» в том же формате «формального» театра и долго потом репетировали и шлифовали его, хотя даже и не представляли, где, как и для какой публики будем играть наше новое творение. Так же, как толком и не представляли себе, кто мы теперь такие, и «как нас теперь называть». Но название «СТС» тем не менее себе, на всякий случай, оставили.

Коллектив кружка пантомимы был довольно-таки посредственным по актёрскому составу даже в сравнении с СТС НЭТИ, но зато там была одна настоящая «суперзвезда». Это был студент Новосибирского театрального училища Олег Киселёв. Он один был на голову выше и талантливее всех наших артистов, вместе взятых, а кроме того, Олег был фактически уже профессионалом.

Сцена из спектакля «Человек в кресле»

³⁴ В то время в Новосибирске ещё не было метро, ходило очень мало троллейбусов, и главным средством передвижения по городу оставались трамваи. А езды от НЭТИ до ДК имени Горького было не менее часа.

Впоследствии, после окончания Новосибирского театрального училища, он был по конкурсу принят в самый модный в ту пору Театр драмы и комедии на Таганке. Потом Олег Киселёв создал в Москве свой собственный Театр пластической импровизации, базировавшийся в огромном подвале возле метро «Студенческая». Театр Олега Киселёва вскоре стал одним из лидеров театрального андерграунда Москвы. Попастъ на его спектакли стремились послы иностранных держав, знаменитые журналисты, а также театральные деятели всего мира.

Глава 6

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭСТРАДНЫХ ТЕАТРОВ

Этот фестиваль, торжественно названный «Первым» (но фактически так и оставшийся последним), состоялся в начале 1966 года в Москве, в помещении Дома культуры гуманитарных факультетов МГУ, на той самой сцене, где репетировала и играла свои спектакли знаменитая эстрадная студия «Наш дом» – самый известный студенческий эстрадный театр страны того времени.

Впрочем, тогда, в январе-феврале 1966 года, в Москве проходила лишь финальная часть конкурса СТЭМов, в которой участвовало двенадцать финалистов со всей страны. Это были: два театра из Москвы («хозяева фестиваля» – эстрадная студия «Наш дом» ДК ГФ МГУ и популярнейший студенческий театр миниатюр «Телевизор» из МАИ); четыре украинских театра (из Киева, Донецка, Харькова и, разумеется, Одессы³⁵); а также по одному театру из Ленинграда, Воронежа, Челябинска, Казани, Томска и Новосибирска (это как раз и был наш СТС). Кроме того, на фестиваль были приглашены по два-три человека из числа участников всех тех студенческих театров, которые в общем конкурсе участвовали, но в его финальную часть не попали.

³⁵ Из Одессы был знаменитый театр «Парнас-2» Института инженеров морского флота. Тот самый, в котором блистали в своё время Миша Жванецкий, Витя Ильченко и Рома Карцев (Кац) со своим легендарным спектаклем «Как пройти на Дерибасовскую?». Впрочем, теперь это был уже совсем другой театр, который, по мнению знатоков, и в подмётки не годился своему предшественнику.

А на начальном, отборочном этапе фестиваля в нём принимало участие более семидесяти(!) СТЭМов, поэтому специальные комиссии ЦК ВЛКСМ в течение нескольких месяцев колесили по всей стране, выбирая для участия в финальной стадии фестиваля лучшие студенческие эстрадные театры страны. И должны были они набрать этих финалистов ровно двенадцать.

В Москву, на финал фестиваля, мы попали совершенно неожиданно (по крайней мере, для нас самих). Когда небольшая комиссия, возглавляемая Львом Кройчиком, одним из лидеров СТЭМа Воронежского университета, человеком, вхожим в идеологические верхи ЦК ВЛКСМ, приехала в наш город для того, чтобы «отсмотреть» все здешние студенческие эстрадные театры, здесь трещали запредельные морозы – чуть ли не под пятьдесят градусов. Тем не менее все местные вузы, имеющие свои театры миниатюр, перед комиссией выступили, хотя не только членам жюри, но и публике на этих просмотрах пришлось сидеть в шубах.

Свои спектакли показали практически все вузы Новосибирска, кроме... нашего. Во-первых, наш театр, официально называвшийся «СТС НЭТИ», но являвшийся теперь, в сущности, городским, в то время переживал далеко не лучшие времена. Во-вторых, наш новый спектакль «Нашли дурака» к тому времени был ещё не готов и буквально на днях только ещё дописан, да и то не в окончательном варианте. Тем не менее комиссия настаивала на том, чтобы ей непременно представили именно студенческий театр СТС НЭТИ, слухи о котором доходили и до столицы страны.

Мы смогли в одной из комнат Дворца культуры имени Горького лишь показать комиссии только репетицию четырёх миниатюр, а остальные миниатюры вдвоём с Вадимом Ивановичем «на два голоса» прочитали у него дома, единственном месте в Новосибирске, где (по словам членов комиссии) им было тепло. Так что рассчитывать на успех в этом отборе нам, казалось бы, было никак невозможно.

Но и этого мало, вся территория тогдашнего СССР идеологическим отделом ЦК ВЛКСМ была разбита на большие регионы, и от каждого из них в Москву, на финальную часть фестиваля, должен был поехать только один театр. Мы, разумеется, попали в регион Западной Сибири, откуда в финал уже был заранее заявлен студенческий театр МИП (или, может быть, МиП) Томского политехнического института. Собственно, этот театр, любимчик ЦК ВЛКСМ, первый и единственный тогда студенческий театр, участвовавший со своим спектаклем «Есть ли в Томске медведи?» в заграничном фестивале студенческих театров в Польше и даже полу-

чивший там какой-то специальный приз, и был главным организатором нашего фестиваля. Так что героическую поездку воронежской комиссии к нам, в Новосибирск, можно было считать, казалось бы, чистой формальностью.

Однако во всём регионе Восточной Сибири и Дальнего Востока ни одного студенческого эстрадного театра, достойного финала, комиссии ЦК ВЛКСМ найти не удалось, поэтому его место по настоятельной рекомендации воронежских ребят (огромное спасибо им за это!) отдали нам. Сыграло свою роль и ходатайство за нас томских студентов из театра МИП, которые, правда, поддерживая нас, имели в виду спектакль «Про тех, кого никто не любит», который мы привозили к ним в Томск на гастроли в 1964 году.

Телеграмму о выходе в финал театра СТС НЭТИ Новосибирский обком ВЛКСМ получил буквально накануне открытия фестиваля в Москве, и нам на все сборы было выделено лишь два с половиной дня, которые пролетели, как в угаре, поскольку за столь ничтожный срок предстояло переделать пропасть важнейших неотложных дел. Нужно было оформить командировки для всех участников театра, купить по безналичному расчёту билеты на самолёт до Москвы, сшить красивые форменные рубашки для выступлений, а нам с Вадимом даже ещё и дописать все недостающие миниатюры и связки между ними в спектакле «Нашли дурака». К счастью, у нас было много прекрасных помощников: выступление новосибирского студенческого театра в финале всесоюзного фестиваля СТЭМов в Москве комсомольские вожди города считали большим достижением и честью. Да и не только они, но и все, кто оказался к этому причастен. Так девочки-швеи, сшившие нам за двое суток двадцать красивых рубашек для выступления в Москве, в карман каждой положили написанные от руки записки с пожеланием победы на фестивале.

Финансировал нашу поездку на фестиваль обком ВЛКСМ, и вообще именно он считал это мероприятие своим собственным. Хотя, слава Богу, никакого сопровождающего для идеологического руководства из своих «стальных рядов» нам на фестиваль в Москву выделено не было, и мы были там предоставлены сами себе.

Торжественное открытие фестиваля мы видели в Новосибирске по телевизору. Из телевизионного сюжета мы узнали, что Всесоюзный фестиваль СТЭМов – огромное культурное и политическое событие в жизни студенческой молодёжи нашей страны. Что состав жюри на нём самый представительный: писатели-сатирики Александр Хазин и Яков Костюковский, кинорежиссёр и киноактёр Андрей Тютышкин, члены редколле-

гии журнала «Юность» Аркадий Арканов и Григорий Горин, знаменитый эстрадный артист Лев Мирон, композитор и виртуозный музыкант Александр Цфасман, а также другие звёзды первой величины советской эстрады. Но главное – председателем жюри фестиваля был не кто-нибудь, а сам Аркадий Райкин.

Сообщалось в этом сюжете также, что уже первый спектакль фестиваля (открывал конкурсную программу СТЭМ Киевского педагогического института иностранных языков) показал такой высокий художественный уровень исполнения, какого профессионалы эстрады у студентов предполагать просто не могли. Если бы знали эти профессионалы, какой уровень театры-финалисты покажут в дальнейших спектаклях фестиваля! Причём уровень не только художественный, но и гражданский, политический! Уровень, до которого самим профессионалам было, «как до Китая пешком»! Если бы могли предполагать высшие чины ЦК ВЛКСМ, какого джина они выпустили из бутылки!

В газете «Комсомольская правда», вышедшей на другой день, в большой статье, посвящённой открытию фестиваля, киевляне расхваливались на все лады, а их лидер и главный актёр, некто Анатолий Лясковский (в отличие от звёзд прочих театров-финалистов я никогда и ничего после фестиваля о нём не слышал) заранее объявлялся одним из главных претендентов на лауреатское звание. Впрочем, в высших комсомольских кругах перед началом этого состязания существовало мнение, что главными фаворитами здесь, наряду со студией «Наш дом» ДК ГФ МГУ и Томским МИПо, будут, скорее всего, театры «Парнас-2» из Одессы и СТЭМ Казанского авиационного института с их блистательным джазовым оркестром.

Словом, если судить по публикациям центральных газет и передачам Центрального телевидения, праздник студенческого юмора, как называли наш фестиваль в ту пору повсеместно, ожидался ярким, весёлым и безоблачным. Однако жизнь внесла в эту радужную картинку серьёзные коррективы. На этом якобы весёлом празднике всё началось, в сущности, с серьёзного скандала, о котором мы здесь, в Новосибирске, не имели тогда никакого понятия.

Только впоследствии мы узнали, что открывать конкурс СТЭМов должен был известнейший студенческий эстрадный театр «Телевизор» из МАИ своим «убойным», безумно смешным и злым сатирическим спектаклем «Снежный ком или Выеденное яйцо», премьера которого состоялась в конце октября 1965 года. Те зрители, кому удалось посмотреть этот спектакль на сцене Дома культуры МАИ, совершенно безапелляционно утверждали, что вся конкуренция на нашем фестивале сведётся к проти-

востоянию студии «Наш дом» МГУ и студенческого театра «Телевизор» МАИ. Ибо всё то, что покажут эти ребята, будет на два порядка ярче, смешнее, злее и профессиональнее, чем у прочих финалистов. Поэтому казалось логичным то, что открывать и закрывать фестиваль должны именно московские студенческие театры. Но...

Дальше я излагаю события со слов самих ребят из студенческого театра «Телевизор» ДК МАИ³⁶.

Поскольку в оформлении зрительного зала на нашем спектакле, который должен был начаться сразу после торжественного открытия фестиваля, присутствуют кумачёвые плакаты с лозунгами, мы приехали в ДК ГФ МГУ с самого раннего утра, чтобы развесить их. Однако сделать этого нам почему-то не позволили. Мало того, какой-то комсомольский клерк при этом буркнул, что сегодня, скорее всего, мы выступать вообще не будем. И кто будет выступать, вместо нас, в день открытия, пока неизвестно.

— А как же мы? — спросили мы, на что клерк криво усмехнулся и пожал плечами.

Честно сказать, мы растерялись, но поначалу решили, что это какое-то недоразумение.

И вот — двенадцать часов. Зал ДК ГФ МГУ полон. Открытие фестиваля не начинается. Всё жюри сидит за огромным столом, пересекающим зрительный зал поперёк, нет только одного Райкина. Проходит час, за ним — второй. И вот вдруг откуда-то становится известно, что открывать фестиваль будут киевляне, которых прямо с поезда, с чемоданами привезли сюда, в ДК ГФ МГУ, на улицу Герцена для выступления. Эта новость, как огонь в соломе, мгновенно распространяется по всему залу, приводя всех в недоумение и трепет. Вскоре после этого в зале появляется озабоченный Аркадий Райкин и занимает своё председательское место за столом жюри. И только после этого фестиваль открывают.

Впоследствии стало известно, что партком МАИ запретил своему студенческому театру показывать спектакль «Снежный ком или Выеденное яйцо» в программе Всесоюзного фестиваля, но ребята из «Телевизора» ослушались грозного приказа старших товарищей и таки явились показывать свой спектакль в ДК ГФ МГУ. Штаб фестиваля оказался в весьма затруднительном положении, но приезд киевлян к началу торжественного

³⁶ Мне всё это стало известно много позже из книги «Жил да был «Телевизор» в МАИ», подаренной в Казани в 2007 году.

открытия фестиваля и их согласие прямо «с колёс» выступить в конкурсе оказались весьма кстати и здорово выручили функционеров ЦК ВЛКСМ.

Мы прилетели в Москву на третий день фестиваля. Три первых СТЭМа (из Киева, Ленинграда и Одессы) к этому времени свои конкурсные спектакли уже показали, после чего наш фестиваль на два дня – второе и третье февраля – взял себе выходные, один из которых пришёлся на тот день, когда мы прилетели в Москву. Забегая вперёд, скажу, что за исключением первого и последнего дней фестиваля, когда в конкурсной программе выступало по одному театру, во все прочие дни свои спектакли давали по два театра, из двух разных городов. Причём первый спектакль начинался в одиннадцать утра, второй – в два часа дня. Вечером же были внеконкурсные (дополнительные) показы, поскольку многие из членов жюри (и в их числе сам Аркадий Райкин) в это время занимались своей основной работой: выступали перед московской публикой.

Нас поселили в гостинице ЦК ВЛКСМ «Юность», которая на время фестиваля была целиком отдана студенческим театрам. В эти дни в столице, как и у нас в Новосибирске, тоже стояли очень серьёзные морозы (серьёзные, разумеется, для Москвы, а не для Сибири) – градусов двадцать пять, и в гостинице было очень холодно.

В штабе фестиваля нам сообщили, что конкурсное выступление Новосибирского театра СТС будет предпоследним, а после нас свои спектакли покажет только эстрадная студия «Наш дом» ДК ГФ МГУ. Причём, в отличие от прочих участников фестиваля, студийцы «Нашего дома» (хозяева сцены) будут играть не один, а целых три спектакля. При конкурсном показе – спектакль-концерт «Тра-ля-ля!» в постановке Ильи Рутберга, а вне конкурса – «Вечер русской сатиры» в постановке Марка Розовского и экспериментальный литературный спектакль «Пять новелл в пятой комнате» в постановке Альберта Аксельрода. То есть каждый из трёх художественных руководителей этой студии представит фестивальной публике по одному поставленному им спектаклю.

Узнав о дате своего конкурсного выступления, мы очень обрадовались, ибо выпавший жребий показался нам весьма удачным: ведь до начала своего конкурсного выступления мы сможем увидеть спектакли практически всех своих конкурентов и определить расстановку сил на фестивале. Что же касается студии «Наш дом», которая будет выступать после нас, последней, то её лидерство в движении студенческих театров страны никем не оспаривалось и её первое место сомнениям не подвергалось. Мало того, лично я все спектакли «Нашего дома» уже видел, притом по несколько раз.

Вместе с тем здесь же мы с сожалением узнали, что один день должны будем целиком посвятить своим выступлениям «перед народом» в студенческих клубах московских вузов и, кроме уже пропущенных нами трёх первых спектаклей, не сможем увидеть также конкурсные спектакли ребят из Воронежа и Казани.

Впоследствии наши московские друзья рассказали нам о том, какие интриги плели руководители студенческих клубов разных московских вузов, стараясь заполучить к себе фаворитов фестиваля, к числу которых наш театр, к сожалению, категорически не принадлежал. Поэтому новосибирскому театру СТС достались непрестижные и удалённые от центра Москвы клубы полиграфического и текстильного институтов, причём на наших спектаклях там сидело по семьдесят-восемьдесят зрителей, да к тому же все они были в пальто. Так что к значительным художественным событиям в жизни московского студенчества эти выступления отнести было никак нельзя. Тем более что приём нашего спектакля студентами-полиграфистами и текстильщиками также был очень прохладным – от нас ждали чего-то смешного и яркого, а на то, что мы показали, зрители смотрели с недоумением, не понимая, какое отношение всё это может иметь к любимому всеми студентами нашей страны СТЭМу. А вот предполагаемые лидеры фестиваля (Томск, Одесса, Казань) выступали в клубах МАИ, МВТУ имени Баумана, МИИТа, академии имени Жуковского и даже в Доме кино и Доме актёра.

А потом пришёл предпоследний день фестивальных показов, и был он днём нашего конкурсного выступления. В программе этого дня мы стояли вторыми, после ребят из Донецкого политехнического института. Накануне вечером, как и у всех прочих фестивальных коллективов, у нас была репетиция на сцене ДК гуманитарных факультетов МГУ. Мы управились с нею достаточно быстро и уступили сцену ребятам из Донецка всего через два часа. Вообще, первыми в день показа обычно выступали те театры, у которых была богатая постановочная часть, сложная работа со светом и музыкальной фонограммой. А вот репетировали они накануне обычно наоборот, вторыми, с тем, чтобы как следует управиться со своим сложным хозяйством (некоторым для этого приходилось хлопотать даже всю ночь) и сразу же после этого выйти со своим спектаклем на зрителя.

Артисты СТЭМа из Донецкого политехнического института, скептически скривив губы, смотрели на нашу репетицию, пока их крепкие ребята выгружали на сцену сундуки с костюмами и детали гигантских картонных декораций. Смазливый жеманный мальчик, судя по всему,

главный актёр Донецкого студенческого театра, хмыкнув, спросил у меня:

– И вот с этим... вы приехали в Москву?

– С этим, – пожал я плечами.

– Ну-ну, – ухмыльнулся он и махнул рукой, потеряв к нам и нашему театру всякий интерес.

На следующий день к своему конкурсному выступлению мы начали готовиться с раннего утра ещё в гостинице: девочки делали какие-то необыкновенные причёски и накладывали особенный макияж; ребята проверили весь реквизит, хоть было его у нас и немного; мы с Вадимом у себя в номере ещё раз продумали все связки между миниатюрами. В коридоре гостиницы под руководством Олега Киселёва наши артисты провели хорошую разминку. Поэтому на своё конкурсное выступление мы чуть не опоздали. Нам было велено явиться в ДК ГФ МГУ не позже половины первого, и мы рассчитывали подойти туда именно к этому времени. Двадцать минут первого возле здания МГУ на Моховой навстречу нам попался Витя Славкин, драматург студии «Наш дом», и закричал:

– Вы где это ходите?! В оргкомитете сбились с ног, вас по всем телефонами уже целый час ищут. Бегите скорее, пока публика не разошлась.

– Да ведь там, наверное, ещё Донецк на сцене. У них только декораций и костюмов целый вагон.

– Никого на сцене давно уже нет. Через полчаса после начала у этих хохлов в зале осталось десять человек публики. Вот они всё своё действие махом и скомкали. А с костюмами и декорациями у них, действительно, богато. Говорят, они у местного оперного театра разжились.

Мы опрометью бросились на улицу Герцена.

– Ну, где же вы ходите?! – с тем же самым вопросом кинулся к нам представитель оргкомитета фестиваля.

– Нам было сказано прибыть не позднее чем к половине первого. Сейчас двадцать пять минут первого. Мы не опоздали, – ответил я.

– Хотя обычно опаздываем, – высокомерно добавил Вадим Иванович.

– В общем-то, да, конечно, вы не виноваты. Но Донецк, вместо заявленного спектакля длительностью в два с небольшим часа, уложился почему-то менее чем в час, а у большинства зрителей – билеты на оба конкурсных спектакля. У нас обычно перерыв между выступлениями театров бывает минут тридцать-сорок, а тут мы все сидим уже более часа и ожидаем. Да и жюри тоже мается.

– Скажите, а много народа из зала ушло насовсем, не дождавшись нашего выступления? – в волнении спросил я. – Нам не придётся играть перед полупустым залом?

– Думаю, что нет. Скорее всего, зал, как обычно, будет переполнен.

– А как быть с теми, кто придёт к двум часам? Они же к началу нашего спектакля опоздают.

– Это их проблемы. Впрочем, я думаю, что таковых зрителей будет немного. Сколько времени нужно вам для того, чтобы начать?

– Ну, минут двадцать-тридцать, – сказал Вадим Иванович. – Раздеться, прийти в себя, проверить свет да реквизит разобрать.

– Добро! Давайте скорее! – и обрадованный представитель оргкомитета побежал в жюри.

И мы начали своё конкурсное выступление почти на полчаса раньше. В первой части зрителям был представлен спектакль «Нашли дурака», во второй – композиция из миниатюр спектаклей «Дважды два», «Капли» и «Человек в кресле». Уже с самого начала мы почувствовали острый интерес зала к тому, что происходит на сцене. Потом пошёл смех, аплодисменты, крики: «Браво!». Это придавало нам силы, мы не ходили, а летали по сцене, чётко держали ритм, играли с каждой новой миниатюрой всё лучше и ярче. А когда после миниатюры «Хоровод» весь зал вскочил на ноги и устроил нам овацию, скандируя, как на хоккее: «Молодцы! Молодцы!», мы поняли, что это – настоящий успех. Со сцены я видел в зале счастливые за нас лица ребят из челябинского и воронежского театров. Они ликовали вместе с нами. Да, недаром сказано в послании апостола Павла римлянам: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими».

Особенным образом мы объявили антракт в нашем представлении. Перед закрытым занавесом один за другим выходили озабоченные артисты и просили зрителей покинуть зал в связи с разными трудными обстоятельствами: проведением здесь дезинфекции, пропажей чьего-то пальто в гардеробе, наводнением, пожаром, землетрясением и прочими страстями. Никто, разумеется, из зала не уходил. Последним из-за занавеса вышел главный герой спектакля Шут и спросил, в чём дело, почему среди артистов царят такие паника и уныние.

– Да вот, – сказал один из артистов, – не уходят из зала, а нам отдохнуть надо. Минут пятнадцать-двадцать.

– Эх вы, дураки, – весело ответил ему Шут, – до такой ерунды додуматься не можете. – И потом как гаркнет в зал: «Антракт!».

Потом нам говорили знатоки и ценители студенческого театра:

– Вот эта штучка у вас, с объявлением антракта – сильная вещь! Тонкая, умная и злая.

– Да нет, – отвечали мы, пожимая плечами, – просто захотелось как-то по-особенному объявить антракт. Только и всего.

– Ну, это вы бросьте. Это вы расскажите кому-нибудь из вашего партбюро, – весело погрозили они нам пальцем, – нас-то не проведёшь. Это миниатюра о вранье, которым насквозь пропитана вся наша жизнь. И про то, что люди это враньё нутром чувствуют и не верят ему. А как скажут им правду, так они её сразу же распознают и поверят.

И мы с такой трактовкой нашей интермедии вынуждены были согласиться, хотя, видит Бог, при написании её, совершенно не это имели в виду.

Спектакль «Нашли дурака». Миниатюра «Забор».

Шут – Олег Киселёв

Как я уже говорил, эту интермедию мы играли перед закрытым занавесом, но после вопля Шута: «Антракт!», когда в зале зажёгся свет и публика начала подниматься с кресел, занавес вдруг открылся. На сцене сидел наш джазовый ансамбль, который вскоре начал играть импровизации на популярные джазовые темы. Публика оказалась в затруднении: то ли остаться в зале и слушать хороший джаз (а у нас были очень хорошие джазовые музыканты), то ли идти отдыхать в фойе. Но тут уж каждый выбрал свой вариант поведения. При этом мы отметили, что один из членов жюри, Александр Наумович Цфасман, в зале остался и слушал наших музыкантов с видимым удовольствием.

Во втором отделении нашего выступления такого восторга, как в первом, от публики мы уже не получили, хотя приём был вполне доброжелательным, но он не шёл ни в какое сравнение с тем, что творилось в зале после первого отделения. Многие наши друзья говорили потом, что, может быть, нам стоило показать на конкурсном выступлении только спектакль «Нашли дурака» или, по крайней мере, поменять отделения нашего выступления местами. Но, во-первых, спектакль «Нашли дурака» шёл всего пятьдесят минут. Во-вторых, все миниатюры этого спектакля и к фестивалю-то до конца нами ещё не были дописаны. Несколько миниатюр, и в их числе такие знаменитые впоследствии, как «Игры» и «Движение», мы написали и отрепетировали потом, месяца через два после окончания фестиваля. Ну, а в-третьих, многие наши миниатюры, в том числе такие, на наш взгляд, удачные, как «Дудка и кресло», «В зеркале», «Кефир», «Цветок» и, конечно же, «А что я мог сделать один?»³⁷ были несколько не хуже миниатюр спектакля «Нашли дурака». Другое дело, что они не были связаны общей идеей и темой. Причём темой актуальной и болезненной, как в спектакле «Нашли дурака».

*Миниатюра «Цветок». В главных ролях: Борис Квицинский
и Михаил Мотовилов*

³⁷ Впоследствии в течение многих лет я был известен многим любителям и профессионалам театра как автор только этой «пьесы», идущей всего-то лишь одну минуту с небольшим.

Теперь несколько слов о том, что же он представлял собою, этот наш спектакль «Нашли дурака». Это был спектакль о глупости и дураках. Причём о дураках, облечённых властью. Главным действующим лицом в нём был некий шут-провокатор, дурак по профессии, но по смыслу отнюдь не дурак, особенно в сравнении с прочими героями спектакля – единственный персонаж, связывавший все миниатюры спектакля в единое целое. Эту роль у нас блистательно играл Олег Киселёв, наш единственный «профессионал» – студент Новосибирского театрального училища.

К сожалению, приз за лучшую мужскую роль жюри фестиваля присудило не ему, хотя московская пресса, освещавшая фестиваль (прежде всего газета «Московский комсомолец»), отдавала явное предпочтение именно Олегу. Впрочем, по прошествии времени стало ясно, что фигура шута-провокатора была в нашем спектакле вовсе необязательной, и многие студенческие театры, к примеру, тот же челябинский театр «Манекен», играя наши миниатюры, прекрасно обходились без неё.

После спектакля прямо здесь же, у сцены, нас, разгорячённых, сияющих, опьянённых успехом, окружила небольшая толпа руководителей студенческих клубов самых известных московских вузов, наперебой приглашая выступить именно у них в клубе:

– Я представляю МГИМО. Я предлагаю вам выступить перед будущими советскими дипломатами. У нас учатся дети всех членов Политбюро!

– МАИ! МАИ имени Серго Орджоникидзе! Я приглашаю вас в клуб МАИ. Наша публика самая тонкая и понимающая толк в студенческом театре. Театр «Телевизор» – ведь это у нас! Мы с вами одной крови!

– Институт народного хозяйства имени Плеханова! «Плехановка»! Весь будущий Госплан учится у нас. Все министерства и ведомства. У нас лучший студенческий клуб во всей Москве!

И вдруг мы услышали:

– Колонный зал Дома Союзов. Бывшее здание Благородного дворянского собрания Москвы. Я приглашаю вас выступить сегодня, буквально прямо сейчас, в Колонном зале Дома Союзов. Недавно миланский театр «Ла Скала» просил у нас разрешения выступить в Колонном зале Дома Союзов. Мы ему отказали, а вас мы просим...

Мы обалдели.

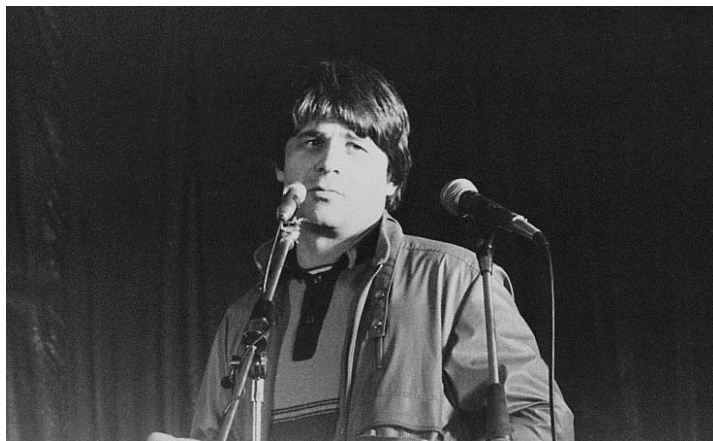
– Ну, если миланский театр «Ла Скала» просил, – неуверенно сказал я, – а вы ему отказали...

– Едем в Колонный зал! – решительно скомандовал Вадим Иванович.

В Колонном зале Дома Союзов в этот день проходило Всесоюзное собрание общества «Знание», которое, как и многие подобные мероприя-

тия, заканчивалось концертом. Я не знаю, кто в нём участвовал, да и не в этом дело, ибо нас привезли уже к финалу, как диковинный тропический фрукт к десерту. Солидные интеллигентные люди, порядком осоловевшие к этому времени от длительного сидения в креслах, встретили нас вежливыми аплодисментами, но, как мне кажется, ни бельмеса не поняли в том, что им показали, и вообще в том, что произошло. Однако сам факт нашего выступления в таком зале достоин упоминания и может считаться своего рода нешуточной премией.

На другой день газета «Московский комсомолец», на время фестиваля, так же как гостиница «Юность» с рестораном «Молодая гвардия», целиком отданная фестивалю, отчёт о нашем спектакле начала удивительной фразой: «В награду за терпение, за тоску и пустоту утреннего спектакля СТЭМа из Донецка мы получили Новосибирск». И далее шли приятные, причём вполне профессиональные с театроведческой точки зрения дифирамбы нашему спектаклю и, главное, нашим миниатюрам. Экземпляры «Московского комсомольца» с отчётами обо всех фестивальных днях, начиная с третьего, я привёз с собой. И где-то в ящиках моего гигантского письменного стола они, наверное, хранятся, но чтобы найти их, придётся разобрать авгиевы конюшни моего архива, а для этого, возможно, понадобится ещё один подвиг Геракла.

Олег Киселёв

Ну, а далее все стали с нетерпением ждать главную акцию фестиваля, его заключительный аккорд – ту самую «раздачу слонов». Тем более что никто толком не знал, по какому принципу будут определять победителей. То ли как в спорте: первое место, второе, третье (это пьедестал почёта) и в добавление к нему специальные призы, командные и личные?

То ли как на кинофестивалях: Гран-при, приз зрительских симпатий и всё те же специальные призы? То ли как на музыкальных конкурсах: Гран-при, первые премии, вторые, третьи и дипломы фестиваля? Но дело в том, что этого, оказывается, не знали и сами члены жюри, а также бойцы идеологического фронта ЦК ВЛКСМ, и договориться между собой они никак не могли. Поэтому фестиваль продлили ещё на один день, а с ним и наше проживание в гостинице «Юность», а также питание в ресторане «Молодая гвардия».

Правда, А.И. Райкин в своём интервью, данном корреспонденту газеты «Московский университет» ещё до открытия фестиваля, но опубликованном почему-то только на его пятый день, утверждал, что лауреатские дипломы фестиваля будут вручены трём лучшим театрам и трём лучшим отдельным исполнителям. Кроме того, предполагались также специальные призы «лучшему самодеятельному автору», «за гражданственность программы», «за оригинальное решение темы», «за лучшее оформление программы», а также «лучшей актрисе фестиваля» и «лучшему актёру фестиваля».

Следует признать, что члены жюри фестиваля и идеологи из ЦК ВЛКСМ оказались в весьма затруднительном положении, пребывать в котором они не привыкли. С одной стороны, «комсомольским вождям» очень хотелось наградить и отметить «идеологически зрелые» и просто любимые коллективы (включая и томский МИП) и именно из их номеров составить заключительный гала-концерт, но, с другой стороны, надо было считаться и с мнением зала, с той прессой, в том числе и зарубежной, которую получили спектакли участников финала. На дворе был как раз разгар «хрущёвской оттепели», и никому не хотелось выглядеть ретроградом. Вместе с тем ужасно не хотелось неприятностей, которые вполне могли иметь далеко идущие последствия. Казалось, можно было бы и наплевать на такую мелочь, как общественное мнение, тем более зарубежное (чай, не в первый раз!), но как кость в горле у комсомольского начальства сидел в председательском кресле жюри Аркадий Исаакович Райкин. Он дорожил своим именем и на сделки, чреватые для него потерей лица, идти никак не хотел. А тут его ещё поддержали молодые члены жюри, в основном журналисты (например, Аркадий Арканов и Григорий Горин). В результате этих яростных, почти двухсуточных раздоров, жюри, в состав которого, напомним, кроме деятелей советской эстрады и известных журналистов, входили также идеологические работники, сформулировало, наконец, некое общее мнение, которое, правда, секретариатом ЦК ВЛКСМ потом всё равно было подкорректировано, причём весь-

ма существенно. Но А.И. Райкин с этой коррекцией, скрепя сердце, согласился. Тем более что ему за это пообещали кое-какие «пряники», главным из которых был цикл телевизионных передач о лучших студенческих театрах страны (причём было обещано также, что передачи эти он сам и будет вести), а также выступление в Театре эстрады в Москве его собственного Ленинградского государственного театра миниатюр совместно с каким-нибудь студенческим театром. Скорее всего, я полагаю, с эстрадной студией «Наш дом»³⁸.

И вот перед притихшим, вновь сверх всякой меры набитым залом председатель жюри А.И. Райкин объявляет результаты Первого всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров. Никакого Гран-при нет и в помине, никаких мест тоже нет. Но есть лауреаты и дипломанты фестиваля. И лауреатов сразу пять: оба московских театра (эстрадная студия «Наш дом» ДК ГФ МГУ и театр «Телевизор» из МАИ), а также челябинский, харьковский и казанский театры. Дипломанты фестиваля: киевский и ленинградский СТЭМы, а также наш новосибирский театр СТС. Теперь специальные (личные и командные) призы: приз ЦК ВЛКСМ³⁹ – СТЭМу Челябинского политехнического института (ЧПИ); они же получили и приз за музыкальное оформление спектакля. Приз за лучшую режиссуру и специальный приз Ленинградского театра миниатюр (театра Аркадия Райкина) – эстрадной студии «Наш дом» МГУ⁴⁰. Приз за лучшие музыкальные номера – СТЭМу КАИ. Приз за лучшее художественное оформление спектакля, а также специальный приз КМО «За укрепление мира и дружбы между народами» – команде Харьковского Дворца молодёжи. Приз за лучшие миниатюры с ярко выраженной гражданской позицией и специальный приз журнала «Молодая гвардия» вручили челябинцу Сергею Борисову. Приз за лучшие сатирические миниатюры и специальный приз журнала «Крокодил» получили мы с Вадимом Суховерховым. Приз лучшего актёра фестиваля разделили киевлянин Анатолий Ляковский и ленинградец Олег Рябоконь. Жюри решило вручить сразу два «мужских» актёрских приза, поскольку ни одной актрисы, достойной приза «за лучшую женскую роль», найти так и не сумело. А зря, по крайней мере, Ок-

³⁸ Сразу по окончании фестиваля об этих обещаниях тут же благополучно позабыли.

³⁹ То есть по существу – главный приз фестиваля.

⁴⁰ Приз этот хотя и был объявлен, но вручён так никогда и не был: пока А.И. Райкин со своим театром готовили его к вручению студийцам, партком МГУ свою эстрадную студию «Наш дом» закрыл.

сана Кириченко, исполнительница роли Шуки в инсценировке сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист» из спектакля «Вечер русской сатиры» эстрадной студии «Наш дом», безусловно, была достойна этой награды, хотя, с другой стороны, «Вечер русской сатиры» на фестивале был показан вне конкурса. Кроме того (об том, правда, не объявили со сцены, но в протокол итогового заседания жюри внесли), СТЭМ ЧПИ, а также мы с Вадимом Суховерховым, как авторы, были рекомендованы КМО для участия в Международном фестивале студенческих театров «Игры жаков гливицких»⁴¹ (г. Гливице, Польша, май 1966 г.).

Что же касается корректировки секретариата ЦК ВЛКСМ, то она была такова: во-первых, наш Новосибирский театр СТС со СТЭМом КАИ поменяли местами (поначалу наш театр был лауреатом фестиваля, а СТЭМ из Казани – дипломантом), а во-вторых (и это самое существенное!), приз за лучшие миниатюры с ярко выраженной гражданской позицией, который жюри по настоянию А.И. Райкина поначалу предполагало отдать авторской группе театра «Телевизор» из МАИ, переадресовали Сергею Борисову, автору из челябинского СТЭМа, тем более что журнал «Молодая гвардия» свой специальный приз присудил именно ему, причём заранее, ещё до объявления результатов работы жюри. Ну, а для того, видимо, чтобы подсластить горькую пилюлю, нас с Вадимом Ивановичем, как авторов, КМО порекомендовал жюри включить в состав советской делегации для поездки на международный фестиваль студенческих театров. В качестве приза журнала «Крокодил» мы с Вадимом Ивановичем получили по настольным часам в красивом деревянном футляре с металлической табличкой, на которой был выгравирован крокодил с трезубцем и странноватая надпись, которая буквально гласила следующее: «Евгению Вишневному участнику 1-го фестиваля студенческих театров сатиры»⁴². Соответственно, на часах, подаренных Вадиму, – «Вадиму Суховерхову...». И далее – с тем же текстом и тоже без каких бы то ни было знаков препинания. Вручая нам призы, представитель ЦК ВЛКСМ пошутил:

– Мы вручаем вам этот приз для того, чтобы вы всегда шли в ногу со временем, не забегая вперёд, но и не плетясь у него в хвосте.

⁴¹ «Жаками» называли в средневековой Европе студентов и школяров.

⁴² Именно вот так: без каких-либо знаков препинания и с более чем вольной трактовкой названия фестиваля. Очевидно, юмористы (и сатирики) из журнала «Крокодил» были немного не в курсе дел фестиваля. А знаки препинания на памятных табличках вообще считали ненужной роскошью.

– Ну, уж нет, – оборвал его Вадим Иванович. – Мы как раз, наоборот, будем изо всех сил стараться идти хотя бы немного, но впереди времени. Ведь мы – сатирики.

Комсомольский лидер поморщился, но ничего на дерзость Вадима Ивановича не возразил.

Глава 7

ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ

На другой же день все студенческие театры, как победители, так и аутсайдеры, разъехались и разлетелись по своим городам. Впрочем, некоторые из оскандалившихся коллективов не захотели дожидаться «раздачи слонов» и убрались во-свояси на другой же день после своего фиаско.

Всесоюзный фестиваль студенческих эстрадных театров, как уже было сказано, первый и фактически единственный в нашей стране (по крайней мере, такого масштаба и уровня) имел потрясающий резонанс и огромное значение в жизни советского студенчества. После этого грандиозного мероприятия (не побоюсь этого слова) студенческие театры стали появляться едва ли не во всех вузах нашей страны, от Якутии до Белоруссии, как грибы после тёплого дождика. Впрочем, в большинстве своём они так же быстро и исчезали, как и являлись на свет.

Многие студенческие театры страны после этого фестиваля взяли наши миниатюры в свой репертуар, причём некоторые (например, студенческий театр «Манекен» из ЧПИ) играли их ярче и интереснее, чем мы, их авторы. Таким образом, движение студенческих театров, зародившееся в шестидесятых годах в бунтующей Европе, через какие-то никому не видимые щели и поры в «железном занавесе» просочилось в нашу страну, и СТС, студенческий театр, родившийся в НЭТИ, удивительным образом оказался в основной струе этого движения.

Итак, наши миниатюры разлетелись по всей стране, их стали играть все, кому не лень, причём очень часто в совершенно неузнаваемом виде и безо всякого указания их авторства. На нас свалилась огромная, если не слава, то, по крайней мере, известность, которая хотя и пощекотала, притом довольно приятно, наше самолюбие, но никаких реальных дивидендов нам не принесла. Причём касалось это не только нас с Вадимом Суховерховым (авторов нашего театра), но и всего студенческого театра СТС. Наш театр со спектаклем «Нашли дурака» стали приглашать в раз-

личные города страны те институты (вузы), где понимали толк в хорошем студенческом театре. Так побывали мы в Москве, Челябинске, Ташкенте и даже в заполярном посёлке Тикси на знаменитой научной станции МГГ⁴³. Продолжалась также и наша творческая дружба с театром «Манекен» из ЧПИ и эстрадной студией «Наш дом» Дома культуры гуманитарных факультетов МГУ, которая нас (да и их тоже) здорово творчески обогатила.

К сожалению, после фестиваля потеряли мы нашего лучшего и главного актёра Олега Киселёва, который остался в Москве и вскоре стал весьма яркой личностью на актёрском небосклоне столицы. Но зато по прошествии некоторого времени в свой прежний «театральный дом» вновь начали возвращаться бывшие и приходить новые актёры-студенты из НЭТИ. Роль шута в спектакле «Нашли дурака» стал играть сначала Борис Донин, а затем – наша яркая звёздочка из спектакля «Про тех, кого никто не любит» Мила Бабина⁴⁴.

У себя дома, в Новосибирске, нас с этим спектаклем стали охотно приглашать в Академгородок, где мы выступали перед сибирскими учёными (физиками, математиками, биологами и т. д.) и имели у них успех. Наш спектакль «Нашли дурака» собирал полные актовые залы в институтах Сибирского отделения Академии наук (СО АН). Нам оказывали поддержку знаменитые в то время кафе-клуб «Под интегралом», Совет творческой молодёжи Академгородка, богатая и могущественнейшая тамошняя фирма «Факел». Нашему театру СТС предлагали даже стать коллективом Академгородка, и мы всерьёз рассматривали этот вариант. Но ездить так далеко (да ещё зимой, в морозы) на репетиции практически всем участникам нашего театра было просто нереально. А кроме того, вскоре после снятия со своего высокого поста Н.С. Хрущёва, в стране началась политика «закручивания гаек», которая вольнодумный Академгородок коснулась в первую очередь.

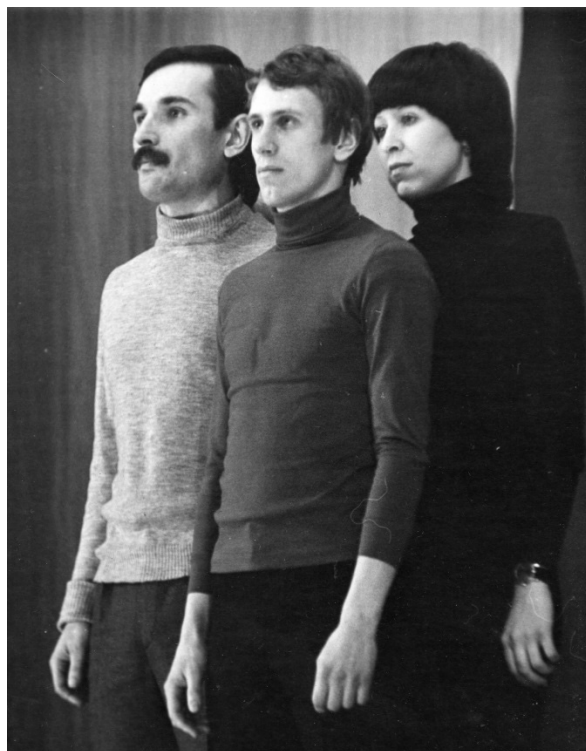
Мало того, вскоре ансамбль пантомимы во Дворце культуры имени Горького своё существование прекратил, и нам дали понять, что пребывание студенческого театра СТС в стенах дворца неуместно. Мы перебра-

⁴³ Станция МГГ – Станция Международного геофизического года Академии наук СССР.

⁴⁴ Мила играла не столько отважного шута при «сильных мира сего» (как до неё Олег Киселёв), сколько наивную юную цирковую клоунессу. У неё это хорошо получалось. Впрочем, это и понятно: её отец был директором Новосибирского цирка.

лись сначала в клуб «Прогресс»⁴⁵, а потом — во Дворец культуры «Строитель».

Вместе с тем мы отчётливо понимали, что должны идти по пути сатирического театра-лаборатории и дальше, придумывая новые театральные формы и приёмы, а также откликаясь в своих спектаклях на самые важные, болезненные и животрепещущие темы, волнующие студенчество и вообще всю современную молодёжь.

Спектакль «Как не стыдно врать?!»

Слева направо: Боря Фролов, Женя Ситохин,
Катя Покин-Черета

В те года нас более всего волновало и даже унижало то, что наше общество было сверху донизу буквально пронизано ложью и враньём. Вот об этом мы и решили сделать свой новый спектакль. Причём прямо в его название мы даже вынесли своё отношение к этому пороку, назвав наше творение – «Как не стыдно врать?!». И составить его мы решили из инсценировок сатирических рассказов современных нам молодых писате-

⁴⁵ Между собой мы называли его «клубом любителей прогресса».

лей, где говорилось бы о лжи, неискренности и откровенном вранье. Причём о лжи на всех уровнях: начиная с сугубо личной неискренности на похоронах, кончая ложью на тему любви к Родине. Мы «перешерстили» гигантскую гору журнальной литературы, выбирая из необъятной «навозной кучи» «жемчужные зёрна»⁴⁶ сатиры. Пользуясь своими вновь появившимися связями, мы раздобыли у современных молодых классиков их новые, ещё неопубликованные произведения⁴⁷. И даже специально для инсценировки сами написали по мотивам русской народной сказки «Курочка ряба» рассказ «В нашем-то городе!..». Мало того, этот рассказ с помощью нашего друга Н.Я. Самохина⁴⁸, служившего ответственным секретарём в «Сибирских огнях», удалось в этом журнале опубликовать.

Сцена из спектакля «Как не стыдно врать?!»

Наш новый спектакль мы показали раз пять-шесть, всё время добавляя в него новые и убирая некоторые, на наш взгляд, не совсем удачные инсценировки. Однако того успеха, который имел «капустниковый ше-

⁴⁶ Как тут не вспомнить знаменитую басню И.А. Крылова?!

⁴⁷ И в их числе – убийственно злой и яркий рассказ Аркадия Арканова «Сон смехача про его собственную казнь», который, как мне кажется, так никогда опубликован и не был. По крайней мере, я ничего об этом не знаю.

⁴⁸ Напомню, Николай Самохин был одним из основных авторов и актёров предтечи нашего театра НГСТМ.

девр» «Про тех, кого никто не любит»⁴⁹ у студенческой публики или спектакль «театра формул» «Нашли дурака» у публики фестивальной, он не имел. Да это и понятно: во-первых, в подавляющем большинстве сатирических рассказов, выбранных нами, никакой «драматургической пружины» не было, а потому смастерить из них занимательные мини-пьесы было весьма непросто. А во-вторых (и это главное!), инсценировки коротких прозаических произведений требовали особенного драматургического мастерства, наглядный пример которого мы не раз и получили на фестивале СТЭМов в Москве.

Там студенческий театр ЛГИТМиКа⁵⁰ (курс профессора Г.А. Товстаногова) вне конкурса показал спектакль «Зримая песня», целиком состоящий только из инсценировок популярных песен. Причём едва ли не из каждой ребятам ЛГИТМиКа удалось создать драматический шедевр. Но там были всё-таки без пяти минут профессионалы (актёры, режиссёры, драматурги) да ещё под руководством лучшего театрального режиссёра того времени!

Тем не менее кое-что и нам в спектакле «Как не стыдно врать?!» всё-таки удалось: по крайней мере, две инсценировки («Сон смехача» Аркадия Арканова и наша «В нашем-то городе!..») по общему мнению, безусловно, получились. Трагического клоуна Смехача в рыжем парике и с «пьяным» красным носом играл сам Вадим Суховерхов, выезжая на сцену на трёхколёсном велосипеде.

Последний раз спектакль «Как не стыдно врать?!» мы решились сыграть в актовом зале НЭТИ и, если честно сказать, довольно сильно опасались, вновь ожидая холодного приёма.

Зал был полон. Но прежней обстановки восторженного ожидания радости, счастья и восторга, которая прежде всегда бывала перед нашими спектаклями во времена «Про тех, кого никто не любит», в нём не ощущалось. Скорее, там царила настороженная неуверенность. «Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что покажут нам сегодня эти артисты из СТС, бывшие любимцы публики, – думали зрители. – И так ли уж заслужена ими та слава, которую они приобрели в Москве?».

На своём обычном месте в третьем ряду сидел ректор НЭТИ Георгий Павлович Лыщинский. Он был взволнован и в этот раз смотрел наш спектакль один, без семьи.

⁴⁹ Так именовали его некоторые театральные критики. А Марк Розовский даже пошутил по его поводу так: «Студенческие театры у нас находят в капусте».

⁵⁰ ЛГИТМиК – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кино.

Как и следовало ожидать, особенного восторга у публики в течение спектакля не было. Временами зрители даже смеялись и аплодировали не только в конце каждой мини-пьесы (миниатюры), но и отмечая особенно удачные и неожиданные реплики персонажей. А инсценировки «Сон Смехача» и «В нашем-то городе!..» были приняты почти так же тепло, как миниатюры в спектакле «Про тех, кого никто не любит». Спектакль «Как не стыдно врать?!» шёл около полутора часов, и за это время никто из зала не ушёл. Уже одно это было для нас большим достижением.

А уже после окончания спектакля перед закрытым занавесом на сцену вышел Вадим Иванович Суховерхов и сказал:

– Мы благодарим всех зрителей НЭТИ, которые достаточно тепло приняли наш новый спектакль. И в качестве ответного подарка хотим показать вам музыкальный номер из спектакля, ещё только задуманного нами. Это будет как бы номер на «бис», о котором вы нас хотя и не попросили, но вполне могли бы попросить. Теперь несколько слов о том, что за спектакль мы задумали. Это будет нечто вроде театрального диспута на тему о том, какой театр сейчас нужен и интересен студенту. Он так и будет называться: «Что нам сыграть?». Итак, смотрите, слушайте и решайте сами.

После этого занавес открылся вновь, и зрителям было представлено музыкальное соревнование (перепев-перепляс) между современными шлягерами и шлягерами 40–50-х годов.

И вот после этого номера случился настоящий «обвал»: зрители, вскочив со своих мест, буквально устроили овацию, недвусмысленно дав понять, какого рода спектакли они хотят видеть в СТС. Во весь рост стоял посреди третьего ряда сияющий ректор НЭТИ Г.П. Лыщинский со счастливой улыбкой на лице и, подняв руки над головой, аплодировал нам вместе с залом.

После спектакля Георгий Павлович пригласил нас к себе в кабинет и горячо поблагодарил за то, что мы всё-таки вняли его просьбам и уговорам, не уточнив при этом, какой спектакль он имеет в виду: то ли тот, что мы уже навсегда закончили играть, то ли тот, который играть только ещё собираемся.

Глава 8

СТУДЕНЧЕСКИЙ ТЕАТР-СТУДИЯ МИНИАТЮР НЭТИ

Всё то время, пока театр СТС скитался «по чужим углам», институт НЭТИ и его ректор мечтали вновь воссоздать у себя в клубе студенческий театр сатиры. Не оставлял этой надежды и Борис Левин, к тому времени уже с отличием закончивший свой любимый вуз и после трёх лет работы в СибНИЭТИ⁵¹ поступивший в аспирантуру НЭТИ. С идеей создания нового театра в вузе он явился на приём к ректору Георгию Павловичу Лыщинскому и получил от него полную поддержку в этом вопросе.

Дело было за малым: решить, кто и как будет руководить этим новым театром, где найти для него хороших артистов, лучше всего, из числа студентов НЭТИ, а также найти или написать то, что они будут исполнять.

Ну, было ясно, что художественным руководителем, идеологом, автором миниатюр или инсценировок, режиссёром, а в случае необходимости и актёром, будет сам Борис Хаймович. Но вот найти хотя бы с дюжину мало-мальски способных артистов из числа студентов НЭТИ было огромной проблемой. Впрочем, её решение лежало прямо на поверхности: их надо воспитать в своём новом коллективе. Так появился в НЭТИ не просто новый театр сатиры, а сатирический театр-студия, то есть коллектив, в котором его участники не только репетируют и готовят спектакли, но при этом ещё и учатся азам актёрского мастерства.

А далее Борису Левину крупно повезло: он отыскал себе прекрасного помощника. Вот как вспоминает об этом сам Борис Хаймович: *Моим партнером по работе со студийцами, взявшим на себя их обучение сценической речи, работе с реквизитом, сценическому движению и прочим театральным премудростям, был в прошлом профессиональный актер, а затем прекрасный преподаватель русского языка и литературы, методист лаборатории технических средств обучения НЭТИ Эдгар (Игорь) Соломонович Мушат (да будет благословенна его память!).*

Никакого отборочного конкурса при приеме в новый театр не было – брали всех желающих. Его участниками стали студенты разных курсов пяти факультетов НЭТИ. Всех их объединяла общая страсть – создать

⁵¹ СибНИЭТИ – Сибирский научно-исследовательский электротехнический институт.

свой собственный театр-студию. Вот имена моих студийцев: Валера Мальцев, Таня Силантьева, Люда Пирогоедова, Марк Фридман, Валя Стрижак, Слава Кошеваров, Саша Закуваев, Юра Пряхин, Люба Захарова, Виталий Герасимов, Тома Марченко, Таня Маньковская, Вера Басарева, Лана Екишибарова, Вася Головачев, Наташа Савельева, Люда Колеганова, Ира Передаренко, Толя Баранник. Кажется, я тут никого не забыл. Благодарю вас, ребята! Мы с вами славно поработали на ниве сатиры на благо нашего родного вуза!

Далее возникла ещё одна, не менее сложная проблема: что играть? Своих авторов в театре-студии не было да и быть не могло. Никто из известных авторов студенческого театра делиться плодами своих трудов с новым театром-студией не торопился. Надо было придумывать что-то своё, желательно очень яркое и неординарное. Ясно было, что по форме это должен быть спектакль из микро-пьесок (миниатюр) сатирической направленности, объединённых какой-то общей темой или идеей.

Следует отметить, что время для рождения нового сатирического театра-студии – 1967 год – было крайне неудачным: «хрущёвская оттепель» практически целиком сошла на нет, и по всей стране во всю свою мощь уже набирала силу политика «закручивания гаек». Партком НЭТИ, а с ним и все идеологические власти города зорко следили за тем, как бы где не возникло какого-нибудь «идеологического безобразия». Тем более что в памяти старожилов парткома ещё свежи были воспоминания о скандальном и строптивом СТС НЭТИ. Бориса Хаймовича вызвали в партком и, строго погрозив пальцем, предостерегли от опрометчивых поступков. При этом его робкие возражения – «но ведь наша студия сатирическая!» – на идеологических вождей института никакого впечатления не произвели.

И тут Борису Левину снова повезло: ему в руки попала небольшая, только что изданная книжка известного советского писателя-сатирика Феликса Кривина «Божественные истории». Это было как раз то, что отцу-основателю нового театра-студии НЭТИ и было нужно. Книга Феликса Кривина состояла из коротких сатирических историй, где на основе сюжетов из книг Ветхого и Нового заветов, а также мифов Древней Греции рассматривались и высмеивались пороки современного мира и нынешнего (в том числе и советского) общества. Но что самое главное, явилась на свет эта книжка в главном издательстве политической литературы страны, в «Политиздате». А «Предисловие» к ней заканчивалось фразой: «Книга непременно доставит удовольствие самому взыскательному читателю!». Каковую фразу можно было смело считать прямым указанием парткому НЭТИ.

Не откладывая дела в долгий ящик, Борис Хаймович Левин написал подробное письмо в город Ужгород Феликсу Давидовичу Кривину, в котором рассказал о своём видении будущего спектакля «Мифы» по миниатюрам Ф.Д. Кривина, о сценических приёмах в реализации взглядов автора на идеи и проблемы, волнующие нынешнее студенчество. Он подчеркнул их театральную образность и мощное сатирическое и гражданское звучание сегодня. При этом он также попросил у автора разрешения на постановку такого спектакля, хотя никакого гонорара за это, разумеется, предложить ему не мог. Письмо он закончил так: «Спектакль по Вашим «историям» мы хотим назвать «Мифы», имея в виду не только его мифическую основу, но и наше стремление к разоблачению всяческих идеологических мифов современности».

Вскоре Борис Левин получил от автора «Божественных историй» весьма благожелательный ответ. В нём Ф.Д. Кривин одобрил всё: саму идею будущего спектакля, форму её подачи, образный строй представления и его сатирическую направленность. И в заключение от души поблагодарил автора письма за внимание к его творчеству и пробуждению интереса к его произведениям в среде студенческой молодёжи.

Сразу же после каникул зимней сессии, когда работа над драматургической основой будущего спектакля «Мифы» была в целом закончена, в новом сатирическом театре-студии начались репетиции и студийные занятия. Они продолжались до конца сентября по два раза в неделю с перерывом на сессию и каникулы. При этом студийцы не только самоотверженно репетировали и обучались премудростям актёрского мастерства, но и выполняли все прочие обязанности по созданию будущего спектакля, которых, как известно, в театре множество. Студенческий клуб НЭТИ обеспечил новоявленных артистов сшитыми на заказ комплектами (брюки-рубашка для парней и юбка-блузка для девушек). Весь сценический реквизит был изготовлен руками самих студийцев. На студии телевидения с помощью профессиональных звукорежиссёров удалось сделать отличное звуковое сопровождение к спектаклю.

К концу сентября спектакль был готов. Он содержал восемь сатирических новелл (миниатюр).

1. «Эволюция человека» («Не в ту сторону») – по Феликсу Камову⁵².
2. «Со слов Валаама» («Валаамова ослица») – по Феликсу Кривину.

⁵² Феликс Камов (Кандель) – во времена своего студенчества один из художественных руководителей и авторов знаменитого студенческого театра «Телевизор» Московского авиационного института имени Серго Орджоникидзе (МАИ). Впоследствии известный советский писатель-сатирик.

3. «Открытое обличение или тайная любовь» («Притчи царя Соломона») – по Феликсу Кривину.
4. «Мера человека» («Прокрустово ложе») – по Феликсу Кривину.
5. «Всё относительно» («Чему равняется дважды два») – по известному политическому анекдоту⁵³.
6. «Сотворение человека и его счастья» («Два творца») – по Феликсу Кривину.
7. «Каин» («Семейная история») – по Феликсу Кривину.
8. «Сократ» («Как рождалась истина») – по Феликсу Кривину.

Спектакль «Мифы» был дважды показан в актовом зале НЭТИ при переполненном зале и тепло принят студенческой публикой. Причём во второй раз в присутствии жюри в рамках Фестиваля студенческой художественной самодеятельности Новосибирска.

Вот как вспоминает об этом сам Б.Х. Левин: *Зал принял наш спектакль с восторгом, чего нельзя было сказать обо всех членах жюри. Председатель из горкома комсомола опасливо оглядел членов жюри, ожидая начала критического разгрома. Но никто из них не хотел первым громить то, что явно понравилось залу. Всех (и прежде всего нас) выручил Владимир Михайлович Калужский, молодой преподаватель консерватории, а впоследствии художественный руководитель Новосибирской филармонии. «С художественной точки зрения спектакль, безусловно, заслуживает одобрения, а с идеологической точки зрения безукоризненна его основа – книга Феликса Кривина, изданная не кем-нибудь, а Московским издательством политической литературы», – сказал тогда Владимир Михайлович. Возразить ему никто из членов жюри не решился. Наш спектакль пропустили на заключительный концерт фестиваля и наградили... упоминанием в отчете горкома комсомола о фестивале. После этого партком не решился давать нам указания о смене тематики и направленности миниатюр нашего спектакля. В этом заключалась наша главная победа.*

Впрочем, по прошествии некоторого времени оказалось, что эта победа не так уж была нужна ни Борису Хаймовичу, ни возглавляемой им студии. Прошёл первый год его пребывания в аспирантуре, когда время приходилось делить между диссертацией, написанием статей и заявок на изобретения, хозяйственными работами и научно-техническими конференциями, с одной стороны, и работой над драматургией миниатюр, режиссурой и репетициями в театре-студии – с другой. Причём часто не в

⁵³ Привет новому театру-студии от «старшего брата» – СТС НЭТИ, где был даже целый спектакль «Дважды два».

пользу первой стороны. Кроме того, за этот год студийцы повзрослели, и у большинства многое в жизни переменялось. Кому-то нужно было думать о дипломном проекте, кто-то вышел замуж, а кто-то женился, у кого-то появились новые увлечения. Так что уже к началу нового, 1968 года, по обоюдному согласию (и руководителя, и студийцев) сатирический театр-студия НЭТИ прекратил свою работу.

И что же в конечном счёте осталось от этого энергичного, молодого, обаятельного, хотя, может быть, и не очень-то умелого театрального коллектива? Да практически ничего. Ни хороших фотографий, ни статей в прессе, ни милых безделушек из реквизита, стоящих на серванте, ни знаменитых профессиональных артистов, принесших впоследствии славу своему коллективу. Остались только минутные всплески воспоминаний о прежних ярких моментах прекрасной студенческой молодости, окрашенных удивительными красками театральных ощущений. Остались воспоминания о «власти над полным залом», о восхищении друзей и подруг, о «картонном», но прекрасном мире театра, лицедейства. Впрочем, и они, постепенно выцветая, уходили в небытие, как и всё в этой жизни.

Но прежде чем закончить рассказ о Студии сатирических миниатюр НЭТИ, расскажу любопытную историю о спектакле знаменитого Студенческого театра «Манекен» Челябинского политехнического института по мотивам книги Феликса Кривина «Подражание театру», хотя прямого отношения ни к НЭТИ, ни к его студенческому театру этот спектакль не имеет.

Я уже упоминал здесь, что в своём ответном письме Феликс Давидович Кривин благодарил Бориса Левина за внимание к его (Ф.Д.) творчеству и пробуждению интереса к его (Ф.Д.) произведениям в среде студенческой и молодёжи. Надо сказать, что тут он «как в воду глядел». Три года спустя после описываемых событий в Челябинском студенческом театре «Манекен» был поставлен спектакль, с которым произошло удивительное приключение: местная партийная цензура запретила в нём... название! То есть в самом спектакле пугливые партийные цензоры из ЧПИ не запретили ни строчки, но заставили заменить название спектакля на любое другое. Естественно, поначалу спектакль назывался так же, как и книга Феликса Кривина, по которой он был поставлен: «Подражание театру»⁵⁴. Однако дело в том, что эта книга ужгородского сатирика вы-

⁵⁴ «Неправда, что театр это подражание жизни, – говорилось в предисловии к книге, а также и к спектаклю, – жизнь – это подражание театру». И далее с этих позиций развивалось и содержание книги, и содержание спектакля театра «Манекен».

звала целый шквал критики в партийной прессе, и, чтобы «не дразнить гусей», партком ЧПИ настойчиво попросил своих студентов название спектакля переменить. Дабы не привлекать к нему внимания строгой партийной цензуры. «Манекеновцы» долго ломали голову и в конце концов придумали нечто длинное и маловразумительное: «Спектакль, представленный труппой бродячих артистов почтеннейшей публике». Это нелепое приключение не только никак не испортило смешного и язвительного спектакля челябинцев, но даже, наоборот, придало ему некоторую пикантность.

Я несколько раз видел этот прекрасный спектакль, ставший одним из самых моих любимых в репертуаре «Манекена». А на его премьере даже встретился с самим Феликсом Кривиным, который специально для этого (я имею в виду премьеру, разумеется) прилетал в столицу Южного Урала из своей Западной Украины. От этого спектакля, кроме ярких красочных воспоминаний, у меня в памяти осталась песня «Дорога» на стихи Феликса Кривина из книги «Подражание театру», которая стала своего рода гимном театра «Манекен», а может быть, даже и всех настоящих студенческих театров шестидесятых годов. Привожу её в заключение этой главы (по памяти):

Дорога, дорога, дорога –
Моя бесконечная даль,
Извилистая тревога,
Ухабистая печаль.
Дорога – единственный город,
Единый наш дом и приют.
Дороги бродячих актёров
Домой никогда не ведут.

Какое уж тут постоянство?!
Успеть бы сказать: «Привет!»,
Ведь мы существуем в пространстве,
А времени у нас нет.
Ну, трогай, Саврасушка, трогай!
Пожуй на дорожку сенца.
Дорога, дорога, дорога,
Дороге не видно конца.

Дороги актёров тернисты.
Попробуйте ночью и днём
Нелёгкое бремя артиста
Тащить по дороге пешком.
Чтоб после изысканным слогом
Тревожить умы и сердца...
Дорога, дорога, дорога,
Дороге не видно конца.

Глава 9

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЭТИ. «ЧТО НАМ СЫГРАТЬ?»

Ну, а что же сам СТС НЭТИ?.. По прошествии четырёх лет, наскитавшись по «чужим углам» разных городских клубов и дворцов культуры, хлебнув «полной ложкой» и горечи, и славы, театр СТС вновь вернулся под тот кров, где он и родился, – в НЭТИ, и там был принят с распростёртыми объятиями своим «крёстным отцом» Георгием Павловичем Лыщинским. А также с полным основанием вновь стал называться: «СТС НЭТИ».

Как уже рассказано выше, последний (заключительный) спектакль «Как не стыдно врать?!» был показан на сцене НЭТИ. Там же был представлен и большой музыкальный номер из нового, ещё только обещанного спектакля-диспута «Что нам сыграть?». Мы пообещали публике театральную дискуссию, в которой каждый зритель мог принять ту или иную точку зрения. То есть именно студенческий зритель должен будет помочь нам выбрать тот путь, которым мы пойдём, играя свои сатирические спектакли на сцене НЭТИ. А толкнуло нас на этот довольно-таки сомнительный эксперимент следующее обстоятельство.

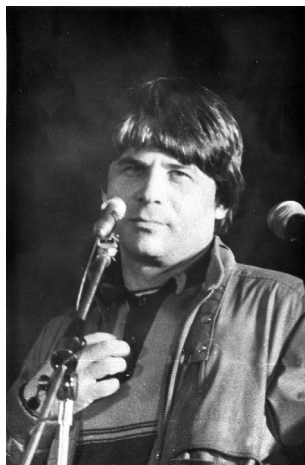
Однажды, когда по своим служебным делам я был в командировке в Москве и, как обычно, проводил почти всё своё свободное время в «театральном подвале» у Олега Киселёва, он вдруг сообщил мне, что нас с ним приглашает к себе домой (в гости!) сам Юрий Петрович Любимов.

Сперва я подумал, что это – какая-то нелепая шутка моего друга. Однако всё оказалось делом вполне серьёзным. Юрий Петрович задумал

устроить у себя в театре спектакль-диспут «Продажа меди» по сценарию Бертольда Брехта о разных формах и видах театра. С «подсадными утками» в зале, скандалами, обидами, разрыванием рубах на груди и тому подобными вещами. И в качестве иллюстраций или, вернее, аргументов для этого спектакля-диспута он решил поставить пару-тройку наших миниатюр-формул. Совместными усилиями мы выбрали тогда миниатюры «Маятник» и «Забор» из спектакля «Нашли дурака» и, конечно же, нашу знаменитую миниатюру «А что я мог сделать один?».

Вскоре репетиции этого диковинного спектакля в Театре на Таганке уже начались, и на одной из них я даже присутствовал. Однако тут моя командировка закончилась, и я был вынужден улететь домой, в Новосибирск.

Потом я узнал, что недели две или три спустя после этого, по чьему-то совету, Юрий Петрович Любимов прочитал в журнале «Новый мир» № 7 за 1966 год повесть Бориса Можаева «Живой (из жизни Фёдора Кузькина)» и «заболел» ею. Он бросил всё и начал ставить спектакль по этой повести с Валерием Золотухиным в главной роли, а к «Продаже меди» Б. Брехта так никогда более и не вернулся. При этом спектакль «Живой» не был допущен тогдашней советской цензурой даже до сдачи⁵⁵. А сам Юрий Петрович вскоре был лишён советского гражданства, когда находился в связи с постановкой пьесы в Лондоне.

*Олег Киселёв – артист
театра на Таганке*

⁵⁵ Более подробно об этой истории можно прочитать в моей автобиографической книге «Вкушая время», куда я и отправляю пытливого читателя.

И вот теперь мы решились взять на себя смелость повторить попытку гениального режиссёра современности. В меру наших скромных сил, разумеется. Смелость, честно говоря, граничащую с наглостью. Работать с «подсадными утками» в зрительном зале мы не умели, актёров, одинаково свободно владевших всеми видами и формами театра, у нас не было, и сами мы не очень-то представляли, чего в конечном счёте хотим добиться.

Мы решили, что у нас в этом спектакле двое ведущих будут спорить между собой, приводя друг другу свои театральные «аргументы». Легко догадаться, что ведущими стали оба художественных руководителя СТС: Вадим Иванович и я. Разумеется, все эти «аргументы» были заранее написаны и отрепетированы с артистами нашего театра. Мало того, я написал даже нечто вроде «каркаса» будущей дискуссии, хотя мы и договорились, что в основном будем работать в рамках «драматургической импровизации»⁵⁶. Мы постарались представить в новом спектакле все виды драматической (а также музыкальной и пластической) драматургии. Тут были: «студенческая перелицовка» классики (отрывок из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»); студенческая миниатюра «Не каждый дурак», написанная нами специально для этого спектакля; синтетическое шоу с пением и танцами; миниатюра-формула «А что я мог сделать один?»; музыкальная пантомима «Дудка и кресло»; инсценировка сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Бедный волк» и многое другое.

Однако, как мы с Вадимом Ивановичем ни старались, в целом ничего путного из этой затеи не получилось. Вышел не спектакль, а какая-то «манная каша, которую можно было брать горстями и мазать по стене». Впрочем, справедливости ради отмечу, что некоторые из этих «аргументов» студенческой публике очень даже понравились. Особенно те, где было много музыки, танцев и пантомимы. Зал эти номера принимал с восторгом, а прочие с тоской пережидал до следующего яркого пятна на большом «лоскутном одеяле» нашего необычного представления. Причём в самой большой степени это касалось наших с Вадимом Ивановичем «научнообразных рассуждений» о настоящем студенческом театре с его знаменитыми фестивалями, поддерживаемыми ЮНЕСКО.

⁵⁶ То есть мы предполагали разыгрывать перед публикой нечто вроде драматургической аналогии джазового музицирования, когда мастера-инструменталисты публично импровизируют на заданную музыкальную тему.

Миниатюра «Не каждый дурак»

Слева направо: Игорь Сулковский, Эдуард Гржабовский, Дмитрий Бакланов, Александр Ривво и Борис Фролов

Мы показали этот спектакль всего два раза в НЭТИ, а потом даже вывезли его в Челябинск, к своим друзьям в ЧПИ, где к тому времени, совершенствуясь от спектакля к спектаклю, набирал красоту, силу и мудрость театр «Манекен». Со своим спектаклем «Что нам сыграть?» мы там, если честно признаться, провалились, хотя наши друзья и почитатели (а таких в ЧПИ было довольно много) и утешали нас, восхищаясь отдельными номерами. Впрочем, это было слабым утешением, ведь мы же, собственно, всю эту «кашу заваривали» именно ради того, чтобы понять, чего хочет от нас наш студенческий зритель. И получили чёткий, вразумительный и однозначный ответ. Но для этого вполне хватило бы всего одного единственного спектакля.

А уже после этого мы в своём творчестве решили обратиться к русской сатирической классике. А именно, к сказкам величайшего русского (а может быть, и мирового) писателя-сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Глава 10

«СКАЗКИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»

На самом деле, первые движения для этого ответственного «шага» – обращения к русской сатирической классике – мы с Вадимом Ивановичем сделали довольно давно, почти сразу же после Первого Всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров и последовавшей затем нашей с ним совместной поездки с театром «Манекен» на «Игры жаков гливицких»⁵⁷. Так именовался фестиваль польских студенческих театров, на который мы были приглашены (вне конкурса) в мае. Это был яркий и веселый праздник, проходивший в студенческом городке Гливицкого политехнического института.

Ровно через год после Московского фестиваля СТЭМов, зимой 1967 года, театр «Манекен» решил рассказать челябинским студентам об этом празднике студенческого юмора и даже показать отрывки из всех (или почти всех) его спектаклей. Это «ознакомительное представление» так и называлось: «Первый Всесоюзный...», и наши миниатюры-формулы (в основном из спектакля «Нашли дурака») были представлены в нём весьма достойно и подробно. Студенческая публика ЧПИ приняла их с восторгом, может быть, ещё и потому, что играли наши миниатюры ребята из «Манекена» даже лучше нас самих.

Разумеется, мы с Вадимом Ивановичем были приглашены на премьеру этого спектакля в Челябинск, и публика устроила нам там оvation. И тогда мы от глубины чувств решили сделать своим друзьям по студенческому театру «царский подарок»: мы подарили им для исполнения только что написанный нами спектакль «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина».

А предыстория его написания была такова. Мы давно ходили «вокруг-да-около» сказок гениального русского писателя и облизывались на них, как кот на горячую кашу с маслом. На школьных уроках литературы нас учили, что «во времена царизма в России была жесточайшая цензура, и чтобы обвести её вокруг пальца, гениальный русский сатирик и выбрал себе этот жанр – дескать, не социальные язвы общества я бичую в своих произведениях, а рассказываю детские сказочки о зверушках». Ах, ска-

⁵⁷ К числу удивительных совпадений следует отнести и то, что впоследствии НЭТИ и Гливицкий политехнический институт стали вузами-побратимами, а ректор НЭТИ Георгий Павлович Лыщинский был избран почётным профессором этого известного польского вуза, хотя никакого отношения ни к движению студенческих театров, ни к нашим фестивалям это не имело.

жите, пожалуйста, неужели такими «простаками» были ушлые русские цензоры?! Неужели не понимали они, о ком и о чём идёт речь в этих убийственных сатирах?! Неужели их было так легко обмануть?! Да нет, конечно, всё тут далеко не так просто. И кстати, проблем с публикацией сказок у гениального писателя было даже не меньше, а больше, чем, к примеру, с публикацией разящей «Истории одного города».

Сказка «Бедный волк»

Полагаю, что гениальный сатирик и желчный мудрец эту литературную форму избрал совсем по другой причине. Великая народная (фольклорная) традиция и потрясающая литературная образность сказок – вот что стояло за этим выбором. Ведь сказки – это те же литературные «формулы в общем виде», куда каждый может подставить свои реальные жизненные факты, с тем чтобы получить нужный ему ответ. Это были те же самые, что и у нас, миниатюры-формулы, но только оснащённые гениальным, блестящим по красоте и точности текстом. Впрочем, в отличие от наших миниатюр, где мы, как правило, показывали на сцене лишь сатирический образ социального явления в целом, не обращая особого внимания на характеры персонажей, здесь характеры были, да ещё какие! И требовали они огромного мастерства от актёров для того, чтобы встать, если не в один ряд (попробуйте-ка сделать это!), а хотя бы где-то рядом, по соседству.

Впрочем, был у сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина недостаток: большинство из них не содержало никакой драматической интриги, сюжета – это были лишь рассуждения на тему той или иной социальной или нравственной проблемы. «Ну что же, – решили тогда мы, – коль скоро сюжетов в этих сказках нет, значит, надо их придумать. Причём сделать это настолько тонко и аккуратно, чтобы нисколько не повредить волшебную ткань гениальных произведений несравненного Михаила Евграфовича».

Тогда, в благословенном для нас 1966 году, мы выбрали для своего сатирического спектакля семь сказок: «Вяленую воблу», «Орла-мечената», «Бедного волка», «Премудрого пескаря», «Ворона-челобитчика», «Чижиково горе», а также «Самоотверженного зайца». Почти целый год мы проработали над инсценировками, но приступить в ту пору к их репетициям у себя в театре так и не решились: не было у нас актёров, которые могли бы достойно сыграть эти роли.

Сказка «Самоотверженный заяц»

Наши челябинские друзья все предложенные нами им сказки осилить тоже не сумели и выбрали для постановки только три: «Вяленую воблу», «Орла-мецената» и «Чижиково горе». А может быть, наши инсценировки четырёх оставшихся сказок показались им менее совершенными или мало зрелищными в театральном смысле, бог весть. Тут следует напомнить, что конец шестидесятых годов был довольно «пасмурным» временем в истории нашей страны, поскольку это было начало «периода закручивания гаек». Партком ЧПИ после первого просмотра спектакля студенческого театра «Манекен» «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина» разрешить показывать его студентам категорически отказался.

Тогда художественный руководитель «Манекена», в ту пору преподаватель ЧПИ, Анатолий Афанасьевич Морозов спокойно сказал:

– Запретить этот спектакль – ваше право. Но вы должны понимать, что это будет равносильно закрытию нашего театра. Если вы готовы пойти на такой шаг, пожалуйста, закрывайте и наш новый спектакль, и наш театр. Всё сразу.

Партийные лидеры института заволновались. Дело в том, что «Манекен» ЧПИ был яркой визитной карточкой не только института, но и всего города⁵⁸. И по поводу его закрытия пришлось бы в высших партийных сферах города оправдываться. Поэтому после продолжительных дебатов было принято компромиссное решение: внести поправки и уточнения в сказки «Орёл-меценат» и «Чижиково горе» (список этих поправок и уточнений «манекеновцам» был выдан), а вот «Вяленую воблу» категорически запретить. Повторная сдача «Сказок» была назначена через две недели, причём в сугубо закрытом виде – только для членов парткома и высшего руководства ЧПИ. Со своей стороны, ребята из «Манекена» оговорили себе право при повторной сдаче спектакля вновь показать его целиком (то есть с «Вяленой воблой»), а также настояли на том, чтобы на эту сдачу были приглашены авторы, то есть мы с Вадимом Ивановичем. Впрочем, после нашей совместной поездки в Польшу на «Игры жаков гливицких» ребята из «Манекена» считали нас чуть ли не своими, а кроме того, все они очень хотели, чтобы мы непременно увидели (хотя бы только один раз!) нашу, теперь уже общую, «прекрасную несчастливцу» («Вяленую воблу»).

⁵⁸ Три предмета гордости были в ту пору у «столицы Южного Урала»: хоккейная команда «Трактор», вокально-инструментальный ансамбль «Ариэль» и студенческий театр «Манекен» ЧПИ, и расставаться ни с одним из них местные власти совсем не хотели.

«Закрытый просмотр» собрал полный актовый зал ЧПИ, несмотря на то, что никакого объявления о нём, разумеется, нигде не было, и сосоялся он в воскресенье в два часа дня, а вход в институт был перекрыт дежурными дружинниками. Надо ли говорить, что спектакль залом был принят с восторгом, чего никак нельзя сказать о членах «приёмной комиссии».

Спектакль «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина» нам с Вадимом очень понравился, но особенно, конечно, запрещённая «Вяленая Вобла» с Геной Зайцевым в главной роли⁵⁹. Прекрасным символом всех бед и радостей там стал большой тяжёлый орден, роль которого исполняла чугунная сковорода с дыркой на широкой голубой атласной ленте. На повторное заседание комиссии парткома нас с Вадимом, слава Богу, не пригласили, а то мы наговорили бы там кучу дерзостей, что никак не пошло бы во благо ни театру «Манекен», ни нам с ним.

Никакие подробности повторного обсуждения этого спектакля мне неизвестны, но известен их результат: спектакль «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина» был к показу разрешён, хотя и в урезанном виде. Впоследствии он был показан на Всесоюзном фестивале студенческих театров технических вузов в г. Горьком в 1968 году, где получил за него Гран-при. А ещё через год театр «Манекен» представил его на Международном фестивале фестивалей в югославском городе Загребе.

По прошествии нескольких лет, когда мы с Вадимом Ивановичем вновь «стояли на перепутье», размышляя о том, куда вести наш СТС дальше, нам вдруг вспомнились те наши инсценировки сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина, которые не были поставлены в студенческом театре «Манекен» в 1967 году: «Бедный волк», «Премудрый пескарь», «Ворончелобитчик» и «Самоотверженный заяц». Тем более что теперь исполнители главных ролей для них у нас уже были: «Волк» – Дима Бакланов, «Пескарь» – Эдик Гржибовский, «Ворон» – Миша Мотовилов.

Кроме того, по старой привычке «дописывать что-то новенькое к перелицованному старому» мы решили соорудить из одной наших самых любимых сказок Салтыкова-Щедрина «Добродетели и Пороки»... русский водевиль с песнями, романсами и танцами. Работа над ним оказалась для нас и очень трудной, и очень интересной. Дело в том, что в этой удивительной сказке персонажами были даже не звери, рыбы или птицы, а... человеческие свойства, то есть качества, которые, к тому же, следовало

⁵⁹ В этом нет ничего удивительного: для авторов их произведения подобны детям, а более всего мы любим тех наших детей, которые обижены судьбой.

чётко разделить на Добродетели и Пороки. Кроме того, для своего неожиданного творения нам пришлось выдумать даже нового персонажа – Трактирщика, роль которого сыграл сам Вадим Иванович⁶⁰. Совершенно неожиданно, будто бы специально для «нашего» нового спектакля, в СТС пришла превосходная артистка, студентка НЭТИ Надя Фетисова. Лучшей исполнительницы роли Лицемерия мы и представить себе не могли. Словом, всё складывалось так, что наш спектакль из двух частей «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина» должен был появиться на сцене НЭТИ.

Сказка «Бедный волк». Медведь – Дмитрий Донин, волк – Дмитрий Бакланов, зайцы – артисты СТС

И он появился. Первая часть под названием «В мире испуга» содержала четыре наших «старых» сказки; вторая часть – «Добродетели и Пороки» – новый водевиль.

Этот спектакль мы показали на сцене НЭТИ всего один раз, несмотря на то, что прошёл он с большим успехом. Причём, в отличие от наших прежних удачных выступлений, его весьма высоко оценили профессионалы: режиссёры, артисты и писатели города. Однако опять же, в отличие от прежних выступлений, он был сразу же запрещён комиссией парткома НЭТИ. Причём главную нашу «вину» местные идеологи усмотрели в том, что мы не получили разрешения на постановку своего спектакля у

⁶⁰ Правда, роль эта была без слов, если, впрочем, не считать междометия «Апчхи!».

идеологического руководства института. Можно было подумать, что прежде мы на свои спектакли такие разрешения в НЭТИ от кого-то получали!

Перед водевилем «Добродетели и Пороки»

Результатом всего этого стало то, что мы вновь ушли из НЭТИ сначала во Дворец культуры «Строитель», потом в клуб «Прогресс». Теперь уже окончательно и бесповоротно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом моё повествование о Студенческом театре сатиры НЭТИ заканчивается. Как и у всего живого в этом мире, был у него момент рождения и момент смерти. Были счастливые и тяжёлые моменты жизни, были взлёты и падения. Были свои друзья и недруги. Были моменты ярких озарений и тяжкого, безысходного мрака. Всё было. И это означает, что жил наш любимый первенец полнокровной жизнью.

К сожалению, движение студенческих театров, бурно развивавшееся во всём мире в беспокойных шестидесятих годах, несмотря на поддержку ЮНЕСКО, в начале семидесятых начало постепенно сходить «на нет». И вскоре сошло туда окончательно. Причём в нашей стране главную палаческую роль в этом, как ни странно, сыграли не столько строгие надзорные органы, сколько... КВН, родившийся как раз в студенческом театре и вскоре «сожравший с потрохами» своего доверчивого родителя. Страшный монстр «массовой культуры» – Телевизор, а вместе с ним нелепая затея: соединить весёлое и наивное студенческое искусство со спортивным состязанием сделали своё чёрное дело.

Правда, поначалу КВН, исповедовавший принципы «политического кабаре», родившегося на Западе, был с восторгом принят передовой частью и нашего студенчества. Одним из лидеров здесь тоже стал наш Новосибирск, но, правда, знаменитая команда нашего города, единственный трижды чемпион по этому диковинному виду спорта, базировалась не при НЭТИ, а при НГУ. Впрочем, это не так уж и важно. Тем более что постепенно юмор в КВН переместился куда-то «ниже пояса» (чего студенческий театр себе никогда не позволял), а сами юмористы всё чаще стали прибегать к платным услугам профессионалов. Справедливости ради отмечу, что никто из участников СТС НЭТИ в КВН, слава Богу, не подался.

Что же стало впоследствии с театром, который, окончательно уйдя из НЭТИ, название «СТС»⁶¹ всё-таки сохранил? Он просто стал клубным самодеятельным театром. Сначала он довольно долго играл первое отделение спектакля «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина», созданного ещё в НЭТИ, и даже ездил с ним в Москву на какой-то странноватый «теат-

⁶¹ Правда, сама аббревиатура «СТС» расшифровывалась теперь по-другому – не «Студенческий театр сатиры», как прежде, а «Самодеятельный театр сатиры». Впрочем, некоторые расшифровывали её и как «Сатирический театр Суховерхова».

ральный междусобойчик», организованный в театральном училище имени Бориса Щукина профессором А.А. Ширвиндтом с неясной целью.

Потом во Дворце культуры «Строитель» в театре СТС (теперь уже новом) Вадим Иванович поставил фантасмагорическую комедию А.В. Сухова-Кобылина «Смерть Тарелкина», где главные роли играли: он сам и Дима Бакланов. Этот спектакль был показан в Ташкенте в рамках Второго Всесоюзного фестиваля студенческих театров (по крайней мере, организаторы так сами именовали его) и имел там успех, чему во многом способствовали блестящая работа художника-постановщика С.С. Мосиенко и несколько весьма достойных актёрских работ. Отдельно следует отметить, что Новосибирская картинная галерея приобрела афишу этого спектакля у автора, тем самым признав её произведением живописного искусства (как, скажем, афиши Анри де Тулуз-Лотрека). Попутно галереей была приобретена также и афиша спектакля СТС «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина»⁶².

В.И. Суховерхов – художественный руководитель СТС

⁶² Авторами этой афиши были художники СТС НЭТИ Леонид Левицкий и Сергей Мосиенко.

Следом за этим в новом СТС была поставлена комедия А.Н. Островского «Доходное место», которую там исполняли под названием «Играем Островского». Этот спектакль возили в Екатеринбург на Фестиваль параллельного искусства, где он даже получил приз за «лучшее исполнение роли второго плана».

Несмотря на несомненные успехи и достижения, деятельность СТС не нравилась руководству Дворца культуры «Строитель», и Вадим Иванович вместе со всем своим коллективом перешёл в клуб «Прогресс»⁶³. Там он поставил спектакли «В открытом море» по пьесе современного польского классика Славомира Мрожека и моно-пьесу Виктора Славкина «Мороз», превратив её в поли-пьесу (роль единственного персонажа этой пьесы в спектакле играли пять разных актёров). И усадив зрителей прямо посреди сцены, где происходило действие.

В течение последующих нескольких лет Вадим Иванович настойчиво стремился поставить пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор», где вначале сам хотел играть роль Хлестакова, затем Городничего, а затем обоих этих персонажей разом. Однако ничего из этого не получилось.

Умирал СТС долго и мучительно. На сегодняшний день можно уверенно сказать, что остался он лишь в памяти тех, кто принимал участие в его спектаклях или хотя бы видел их.

⁶³ К тому времени этот клуб перевели в разряд дворцов культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРО ТЕХ, КОГО НИКТО НЕ ЛЮБИТ

(студенческий капустник)

1. «Собака на сене»

(На сцене участники спектакля и **Вадим Иванович**.)

1-й артист: Ну как, Вадим Иванович?

Вадим Иванович: Ну, если на это дело посмотреть вот так (*делает неопределённый жест*), то, в какой-то мере, конечно... Ну, не то, чтобы там... в смысле чего-то, но где-то так это... да.

1-й артист: А поконкретней, Вадим Иванович! Прямо по программе!

2-й артист: Вот первая интермедия. Как вам?

Вадим Иванович: А-а, это, где вы все его тут... Забавно.

3-й артист: Значит, пойдёт?

Вадим Иванович: Можно, конечно... Но вы понимаете, какой вывод напрашивается?

(Пауза.)

4-й артист: Так мы так и хотели!

Вадим Иванович: Ну, знаете ли!..

5-й артист: Но ведь об этом же в «Известиях» писали и в «Правде»! Вот даже вчера...

Вадим Иванович: Товарищи! Одно дело – официальная печать, другое – самодеятельность. Вас могут не понять.

6-й артист: Да чего же здесь непонятного?

Вадим Иванович: Я-то вас прекрасно понял. Но в зале-то кто будет сидеть?

1-й артист: Такие же, как все, будут! Да что уж, дураки, что ли там?

Вадим Иванович: Ребята! Да разве я против? Я сам стихи писал, у меня на этом ухо набито. И я вам так советую: пока шишки не посыпались, лучше эту штуку уберите. Что вам стоит?

2-й артист: Ну, хорошо, а следующая?

Вадим Иванович: Это где вы все?... Ну, это у вас самое такое... Но не рано ли? И надо ли? Смейтесь, над чем все смеются. Студент ведь за день набегаются, устанет, а вы его вечером думать заставляете, всякие

там вопросы поднимаете. И знаете, что может случиться? Вы поймёте, я пойму, все поймут!.. Но не дай Бог, найдётся одна собака, которая пойдёт и... А зачем вам это надо?

7-й артист: Что же нам делать, Вадим Иванович?

Вадим Иванович: Что? Ну, например, ставьте классику. И никто не подкопается! «Евгений Онегин», «Ромео и Джульетта» – проверенные вещи! Одни названия чего стоят! Вот у меня для вас и списочек подготовлен: «Воскресенье», «Лес», «Поздняя любовь», «Обыкновенная история», «На дне», «Дядя Ваня», «Живой труп». А что у вас? Ну, что это? «Ни одна собака»? «Собака на сене» – вот это да! Сразу всем всё ясно. Вот вам список, садитесь и переделывайте программу. Названия отпечатаете в трёх экземплярах и покажете мне. (*Уходит*).

8-й артист: Ну вот, готовились, готовились, а теперь...

1-й артист: Я пойду скажу, чтобы концерт отменили!

3-й артист: Само собой! Такая жалость! Люди старались, сочиняли, репетировали и, выходит, всё зря?

1-й артист: А что можно сделать? Текст уже написан, отрепетирован.

5-й артист: Да кто у тебя новый текст просит? С тебя ведь программу требуют, названия. Понимаешь, названия! Вот, пожалуйста: «Кто виноват?» Чем не название? Понял?

1-й артист: Здорово! «Клоп»!

2-й артист: «Былое и думы»!..

6-й артист: «Сорочинская ярмарка»!..

3-й артист: «Много шума из ничего»!..

1-й артист: Даже «Маскарад» есть! Живём!

Голос радио: Сегодня мы даём нашим сценкам классические названия. Но все действующие и бездействующие лица – наши современники, все действия происходят в наше время.

2. «Много шума из ничего»

(Стол с двумя стульями. На столе стоят графин и стакан. Поодаль – одинокий стул. Входит **Бейнабатов**, следом входит и садится за стол **Секретарша**, раскрывает папку. **Бейнабатов** стоит за столом в позе докладчика.)

Бейнабатов: Товарищи! Поступило предложение: провести общее закрытое собрание на тему: «Твой моральный облик». Прошу голосовать единогласно.

(*Бейнабатов и Секретарша одновременно поднимают руки.*)

На повестке дня один вопрос: разбор персонального дела студента Пятёркина. Пятёркин, займите своё место. (*Указывает на одинокий стул*).

Пятёркин (*входя на сцену*): Товарищи, это недоразумение. За что же меня разбирать?

Бейнабатов: Прошу занести в протокол: студент Пятёркин пытался сорвать собрание.

(*Секретарша быстро записывает.*)

Пятёркин: Товарищи, я не понимаю...

Бейнабатов: Сядьте, Пятёркин, сейчас всё поймёте.

(*Пятёркин садится.*)

Пятёркин, встаньте!

(*Пятёркин встаёт.*)

Объявление о сборе металлолома читали?

Пятёркин: Читал. Это ещё в прошлом году было.

Бейнабатов: Почему не явились?

Пятёркин: Я болел тогда.

Бейнабатов: Можете представить справку?

Пятёркин: Справки у меня нет, но староста знал.

Бейнабатов: А вы что, заранее его предупреждали, что болеете?

Пятёркин: Нет, он у меня дома был.

Бейнабатов: Кто был?

Пятёркин: Староста.

Бейнабатов (*после паузы*). Значит, нет у вас справки. Так... Обратите внимание, товарищи. Пока вся группа, как один человек, собирала металлолом, этот молодой, здоровый, атлетически сложенный богатырь, единственный из всех, спокойно дезертировал, отлёживаясь дома! Где была твоя совесть, Пятёркин?

Пятёркин: Ну, уж это вы зря! Там, кроме старосты, никого из нашей группы не было. Даже в «Молнии» писали!

Бейнабатов: А ты за всех не расписывайся – за себя отвечай!

Пятёркин: Так я же болел!

Бейнабатов: За общее дело болеть надо. Прошу занести в протокол: не болеет за общее дело. О соревнованиях парашютистов знал?

Пятёркин: Слышал.

Бейнабатов: Был?

Пятёркин: Не был.

Бейнабатов: Значит, тебе наплевать?..

Пятёркин: Так ведь я не умею с парашютом.

Бейнабатов: ...наплевать на честь института?! Прошу занести в протокол: наплевать на честь института. Помнишь, Двойкина за пьянку из общежития выселили?

Пятёркин: Ну, помню.

Бейнабатов: А что ты сделал, чтобы он не пил?

Пятёркин: Ну, а что я мог сделать?

Бейнабатов: Значит, пренебрегаешь? Прошу занести в протокол: пренебрегает. Помнишь, вся группа в кино ходила? Тебя снова не было!

Пятёркин: Так я же этот фильм уже два раза смотрел!

Бейнабатов: А коллектив пусть разваливается?! Прошу занести в протокол: разваливает коллектив. Скажи, Пятёркин, правду говорят, что ты общественник? Ну, и позволь тебя спросить, какие общественные нагрузки ты несёшь?

Пятёркин: Я в самодеятельности участвую...

Бейнабатов: Это не общественная нагрузка. И потом, кто тебя уполномочивал? Почему ты считаешь, что именно ты должен представлять лицо нашей самодеятельности?

Пятёркин: Ну, я просто думал...

Бейнабатов: Значит, считаешь себя выше всех остальных? Прошу занести в протокол: считает себя выше всех. Слушай, Пятёркин, ты хоть наши стенгазеты-то читаешь? Молчишь? Нечего сказать? *(Встаёт.)* Да, товарищи, пожалуй, действительно, хватит. *(Делает Пятёркину знак сесть.)* Нам и без того уже достаточно ясен неприглядный моральный облик студента Пятёркина, маскирующего своё, прямо скажем, гнилое нутро отличными и хорошими оценками. Кстати, товарищ Пятёркин, я бы постыдился систематически получать повышенную стипендию, когда среди нас есть такие товарищи, как Двойкин, которого вот-вот выгонят из института! Но ты не стыдишься! А ведь государство тратило деньги... и на твоё место мог бы прийти не злостный тунеядец, а простой, скромный товарищ. Жаль, очень жаль, что под сверхмодной одеждой мы не разглядели тебя раньше. Ну что же, товарищи, это наша ошибка, которую надо как можно скорее исправить. Надо сурово осудить поступки Пятёркина, раз товарищ не хочет подчиниться. Итак, что же мы имеем, товарищи? *(Берёт протокол.)* Пытался сорвать, наплевать, пренебрегает, разваливает, не болеет, не хочет, и так далее и тому подобное... Сам собой напрашивается вопрос: а наш ли человек студент Пятёркин? Пусть он нам сам об этом скажет... Если, конечно, ему есть что сказать. *(Садится.)*

Пятёркин (*смотрит на Бейнабатову, затем медленно встаёт и идёт на авансцену; говорит, обращаясь к зрительному залу*). Товарищи... Ребята... Ведь вы же меня все хорошо знаете... Что же вы молчите, ребята?!

3. «Клоп»

Собрание идёт. Пятёркина разбирают. А чего разбирать-то? Третий год в одной комнате общаги живём – всё равно его лучше меня никто не знает. А я на собрание не пошёл. Зачем? Если надо – его и так выгонят, а оставят – и без меня оставят. И нечего мне по собраниям шляться, выступать...

Чего выделяться-то? Живи, как все. Вот я – средний студент. Разве только роста маленько ниже среднего. Меня за это в общежитии клопом зовут. Я – как все: скажут – сделаю, а сам не полезу. Зачем? Неприятности наживать?

Меня вот комсорг всё в хор агитирует: голос, говорит, у тебя выше среднего. Ну и что? Без меня хор не развалится, а развалится – я не при чём, не участвовал.

И чего я в этой самодеятельности не видел? Я студент, мне учиться надо, стипендию получать. Не повышенную, конечно. Зачем? Вон Матвеев все года отличником был, а в эту сессию тройку получил – ох, и шуму было! Вызывали его, стыдили, стращали, со стипендии снять хотели... А меня за тройку со стипендии не снимешь! Шалишь, брат! Я – средний!

Или вон Лёнька, третий год в газете старается. А тут к празднику номер запоздал – пожалте, выговор! А мне выговора не надо – у меня биография чистенькая!

Так что на собраниях пусть другие выступают. А меня не трогай. Я – средний. Средний студент!

4. «Женитьба Белугина»

(*Перед занавесом под звуки духового оркестра проносят большой пригласительный билет с текстом: «Уважаемый товарищ! Маша и Паша Белугины приглашают тебя на своё бракосочетание». Открывается занавес. На сцене – край длинного стола, уходящего за кулисы. Во главе стола **Тамада**. В центре – безмолвные и неподвижные **Паша** и **Маша**. За столом тесно сидят разного рода **Представители**. За ними с ноги на ногу переминаются музыканты духового оркестра. На задней стене – лозунг, также уходящий за кулисы: «Перекуём...». У стены кар-*

тина, занавешенная покрывалом. Шум. Из-за кулис доносятся голоса: «Что ни говори, а брак – это лотерея»... «Ну и что? Я по лотерее шубу выиграла».)

Т а м а д а (музыкантам, перекрывая галдёж): Когда будет надо, вам махнут... (Звонит в колокольчик, требуя тишины.) Товарищи! Сегодня мы собрались сюда для того, чтобы присутствовать при очень важном факте жизни нашего коллектива. Этот факт – свадьба. Женильба Белугина!

(За сценой шаги марширующих людей. Голос: «Отряд, стой! И не шевелись!»). Появляется **Командир дружинников**, подходит к **Тамаде**.)

К о м а н д и р д р у ж и н н и к о в: Отряд дружинников в количестве шестнадцати человек прибыл на место происшествия.

Т а м а д а: Добро! Через пять минут закрыть все двери. Двоих сюда, остальных на вход. (К собравшимся за столом) Итак, товарищи, разрешите торжественную часть студенческой свадьбы номер семь считать открытой. (Машет рукой. Оркестр играет туш. Шум. Радостные крики. Здравицы.) Товарищи, товарищи! Не будем уж полностью себя выказывать: всё-таки среди нас имеются корреспонденты. Вот товарищ из газеты «Вечерняя Сибирь».

(**Корреспондент**, увешанный фотоаппаратами, встаёт и раскланивается.)

Слово предоставляется представителю деканата факультета. Пожалуйста, Павел Иванович!

П р е д с т а в и т е л ь д е к а н а т а: Товарищи! Мы встречаем это событие в обстановке небывалого подъёма всех духовных и физических возможностей. В эти дни, когда... (Делает взмах рукой, который музыканты поняли, как знак. Туш. **Павел Иванович**, рассерженный, садится. (Обращаясь к **Тамаде**) Кто приглашал этот оркестр?

Т а м а д а: Не знаю.

(Входят два **Дружинника**, становятся у стены.)

Слово предоставляется представителю бухгалтерии. (Подходит к оркестру и что-то выговаривает музыкантам.)

П р е д с т а в и т е л ь б у х г а л т е р и и: Ещё в прошлом году, когда появились сигналы неизбежности этого дела, мы стали готовить средства. Средства эти мы реализовали: на первое – заказали билетов образцово-свадебных 200 штук; на второе – закупили шторы оконной, плюшевой 20 метров. (Голоса: «А где шторы?») Штору привезут завтра. На третье – произвели страхование помещения свадьбы от пожара и несчастного случая. Оставшиеся средства ушли на покупку подарка для участников женильбы. Картина художника Пнина «Богатырь во ржи».

(Дружинники снимают с картины покрывало – в шишкинской «Ржи» стоит Илья Муромец из «Трёх богатырей». Туш. Представитель бухгалтерии складывает покрывало и кладёт его к себе в портфель.)

Т а м а д а: Слово имеет представитель группы, где учится невеста.

П р е д с т а в и т е л ь г р у п п ы: Дорогие друзья! Я маленько волнуясь, и это понятно: мне выпала большая честь передать всем вам от нашей дружной учебной группы пламенный привет! Как один мы тогда спросили Машу: «А ты его хорошо знаешь?» – «Хорошо», – говорит. «Ну что же, иди, выходи, коллектив не против. Но не обожгись на этом скользком пути, не теряй сознания! Всегда имей в виду, что телевизоры и холодильники не должны заслонить от тебя нашего общего дела!».

(Туш. Аплодисменты.)

Т а м а д а: От актива друзей художественное слово имеет участница самодеятельности товарищ ... э-э-э... Иванова, если не ошибаюсь.

П р е д с т а в и т е л ь н и ц а с а м о д е я т е л ь н о с т и: Ага. Петрова. Стихотворение называется «Что ваше, то и наше»... то есть «Что наше, то и ваше».

Друзья, сегодня свадьба ваша...

Хоть, впрочем, и, конечно, наша.

Мы отдаём здесь нашу Машу

За тоже нашего же Пашу!

(Аплодисменты. Туш. Чей-то голос: «Горько!»)

В с е *(хором)*: Горько! Горько!! Горько!!!

(Маша и Паша встают и собираются поцеловаться.)

Т а м а д а *(предостерегающе)*: Сядьте пока!

К о р р е с п о н д е н т *(наводя фотоаппарат)*: Нет, почему же? Шикарный кадр. Мы назовём это фото «Первый... многоточие... поцелуй» или «Первое... многоточие... горько». Горько, товарищи!

В с е *(хором)*: Горько!

К о р р е с п о н д е н т: Так, не шевелитесь! Поверните ко мне невесту! *(Снимает.)* Так, ещё разочек. *(Снимает.)* Чудненький ракурс. Просто блеск! *(Снимает.)* Продолжайте выступления!

П ь я н ы й *(появляется из-за кулис и идёт вдоль стола к Паше)*: Са-ша! Са-ша!.. Родной и дорогой... Александр! Мы с тобой... в законе!

(Навстречу ему бросается Дружинник.)

Д р у ж и н н и к: Гражданин, как вы сюда попали?

П ь я н ы й: Я?.. В законе!

Д р у ж и н н и к: Ваш билетик, пожалуйста.

П ь я н ы й: Я извиняюсь...

Д р у ж и н н и к: Пройдёмте!

П ь я н ы й: Нет, и не просите!.. Саша, имей в виду, если кто тебя с Марусей тронет, будет иметь дело со мной!

(Дружинники выводят Пьяного.)

П р е д с т а в и т е л ь д е к а н а т а (*Тамаде*): Я же просил тщательно продумать состав участников мероприятия! Где у вас список?

Т а м а д а (*достаёт список*): Переключка!.. Арапов!

П р е д с т а в и т е л ь г р у п п ы: Здесь!

Т а м а д а: Афонина!.. (*Смотрит на Машу.*) Афонина, ты почему не откликаешься?

М а ш а (*встаёт*): Так я же теперь Белугина!

П а ш а (*тоже встаёт*): Белугина она теперь!

Т а м а д а: Павел, не нарушай!

П р е д с т а в и т е л ь д е к а н а т а (*Тамаде*): А вон, кто это у вас там сидит?

Т а м а д а: Где?

П р е д с т а в и т е л ь д е к а н а т а: А вон там, рядом с зав. библиотекой!..

Т а м а д а (*за сцену, в дальний конец стола*): Товарищ! Да, да, вы! Вы, к примеру, кто будете?

К у з ь м а Е г о р о в и ч (*выходит из-за кулис и идёт вдоль стола*): Кузьма Егорыч я.

Д р у ж и н н и к (*надвигаясь на Кузьму Егоровича*): Зачем тут?

К у з ь м а Е г о р о в и ч (*подходит к Паше*): Да вот сына женить приехал...

П а ш а (*дружинникам*): Не надо, батя это мой.

Т а м а д а: Товарищи, я же просил: у кого с собой родственники – предупредить!

П а ш а: Да заявлял я!

Т а м а д а: Павел, не нарушай! Удалю со свадьбы!

П а ш а: Да я и сам уйду! Пошли, Маша! Пойдёмте, батя!

(Втроём уходят. Шум. Общее смятение.)

Т а м а д а (*стараясь перекричать шум*): Спокойно, товарищи! Свадьба продолжается! Слово предоставляется...

5. «Бешеные деньги»

(По авансцене проходит Девочка. Она напевает «мамину» песню: «За что ж вы Ваньку-то Морозова?.. Ведь он ни в чём не виноват. Она сама его морочила, а он ни в чём не виноват». Уходит. Открывается за-

навес. Комната в доме преподавателя института. Книги. Письменный стол. Ковёр. Детская скамеечка. За столом Отец Девочки проверяет работы студентов. Входит Девочка.)

Д о ч ь: Папа, мне скучно. Можно я с тобой немножечко поиграю?

О т е ц: Девочка, папа занят. Пойди к маме.

Д о ч ь: А мама ушла.

О т е ц: Куда ушла мама?

Д о ч ь: Ковры смотреть.

О т е ц: Куда, куда?

Д о ч ь: Ковры смотреть. Пришла тётя Капа и говорит: «Кира, бросай всё, ковры выбросили!». И мама на ходу обувалась.

О т е ц: Ну, иди, почитай про этого... про Айболита.

Д о ч ь: А я его уже весь прочитала.

О т е ц: Ну, почитай журнальчик. Вон у тебя в руках.

Д о ч ь: Да здесь буквы не советские и картинки не интересные – одни раздетые тётеньки...

О т е ц: Где ты это взяла?

Д о ч ь: Я у мамы взяла.

О т е ц (*берёт у дочери журнал, листает, потом кладёт его на стол*). Зачем это ей? (*Вновь углубляется в работу.*)

Д о ч ь (*берёт книгу, садится на скамеечку, читает*): Б... Е... Бе... Ше... Беше... Бешеные! Кто же такие бешеные? Д... Е... Де... Деньги. «Бешеные деньги». Папа, а это про что?

О т е ц: Что «про что»?

Д о ч ь: «Бешеные деньги» – это про что?

О т е ц (*продолжая работать, машинально*): «Бешеные деньги» – это про деньги.

Д о ч ь: А какие они – бешеные? Как бешеные собаки, да? И кусаются?

О т е ц: Когда денег много, говорят: «большие деньги» или «бешеные деньги». Поняла?

Д о ч ь (*некоторое время сосредоточенно думает, потом спрашивает*): Папа, ты проверяешь экзамены?

О т е ц: Да, я проверяю экзамены.

Д о ч ь: Папа, правда, что студенты на экзаменах плавают, а ты их топишь?

О т е ц: Кто это тебе сказал?

Д о ч ь: Мне Вовка из седьмой квартиры сказал. Правда, да?

О т е ц: Конечно. А чего же с ними делать, если они ничего не знают.

Д о ч ь: И вчера прямо на экзамене двоих зарезал?

О т е ц: Зарезал.

Д о ч ь: И Вовкиного брата засёк?

О т е ц: Это Репнина-то? «Засёк»... Да с него за это шкуру содрать мало!

Д о ч ь: Значит, ты теперь Бармалеем работаешь?

О т е ц (*смеётся*): Ну, какой же твой папа Бармалей? Твой папа – кандидат... наук.

Д о ч ь: А кто же тогда Бармалей?

(*Раздаётся телефонный звонок. Отец снимает трубку.*)

О т е ц: Кира, это ты?.. Да, получил... Сто пятьдесят, как всегда... Что значит «мало»? У меня уже и так нагрузки – во! По горло! Я даже у Фёдорова шесть часов украл... (*Кладёт трубку.*)

Д о ч ь: Папа, ты жулик?

О т е ц: Это ещё что такое?

Д о ч ь: А зачем ты у Фёдорова шестеро часов украл?

О т е ц: Каких «шестеро часов»?

Д о ч ь: А ты сам только что маме по телефону сказал, что украл у Фёдорова шестеро часов!

О т е ц (*встаёт из-за стола, смеётся*): А-а... Так это какие часы... Как тебе объяснить... Понимаешь, это я студентам читаю... Ну. Как тебе по вечерам.

Д о ч ь: Чтобы они скорее уснули? И тогда ты у них часы отнимаешь, как у Фёдорова?

О т е ц: Нет, детка, это другие часы... Не те, которые на руках носят, а время. Просто время.

Д о ч ь: Значит, ты у них просто время отнимешь... А зачем?..

О т е ц: Чтобы денег больше платили.

Д о ч ь: Папа, ты жадный?

О т е ц: Ну, почему же жадный? Ведь эти деньги куда идут? Тебе на платице, маме...

Д о ч ь: И бабушке?

О т е ц: И бабушке.

Д о ч ь: А бабушка приезжала денег просить.

О т е ц: С чего ты взяла?

Д о ч ь: Я слышала. Бабушка на кухне плакала, говорила: «Как села ему на шею эта Лушка, так словно подменили моего Ванюшку». Ванюшка, ведь это ты, папа?

О т е ц: Ну, я.

Д о ч ь: А какая у тебя Лушка сидит на шее?
О т е ц: Мама это наша.
Д о ч ь: Так она же Кира!
О т е ц: Какая она Кира? Лукерья она. Луша... Ну, и что ещё бабушка говорила?
Д о ч ь: А ещё бабушка говорила: «Учила его, учила, а теперь он не помогает, денег не высылает». Папа, ты не учи этих студентов, а то они тоже не будут бабушкам денег высылать. *(Звонок телефона.)*
О т е ц *(снимает трубку)*: Да, я... Куда принести?.. Сколько? Да ты, что, с ума сошла?.. Кстати, не кажется ли тебе, что у нас и без того этих ковров... больше, чем достаточно? Что? Кира!.. Кира!! *(Бросает трубку.)*
Д о ч ь: Папа, а когда вы с мамой были студентами, вы тоже ковры покупали?
О т е ц: Нет, лапонька, никаких ковров мы тогда не покупали.
Д о ч ь: Вы были бедные?
О т е ц: Да, мы были бедные.
Д о ч ь: Вы плохо жили?
О т е ц: Нет, дочка, понимаешь, мы очень хорошо тогда жили...
Д о ч ь: А теперь плохо, да? Я знаю, плохо. А почему?
О т е ц: Действительно, почему?
Д о ч ь: А я знаю! Вы от этих денег заразились и тоже бешеные стали. Правда, папа? Ну, скажи, папочка, скажи!
(Непрерывно звонит телефон.)

6. «Комедия ошибок»

(Учитель входит в класс.)

У ч и т е л ь: Здравствуйте, ребята! Садитесь. Я ваш новый преподаватель. Зовут меня Николай Александрович. Я окончил институт иностранных языков и с сегодняшнего дня буду вести у вас уроки ручного труда... Основной проблемой, стоящей и теперь перед школой, как вы знаете, остаётся проблема активизации внимания и деятельности учащихся с целью выучивания урока на самом уроке. Поэтому будьте максимально внимательны и постарайтесь отвечать на все вопросы, которые я перед вами поставлю. Перейдём теперь непосредственно к самому уроку. Часто в нашей жизни нам приходится что-нибудь вколачивать или, наоборот, отколачивать. Кто приведёт пример?

У ч е н и ц а: Ну вот, например...

У ч и т е л ь: Только без «ну»!

У ч е н и ц а: Ну, например, нам с Вале́й мальчи́ки сказа́ли, что если мы с Вале́й ска́жем, кто разбил окно́, они нас с Вале́й отколо́тят.

У ч и т е л ь: Неверно... Скажи ты!

1-й у ч е н и к: Ну вот, например, Мари́я Ива́новна Кла́вке Пу́пыкиной зада́чку вкола́чивала, вкола́чивала, а она всё равно́ ниче́го не поня́ла.

У ч и т е л ь: Нет, ребята... Хорошо́, я вам подска́жу. (*Вешает наглядное пособие «Гвоздь»*). Что мы ви́дим на этом наглядном пособии́?

1-й у ч е н и к: Гриб.

У ч и т е л ь: Полным отве́том.

1-й у ч е н и к: На этом наглядном пособии́ мы ви́дим гриб.

У ч и т е л ь: Неверно... Скажи ты!

2-й у ч е н и к: Тут нарисова́н груздь.

У ч и т е л ь: Точнее – не груздь, а гвоздь. И́так, запи́шите тему сего́дняшнего уро́ка: «Гвоздь». По-а́нглийски это бу́дет «э́ нэйл»... Гвоздь... Все посмотре́те на до́ску и ска́жете, ка́кой гвоздь мы ви́дим?

У ч е н и ц а: Мы ви́дим некра́сивый гвоздь.

У ч и т е л ь: Мы ви́дим напо́ловину вколо́ченный гвоздь. Из че́го он состоит?

1-й у ч е н и к: Он состоит из желе́за.

У ч и т е л ь: Подума́й!

1-й у ч е н и к: Из желе́за и ржа́вчины.

У ч и т е л ь: Садись... Вот пе́ред ва́ми недо́вколо́ченный гвоздь. Из че́го он состоит?

1-й у ч е н и к: Из вколо́ченной и недо́вколо́ченной ча́стей.

У ч и т е л ь: Ка́ждый гвоздь состоит из двух ча́стей. По́казываю: те́ло гвоздя́, ша́пка гвоздя́.

(Один из учеников смеётся.)

Что здесь сме́шного? По́втори!

1-й у ч е н и к: Мы ви́дим те́ло в ша́пке.

У ч и т е л ь: Мы ви́дим те́ло и ша́пку гвоздя́. Садись! Че́го мы здесь не ви́дим?.. Ну, че́го мы здесь не ви́дим?

У ч е н и ц а: Мы здесь не ви́дим дя́деньку.

У ч и т е л ь: Ка́кого дя́деньку? Мы здесь не ви́дим того́, че́м вкола́чива́ют гвозди́. По́втори!

У ч е н и ц а: Мы здесь не ви́дим того́ дя́деньку, ко́торым вкола́чива́ют гвозди́.

У ч и т е л ь: Мы здесь не ви́дим того́ предме́та, ко́торым вкола́чива́ют гвозди́. Ни у ко́го, случа́йно, не́т гвоздя́?

1-й у ч е н и к: У ме́ня не́т!

7. «Таланты и поклонники»

(На авансцену выходит Ведущий.)

В е д у щ и й: Нас спросили: «Почему в вашей программе нет ничего на тему о космосе?». Да, действительно, мы живём в замечательное время, когда нельзя не восхищаться победами человеческого разума. Сколько уже написано о космосе и ракетах, о планетах и спутниках: сколько стихов, рассказов, песен! Сколько хороших... А сколько плохих? «Пусть плохо – зато современно. Не важно как, важно вовремя, – так рассуждает халтурщик. – Пока классики раскачаются, у нас уже тят-ляп и готова целая программа на космическую тему. Были бы поклонники, а таланты найдутся!.. Тема огромная, необъятная, классическая! Пиши, сколько влезет! Ух, до чего же хорошо!».

До чего же хорошо кругом!
Тему модную про космос мы возьмём!
А поэт по трафарету
Разукрасит тему эту
И напишет вечером
Целый том. А потом
Это дело будут петь кругом.

Опьяняет космос, как вино!
Тем космических у нас полным полно.
А Луна-старуха сдуру
Так и просится в халтуру,
На эстраду и в кино!
Ей уже не одно
Обозрение посвящено.

Представим себе, что мы присутствуем на таком концерте. Итак, начинаем концерт артистов «Космосэстрады»! *(Уходит.)*

(Звучит марш. Открывается занавес. На сцене эстрадный оркестр, на его последних тактах появляется Конферансье.)

К о н ф е р а н с ь е: Зассть, дорогие друзья, засть! Добрый вечер! Наступает вечер, и нарядная толпа устремляется в театры, клубы и дома культуры. Наступает вечер, и в небе зажигаются звёзды, а меж звёзд летают такие дорогие и близкие каждому из нас спутники!

Летает спутник неотступно,
Окружность сделав не одну.
Нам сразу стало всё доступно –
Мы сзади видели Луну.

Мы взрыли землю – небо взроем!
Нас не пугает звёздный путь!
Нас притяжение земное
Уже не может притянуть!

И я о времени мечтаю,
Когда скажу жене с утра:
Я в путь далёкий улетаю.
Прощай, жена. Пиши. Ура!

Как вы уже, наверно, догадались, в нашей сегодняшней встрече на меня возложены обязанности ведущего, что в переводе на иностранный язык означает «конферансье». Поэтому я с большим удовольствием начинаю концерт артистов «Космосэстрады». Концерт открывает очень заслуженный деятель искусств! «Лунная фантазия»! *(Уходит.)*

(С противоположной стороны появляется Заслуженный деятель искусств.)

З а с л у ж е н н ы й д е я т е л ь *(поёт в сопровождении оркестра):*

Дан приказ Луну освоить!
Ввысь уверенно гляжу.
Я, друзья, через минуту
На орбиту выхожу.
Я пожал подруге руку
И похлопал по плечу:
До свиданья, дорогая,
Напишу, как прилечу.

Ночь коротка.
Спят облака.
Но я внешне спокоен и знаю:
На штурвале не дрогнет рука!

Вспомню в грозу
Землю внизу,
Вспомню дом и смахну торопливо
Набежавшую за день слезу.
Ведь с Луной я совсем незнаком.
Был на Красном проспекте мой дом
И, мне кажется, снова
Из того «Гастронома»
Мы выходим вдвоём
И в авоськах несём
Две бутылки сухого –
Сам не знаю почём...

Раскинулся космос широко
И звёзды мерцают вдали
Летим мы, товарищ, далёко
Подальше от нашей Земли.
Напрасно старушка ждёт сына домой –
Сынок с неба звёзды хватает.
А радиоволны бегут чередой,
И след их вдали пропадает.

К о н ф е р а н с ь е: Выступают мои очень большие друзья – артисты театра музыкальной комедии. Мизансцена, дуэт и каскад из оперетты «Свадьба в Космиловке»!

*(Вбегают **Он** и **Она**.)*

О н (*подходит к **Ней** сзади и закрывает **Ей** глаза руками*): Угадайте, кто это?

О н а: Вася!

О н: Какой Вася?!

О н а: Ой, Николай Александрович! Я вас сразу узнала!

(Оба хохочут.)

О н: Дорогая Поля! Откликнитесь на моё неземное тяготение к Вам!
Давайте проведём этот отпуск вместе!

О н а: Хо-хо-хо!

О н: Что значит «хо-хо-хо»?

О н а: Смотря, где...

О н: Где? Хотя бы на Большой Медведице!
О н а: Гм-гм-гм...
О н: Что значит «гм-гм-гм»?
О н а: На Медведицу мне не хочется.
О н: А чего же Вам хочется?
О н а: Вот если бы на Луну!..
О н: Для Вас я готов хоть на Луну!
О н а: А в чём мы туда полетим?
О н: Смешной вопрос! Разумеется, в моей персональной ракете!
О н и О н а (*поют вместе*):

Запустили путь метели,
Смотрит месяц еле-еле.
В облаках дороги не найти.
Но как ветер, но как птица,
Всё равно ракета мчится
По ухабам Млечного пути.

Ты прощай, родная сторона!
Здравствуй, здравствуй, матушка Луна!
Родимая!
Под луной звенят, звенят бубенчики,
А мы сидим с тобой, сидим, как птенчики.
Как хорошо, что ты летишь со мной!
Для нас ракета, словно дом родной.
Мы сидим с тобой, сидим, как птенчики,
Мы пиво пьём с тобой, грызём леденчики.
И день, и ночь всё мчимся мы стрелой.
Звенят бубенчики под Луной!
(Танцуют каскад.)
Который год всё мчимся мы стрелой!
Звенят бубенчики под Луной!
(Убегают.)

К о н ф е р а н с ъ е: Старинная, разгульная, ямщицкая песня
«Вдоль... и поперёк»!

П е в е ц (выходит на сцену во фраке, поёт в сопровождении баяна):

Вдоль по космосу,
По раздольному,
По раздольному,
Беспредельному,
Протянулся след
От ракетушки,
От ракетушки
Трёхступенчатой!
То не змей свищит,
Не комар пищит –
Это милый мой
Высоко летит.
О-о-о-о-о-о-о!
Полетел!

К о н ф е р а н с ь е: Выступает мастер детской имитации!

(Выходит **Мастер детской имитации** – старуха в вечернем платье с очками на носу.)

М а с т е р д е т с к о й и м и т ц и и (своим голосом, низким и хриплым): Я прочту вам рассказ для младшего возраста «Говорящее письмо». (Детским голосом) Здравствуйте, дорогие мама и папа! Вчера мы всем нашим классом прилетели на Луну. Там я встретила Мишку Брунштейна, он шалил и отстал от своей группы. Я вела себя хорошо: не высовывалась в окно и не выпрыгивала на остановках. Погода здесь хорошая, всё время солнце. Передайте привет бабушке, Тузику и всем соседям. Передайте Агнии Васильевне, что если бы она сюда приехала, то сразу бы весь свой вес потеряла. А сейчас я спою пенку, которую мы разучивали по дороге и будем петь, когда вернёмся, на утреннике молодых лунатиков.

Летим мы на ракете
В далёкие края.
И рядом нет соседей –
Кругом одни друзья.
Нам весело летится,
Раз выучен урок.
Неплохо прокатиться

По космосу разок.
Красота! Красота!
Ух, какая высота!
И летим во мраке
Мы, а не собаки,
Не котята, не мышата,
А ребята-октябрюта!
А ребята-октябрюта! (*Уходит.*)

К о н ф е р а н с ь е: Выступает молодой, способный – я надеюсь, он всем вам очень понравится – исполнитель переводных жанровых песен!

И с п о л н и т е л ь п е р е в о д н ы х ж а н р о в ы х п е с е н (*поёт в сопровождении эстрадного ансамбля*):

Про Луну пластинку я искал –
Десять магазинов обежал.
На такси истратил я с утра
Семьдесят копеек серебра.
Нигде пластинки нет...
И ночью снилось мне,
Что я пою с эстрады на Луне.
Понял я теперь, в конце концов:
Надо мне эстрадным стать певцом!
Можно голоса и не иметь,
Лишь мотив бы был моден и нов.
А в конце бы желательно спеть
По-французски хоть несколько слов...
О, бонжур! Э силь ву пле пардон!
Антрекот и мадмуазель бомонд!
Точка! Дело в шляпе! Се си бон!

К о н ф е р а н с ь е: С большим удовольствием я объявляю следующий номер: выступают мои большие друзья, артисты «Космосэстрады», квартет сестёр Лунятиных.

(*Выходит квартет. Все сёстры в сарафанах и платочках.*)

Сестра Евдокия, сестра Евфросинья, сестра Елена и сестра Еле...
Елеонора. Квартет выступает «а капелла», что в переводе с иностранного
означает «без сопровождения». Мужского, разумеется. Гы-гы-гы...

К в а р т е т с е с т ё р (*поёт*):

Куда бежишь, тропинка милая?
Не на Луну ли ты ведёшь?
Милёнка в космос запустила я,
А как теперь его вернёшь?!
Плывёт Луна, моя разлучница.
Так плохо, хоть беги к врачу.
Я на Земле устала мучиться,
К милёнку в космос полечу!

К о н ф е р а н с ъ е: Участник смотров и конкурсов, молодёжный,
сводный ансамбль-унисон Лесостепной полосы!

(*Выходит Ансамбль-унисон: два здоровенных парня и баянист. Все в
косоворотках.*)

А н с а м б л ь – у н и с о н (поют изо всей мочи):

Лунные просторы, дальние планеты,
Прямо перед нами Млечный путь лежит.
Едут новосёлы в грузовых ракетах,
Песни распевают – ах земля дрожит!

Припев:

Ох ты, ох мы: и я, и он!
В космос собрался весь район,
В небо возьмём с собою
Комбайны, сеялки и трактора.
Ох вы, хлеба высокие!
Ох вы, неба далёкие!
Здравствуй, простор широкий!
Тебя осваивать давно пора!

Мы на трактор сядем, мы Луну распашем
С лицевой и с оборотной стороны.
Закрома засыплем урожаем нашим.
Приезжайте, девки, в гости на блины!

Привет.

В е д у щ и й: И так далее, и тому подобное, в том же духе на заданную тему... Были бы поклонники, а таланты найдутся.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ДОБРОДЕТЕЛИ И ПОРОКИ

(водевиль по сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина)

Действующие лица:

ДОБРОДЕТЕЛИ:

Правдоискательство
Воздержание
Смирение
Благочиние
Прозорливство
Неприлюбысотворение
Умеренность
Аккуратность
Галантерейное Обращение

ПОРОКИ:

Мздоимство
Прелюбодеяние
Любострастие
Пустомыслие
Вольномыслие
Наушничество
Уньние
Мордобитие

Лицемерие — учёное существо неопределённого пола.

Иванушка — дурачок, случайный посетитель.

Трактирщик — хозяин заведения.

Действие происходит в трактире «Самаркандь».

(Сцена представляет собой трактир «Самаркандъ». Огромный стол стоит на небольшом возвышении. Он ломится от вин и яств. Строгий **Трактирщик** лениво завершает оформление стола. Слева, в глубине сцены – кабинки с занавесками. На портьерах большие буквы «М» и «Ж». Вверху прямо под роскошной вывеской «Самаркандъ» висят объявления: «Гостей запускаемъ съ 8-ми часовъ» и «Безъ парадного платья за столъ не садиться». Играет трактирная музыка. Часы бьют 8 раз. Тотчас с воплями, шумом и гиканьем, возможно, через зрительный зал, на сцену влетает толпа каких-то пёстро одетых личностей. Всё это – **Свойства**, которые вскоре разделятся на **Добродетели** и **Пороки**. Но пока различить их невозможно. Все **Свойства** устремились было к шикарному столу, но **Трактирщик** – начеку. Он указывает на объявление, касающееся одежды. **Свойства** растерянно смотрят на свои весьма непритязательные, отнюдь не парадные одежды. Тяжёлая пауза. **Трактирщик** лениво подходит к портьерам и отодвигает их. **Свойства**, а вместе с ними, разумеется, и зрители видят в кабинках фраки и бальные платья. **Свойства** кидаются переодеваться. Свалка, затем драка, в результате которой некоторые из **Свойств** захватили парадные одежды и надели их. Теперь это – **Пороки**. Они важно проходят за стол. Кое-кто из оставшихся **Свойств** попытался было тоже пристроиться к столу, но **Трактирщик** по-прежнему начеку. И тогда оставшиеся **Свойства** обиделись, но достоинства своего решили не терять.)

С в о й с т в о (впоследствии – **Воздержание**): Ладно, щеголяйте, нахалы в шелках! Мы и в рубище от всех почтены будем!

П о р о к (впоследствии – **Вольномыслие**): И будьте почтены с Богом!

(**Свойства**, которые в пику **Порокам** решили стать **Добродетелями**, обиделись и ушли. А **Пороки** обстоятельно приступают к разгулу.)

П о р о к (впоследствии – **Уныние**, встаёт с бокалом в руке, запевает):

Быстры, как волны, все дни нашей жизни.

Что день, то короче к могиле наш путь.

В с е П о р о к и (хором) Налей, налей, товарищ,

Заздравную чару –

Кто знает, что с нами

Случится впереди!

(**Трактирщик** наполняет **Порокам** бокалы. **Пороки** чокаются, пьют.)

Помолимся, помолимся
Великому творцу!
Мы к рюмочке приложимся,
А после – к огурцу!
Уныние: Посуди, посуди,
Что там будет впереди?!

(Пороки повторяют две последние строки песни.)

Крышку закроют и гвоздик забьют.
Селёдкой закусят и водочкой запьют.

Все Пороки (хором): Налей, налей, товарищ,
Заздравную чару.
Кто знает, что с нами
Случится впереди?!

(И вновь Трактирщик наливает всем вина. Пороки чокаются, пьют.)

Помолимся, помолимся
Великому творцу!
Мы к рюмочке приложимся,
А после – к огурцу!

Трактирщик: Апчхи!..

Все Пороки (хором): Спичка в нос!

Пустомыслие: Ничего-с! Ничего-с!

(Порок, сидящий во главе стола, – это Уныние, – встаёт и устраивает перекличку. При этом он каждому Пороку вручает его ложку.)

Уныние: Мздоимство! Прелюбодеяние! Любострастие! Пустомыслие! Вольномыслие! Наушничество! Мордобитие! Уныние!

(Каждый из Пороков, получая свою ложку, встаёт и кланяется. Пороки, удобно устроившись за столом, долго, со вкусом и удовольствием, едят и пьют. Слышен призывный звук трубы и сразу вслед за ним – мелодия вальса, под которую появляются Добродетели. Они одеты в рубище, на них вериги, цепи и прочие атрибуты «праведной» жизни. Добродетели идут гуськом, один за другим, напоминая вереницу слепцов. Впереди – Правдоискательство с трубой и Прозорливство с подзорной трубой. Эти двое запевают две первые строки каждого куплета, а две последние строки все Добродетели поют хором.)

Д о б р о д е т е л и (*поют, апеллируя к зрительному залу*):

Отчего на свете
Так живётся скверно?
Оттого, что всюду
Ложь царит безмерно!

Оттого, что роскошь
Сильно полюбили.
Оттого, что Бога
Люди позабыли.

Оттого и голод,
И порок ведётся,
Оттого так скверно
В свете и живётся!

Если бы над ложью
Правда воссияла!
Если бы на свете
С корнем лезть пропала!

Если бы почаще
К Богу прибегали!
Если б неимущим
Всем бы помогали!

Если б честь да совесть
Свято сохранили,
То тогда б, наверно,
В свете лучше жили!

Прозорливство (в зрительный зал): Не правда ли, господа честные, что мы вам и в рубище милы?

(Добродетели один за другим с поклоном представляются зрителям.)

ДОБРОДЕТЕЛИ: – Правдоискательство,
– Воздержание,
– Смирение,
– Благодичиние,
– Прозорливство,
– Непрелюбысотворение,
– Умеренность,
– Аккуратность,
– Галантерейное Обращение.

(К Добродетелям незаметно пристраивается Мздоимство. Пугает их и затем с удовольствием начинает гонять по всей сцене.)

Мздоимство: Ишь, вас, салопниц, сколько развелось: проходите, не задерживайтесь!

Уныние: Бог подаст!

(Добродетели сбились в кучу в углу трактира и, немного посоветовавшись, решили начать прямую атаку на Пороков, безмятежно предающихся пьянству и разгулу.)

Правдоискательство (с достоинством, в зрительный зал): Добродетели с Пороками исстари во вражде были!

(Пороки принимают вызов и начинают в свою очередь подзадоривать Добродетелей.)

Мордобитие: Пороки жили весело и ловко свои дела обделывали.

Прелюбодение: А Добродетели жили посрее...

Неприлюбосотворение: Но зато во всех азбуках и хрестоматиях как пример для подражания приводились!

Мздоимство: А втихомолку между тем думали: вот, кабы и нам, подобно Порокам, удалось хорошенькое дельце обделать!

Наушничество: Да признаться сказать, под шумок и обделывали.

Вольномыслие: А с чего первоначально распря пошла, и кто первый задрал? Кажется, что Добродетели первые начали.

Пустомыслие: Порок-то всегда шустрый был и на выдумки гораздый. Как пошёл он, словно конь борзый, пространство ногами забирать да в парчах и в шелках по белу свету щеголять – Добродетели-то за ним и не поспели.

Уныние: И не поспевши – огорчились.

(Взрыв хохота за столом у Пороков. Замешательство среди Добродетелей. Правдоискательство пытается спасти положение.)

Правдоискательство (*Порокам*): В жизни первенствующую роль добро играет, а зло – это так, по недоразумению допущено, а главная жизненная сила всё-таки в добре заключается. Так испокон веку было, так во веки веков и будет!

Мздоимство: Держи карман шире!

Галантерейное Обращение: «Держи карман»! Разве это ответ?

Пустомыслие: Да вам по-настоящему и совсем отвечать не следует. Дураки вы – вот вам и весь сказ!

(Новый взрыв смеха за столом у Пороков. Добродетели шокированы, но свою атаку продолжают.)

Благочиние: Да знаете ли вы вообще, что такое «добродетель» и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?

Правдоискательство: А понимаете ли вы, какое значение слово «правда» имеет?

(Хохот и улюлюканье Пороков и вслед за тем – их удалые припевки.)

Вольномыслие (*поёт*): Ёлка-ёлочка торчит,

Тёща старая ворчит.

Но пока не свистнул рак,

Загляну ещё в кабак!

Пороки (*хором*):

Ха-ха, ха-ха-ха!

А-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Барыня, барыня!

Сударыня-барыня!

(Галантерейное Обращение попыталась было под шумок стянуть кусок со стола Пороков, но те поймали её за руку. С позором и улюлюканьем выталкивают оплётанную Добродетель на авансцену.)

Галантерейное Обращение: Не понимаю, что вам от меня нужно, господа!

Пустомыслие (*выскочив из-за стола, галантно пляшет вокруг Галантерейного Обращения, помахивая платочком*):

Ах, как вышла раз сударка
По проспекту погулять.
Её публика увидя,
Вслед ей начала кричать...

Пороки (*поют хором, указывая пальцами на Галантерей Обращение*):

Ха-ха, ха-ха-ха!
А-ха-ха-ха-ха-ха-ха!
Барыня, барыня!
Сударыня-барыня!

Мздоимство (*вылетел из-за стола, подлетел к Галантерейному Обращению, грубо схватил её за талию и начал плясать с нею непристойный канкан, не переставая петь*):

У меня Катюша есть –
Срам по улице провесть:
Рот огромный, до ушей,
Хоть завязочки пришей!

Пороки (*поют хором*):

Ха-ха, ха-ха-ха!
А-ха-ха-ха-ха-ха-ха!
Барыня, барыня!
Сударыня-барыня!

(*Пороки* выскочили на авансцену и встали в круг. *Мздоимство*, раскрутив *Галантерейное Обращение*, издевательски толкает её в объятия *Пороков*. Те «перебрасывают» её один другому, как куклу, не переставая петь и приплясывать.)

Галантерейное Обращение (*вопит от боли и унижения*):
А-а-а-а-а-а!!!

(*Добродетели* бросаются за помощью к *Трактирицику*.)

Смирение (*Трактирицику*): Вы что смотрите? Совсем публику распустили!

Прозорливство: Ведь она, того и гляди, по уши в пороках погрязнет!

(*Трактирищик*, строго насунив брови, выходит из-за стойки и грозит *Порокам* пальцем. *Пороки* швыряют *Галантерейное Обращение* прямо

к нему в объятия, а сами вновь устремляются за стол. **Трактирщик**, стряхнув пылинки с **Галантерейного Обращения**, передаёт ее **Добродетелям**, а сам возвращается к себе, за стойку.)

Галантерейное Обращение (всхлипывая): А оне (жест в сторону **Трактирщика**) знай себе стоят да Порокам под козырёк делают.

Правдоискательство (указывая рукой на **Пороков**, которые, тем временем, вновь приступили к разгулу): Нет у них «добродетельского» понятия – и шабаш! Всё воровство да подлости, да грабёж только на уме!

(Тем временем, незамеченный никем, в трактир входит **Иванушка**.)

Прозорливство: Вот погодите! Ушлют вас ужо за ваши дела на каторгу!

Уныние: Нашли, чем стращать – каторгой!

Вольномыслие: Для нас-то ещё либо будет каторга, либо нет, а вы с самого рождения в ней по уши сидите!

Мордобитие: Ишь, злецы!

Любострастие: Кости да кожа!

Прелюбодейние: А глаза, смотри, как глаза горят!

Любострастие: Щёлкают на пирог зубами, а как к нему приступить – не знают!

Прелюбодейние: Не знают!

(Новый взрыв хохота за столом у **Пороков**.)

Галантерейное Обращение (вдруг хватившись пропажи): Батюшки, караул! Ограбили! Мой кошелёк!

(Новый взрыв хохота за столом **Пороков**. **Пороки** одобрительно хлопают по плечу **Мздоимство**. Тот, польщённый общим вниманием, достаёт из кармана похищенную у **Галантерейного Обращения** добычу – кошелёк.)

Неприлюбысотворение (подбегая к столу **Пороков**, обличает): Вору! Охальники!

Уныние (поймав **Неприлюбысотворение** за руку): Где воры? Где охальники? Какие же это воры? Какие охальники?

Мордобитие (вышел из-за стола, подошёл к **Неприлюбысотворению** и сунул ему под нос свой огромный кулак в боксёрской перчатке, весело): Врёшь ты, такой-сякой! Никаких ни воров, ни охальников нет, и никогда не было в помине!

(**Неприлюбысотворение** в панике убегает к **Добродетелям**. Все вместе они о чём-то долго договариваются, распределяя роли будущей ак-

ции. После этого, выстроившись в шеренгу, **Добродетели** начинают свою атаку на **Пороков**.)

У м е р е н н о с т ь: Мздоимцы!

А к к у р а т н о с т ь: Лихоимцы!

В о з д е р ж а н и е: Прелюбодеи!

М з д о и м с т в о (обидевшись): Где мздоимцы? Какие лихоимцы? Никаких я лихоимцев не вижу! Это вы нарочно, такие-сякие, кричите, чтобы авторитеты подрывать...

М о р д о б и т и е: Под арест их!

П р о з о р л и в с т в о (рассматривая **Пороков** в свою подозрную трубу): Добро казённое и общественное врозь тащат! Вон они хищники-то, вон!

М з д о и м с т в о (обидевшись пуще прежнего): Где хищники? Кто казённое добро тащит?

Д о б р о д е т е л и (вразнобой, указывая пальцами на **Пороков**): Вон хищники! Вон они! Вон!

М з д о и м с т в о (обиделся совершенно, подошёл и взял за грудки **Неприлюбысотворение**): Врёшь ты, такой-сякой! Это вы нарочно кричите, чтобы принцип собственности подрывать!

(Все **Пороки** выскакивают из-за стола.)

В о л ь н о м ы с л и е: Под арест их, нечестивых! (Свистит в два пальца.)

М о р д о б и т и е: Берегись! В ложке воды утоплю!

(**Пороки** с восторгом сообща бросаются на **Добродетелей**. Завязывается общая драка, в которой легко побеждают более искушённые во всяких безобразиях **Пороки**. Несчастные **Добродетели**, сваленные в общую «кучу малу» и обвязанные общей верёвкой, лёжа на полу, стонут и охают.)

М з д о и м с т в о (отряхивая руки): Вот так-то оно лучше будет!

М о р д о б и т и е: Сидите, злоумышленники, смирно.

Н а у ш н и ч е с т в о: А куда они денутся? Будут сидеть, как миленькие...

У н ы н и е: ...покуда начальство за них не вступится да на волю не выпустит.

С м и р е н и е (поёт): Жалобно стонет ветер осенний.

Листья кружатся поблекшие.

Сердце наполнилось чувством томления —

Вспомнились ласки ушедшие.

Д о б р о д е т е л и (*тоскливо поют хором, обнимая друг друга*):

И неужели прошли все дни счастья,
И осуждён я судьбой
Жить без любви и без слов об участии,
Жить с моей старой тоской?

(*Поражённый всем увиденным, на видное место выходит Иванушка.*)

И в а н у ш к а: Глупые вы, глупые! Из-за чего вы только друг друга калечите! Ведь первоначально-то вы все одинаково **свойствами** были, а это уже потом, от безалаберности да от каверзы людской, **добродетели** да **пороки** произошли. Одни свойства понажали, другим вольный ход дали – вот колёсики-то в машине и поиспортились. И воцарились на свете смута, свара, скорбь... А вы вот что сделайте: обратитесь к первоначальному источнику – может быть, на чём-нибудь и сойдётесь.

У н ы н и е: Сказал?! И пошёл!

М з д о и м с т в о: Пошёл!.. в казначейство подать вносить!

(*Иванушка уходит. Трактирищик, погрозив Порокам пальцем, выходит из-за стойки и развязывает Добродетелей. Правдоискательство радостно трубит в трубу. Пороки вновь бросаются за стол.*)

Н е п р и л ю б ы с о т в о р е н и е: Ох, с голоду животы подвело!..

В о з д е р ж а н и е: А пороки, как только протрубила труба отбой, так сейчас же по своим канальским делам разбежались и опять на славу зажили.

П о р о к и (*поют хором*): Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мелькали огоньки...

У м е р е н н о с т ь (*с песней бросается к столу Пороков, облизывая губы*):

Ах, когда бы мне теперь за вами
Душу бы развеять от тоски!..

П о р о к и (*поют хором*): Дорогой длинною, да ночью лунною
Да с песней той, что в даль летит звеня,
Да с той старинною, да с семиструнною,
Что по ночам так мучила меня!..

У м е р е н н о с т ь (*на фоне песни Пороков*): Хорошо ему про «свойства» говорить! Мы и сами не плоше его эти «свойства» знаем! Да только одни свойства в бархате щеголяют да на золоте едят, а другие в затрапезе ходят да по целым дням не евши сидят. Иванушке-то с полагоря: он набил мамон мякиной – и прав! А нас ведь на мякине не проведёшь – мы знаем, где раки зимуют!

Б л а г о ч и н н и е: Да и что за «свойства» такие проявились? Нет ли тут порухи какой? Всегда были Добродетели и были Пороки, сотни тысяч лет это дело ведётся, и сотни тысяч томов об этом написано, а он натко, сразу решил: «свойство»! Нет, ты попробуй, приступись к этим сотням тысяч томов, так и увидишь, какая от них пыль столбом полетит!

С м и р е н и е: Благочиние правду сказало. Сколько тысяч веков Добродетели числились Добродетелями, а Пороки – Пороками! Сколько тысяч книг об этом написано, какая масса бумаги и чернил изведена! Добродетели всегда одесную стояли, Пороки – ошуйю! И вдруг по дурацкому Иванушкиному слову от всего откажись и назовись какими-то «свойствами»!..

П р о з о р л и в с т в о: Ведь это почти то же, что от прав состояния отказаться!

П р а в д о и с к а т е л ь с т в о: Нет, о «свойствах» думать нечего, а вот компромисс какой-нибудь сыскать или, как по-русски зовётся, фортель – это, пожалуй, дельно будет. Такой фортель, который и Добродетелей бы возвеселил, да и Порокам по нраву пришёлся. *(В зрительный зал)* Милостивые государи! Милостивые государыни! Не угодно ли кому предложить: у кого на примете есть «средствице»?

Б л а г о ч и н н и е *(мечтательно):* Отыскать бы такое сокровище, которое и Добродетели бы уважило, да и от Пороков было бы не прочь. И послать его в поганый вражеский лагерь парламентомъром. Вот это бы было настоящее дело! Вот это бы был выход!

(Большая пауза. Добродетели ходят по сцене, о чём-то советуются друг с другом, размышляют, горестно разводя руками.)

П р о з о р л и в с т в о *(радостно влетает на сцену):* Нашли! Нашли! Нашли двух бобылок: Умеренность и Аккуратность. *(Выталкивает на авансцену бобылок, в руках которых большие бутылки с настойками: калиновой и малиновой.)*

В о з д е р ж а н и е *(сурово):* А-а, знаем таких! Обе на задворках в добродетельских селениях живут, сиротский надел держат, но торгуют корчемным вином и потихоньку Пороки у себя принимают.

Д о б р о д е т е л и *(поют, их пение напоминает церковную службу за успех операции, на которую благословляют бобылок):*

(все, хором) Под сосною, под зеленою
Спать положите вы меня.

(мужчины, басом) Ай, люли-люли! Ай, люли-люли!
Спать положите вы меня!

Б о б ы л к и (*поют речитативом, обнося Пороков своими настойками*):

Калинка, малинка, малинка моя!

В саду ягода, малинка, малинка моя!

Д о б р о д е т е л и: Красавица, душа-девица,

Полюби же ты меня!

(*мужчины, басом*) Ай, люли-люли! Ай, люли-люли!

Полюби же ты меня!

Б о б ы л к и (*продолжая обносить Пороков своими настойками*):

Калинка, малинка, малинка моя!

В саду ягода, малинка, малинка моя!

(*Пороки пробуют настойки Бобылок, морищатся, плюются.*)

У н ы н и е: Тьфу! Гадость какая! (*Выплёскивает содержимое своего бокала на пол.*)

М о р д о б и т и е (*выскакивает из-за стола, выхватывает у Бобылок их бутылки и выливает из них настойки на пол*): Пошли вон отсюда, приживалки, со своим пойлом! Ишь, какие поганки нашлись!

У м е р е н н о с т ь: Сам ты поганец, такой-растакой! Ведь на твою пьяную рожу без омерзения и взглянуть невозможно! Коли бы ты одну рюмочку выпил – это так! Это даже полезно! А то ведь ты норювишь, как бы тебе целое ведро сожрать. И что же? Сейчас тебя за это самое в часть сволокут. В части тебе под рубашку засыплют, и выйдешь ты отшель, словно кабы награду какую получил! А и всей-то твоей награды было сто лозанов.

(*Разгневанные Пороки вопят, кричат, улюлюкают. Мордобитие хватает Бобылок и тащит их прочь от стола.*)

А к к у р а т н о с т ь (*извиваясь в руках у Мордобития*): Истинное основание русскому невежеству полагают кабаки. Поэтому все кабаки предлагаю закрыть, а вместо оных повсеместно открыть торговлю печатными пряниками!

В о л ь н о м ы с л и е: Слыхали мы-ста прибаутки эти! Давно вы с ними около нас похаживаете!

Л ю б о с т р а с т и е: Да не в коня корм!

М з д о и м с т в о: Нас на кривой не объедешь!

(*Пороки выскочили из-за стола и пустились во все тяжкие. Распевая и отплясывая, они не перестают глумиться над Бобылками.*)

П о р о к и: (*мужчины*) Не брани меня, родная,

(*женщины*) Что я так люблю его!

(*мужчины*) Скучно, грустно, дорогая,

(женщины) Жить одной мне без него!

Я не знаю...

(мужчины) Что такое?!

(женщины) Что случилось со мной?

(мужчины) Что-то рвётся?

(женщины) Ретивое!

И терзаюсь я тоской.

Мне не нужны все наряды;

Ленты, жемчуги...

(мужчины) Рубли!

(женщины) Кудри молодца и взгляды

Сердце бедное зажгли.

(мужчины) Ай-люли!

А к к у р а т н о с т ь (*вырвавшись из цепких лап **Мордобития***): Вроде бы приличные господа, а что вытворяют!

(**Бобылки** вновь оказываются в кругу **Добродетелей**. *Те окружают их и участливо расспрашивают.*)

У м е р е н н о с т ь: Ничего не вышло... Что за причина такая?

Б л а г о ч и н и е: А та самая причина и есть, что загребли мы чересчур широко.

А к к у р а т н о с т ь: А народ там между тем слабый, расподлеющий. Ты к нему с добром, а он норовит тебя в ложке воды утопить. Большую надо сноровку иметь, чтобы с этим народом в чистоте себя сохранить!

Г а л а н т е р е й н о е О б р а щ е н и е (*брезгливо*): Помилуйте! Что уж теперь об чистоте говорить?!

П р а в д о и с к а т е л ь с т в о: Ясно, что первый блин вышел комом.

Г а л а н т е р е й н о е О б р а щ е н и е: Чего греха таить: бобылки и мало представительны...

Н е п р и л ю б ы с о т в о р е н и е: ...и слишком податливы, чтобы выполнить возложенную на них задачу.

П р а в д о и с к а т е л ь с т в о: Да... Зря мы с ними связались. И им позор, и нам горький урок! Пороки поступили с ними до такой степени низко, что даже татары из «Самарканда» (*жест в сторону **Трактирищика***) дивились...

(*Новый взрыв хохота за столом у **Пороков**.*)

(**Добродетелям**) Теперь вам понятно, господа честные, что дело это серьезное и надо за него настоящим манером браться?!

Д о б р о д е т е л и (вразнобой): – Куды с добром!
– Чего уж там!
– Да уж конечно!
– Тут другой дороги нету!

(Добродетели, в глубоком раздумье ходят по сцене, что-то бормоча себе под нос, сами с собой спорят, рассуждают, взмахивая руками, тяжело вздыхают. Среди них появляется Лицемерие – невзрачная дедница, которая некоторое время так же, как и все, ходит, никем не замеченная. Наконец, Добродетели обращают внимание на то, что в их стане появилась совершенно новая участница, одетая в кокетливое рубище.)

П р а в д о и с к а т е л ь с т в о: А это что за существо такое?

(Лицемерие стоит, потупив очи. Затем достаёт из сумочки «Диплом» и подаёт Добродетелям. Прозорливство берёт диплом и читает его.)

П р о з о р л и в с т в о (читает): «Лицемерие»...

(Общее недоумением среди Добродетелей. Большая пауза.)

Н е п р и л ю б ы с о т в о р е н и е: А-а-а!.. Сказывали старожилы, что однажды Смирение с Любострастием в тёмном коридоре спознались, и от этого произошёл плод...

Б л а г о ч и н и е (хлопнув себя по лбу): Так мы же сами плод этот со-обща выносили и выкормили, а потом в пансион к француженке Камильфо на воспитание отдали. Неужели не помните?

П р о з о р л и в с т в о (продолжает читать «Диплом»): «Лицемерие в пансионе мадам Камильфо всем главным наукам выучилась: и как «по струнке ходить», и как «воды не замутить», и как «без мыла в душу влезть». Словом, всему, что добродетельное житьё обеспечивает».

(Охи, ахи, восклицания. Добродетели со всех сторон разглядывают Лицемерие. Прозорливство продолжает читать «Диплом».)

«Ходит не иначе, как с опущенными долу глазами, хотя по лицу её часто пробегают любострастные тени, а поясница, при случае, вздрагивает...».

Г а л а н т е р е й н о е О б р а щ е н и е: Да ты по нашему-то, по добродетельскому, умеешь ли?

Л и ц е м е р и е: Я-то? Да я вот как могу... *(Показывает.)*

Г а л а н т е р е й н о е О б р а щ е н и е (в восторге): Глазки опущены, ручки на груди сложены, румянец на щёчках играет... Девушка, да и шабаш!

Б л а г о ч и н и е: Ну, а по-ихнему, по-порочному... как?

Лицемерие (*встав в вызывающую позу, свистит в два пальца, а затем показывает Добродетелям крайне неприличный жест*): Да пошли бы все вы!...

Смирение: Тьфу!.. Срамотища какая!..

Правдоискательство: Так нам от неё того и надо!..

Лицемерие (*поёт, адресуясь и к Добродетелям и к Порокам*):

Я ехала домой, душа была полна

Неясным для самой каким-то новым счастьем.

Казалось мне, что все с таким участием,

С такою ласкою глядели на меня.

Я ехала домой, я думала о вас,

Тревожно мысль моя и путалась, и рвалась.

Дремота сладкая моих коснулась глаз...

О, если б никогда я вновь не просыпалась!

Благочиние: Вот это-то существо и пошлём парламентёром во вражий лагерь, чтобы войти в переговоры с Пороками и такой общий... общий...

Лицемерие: Модус вивенди – то есть – образ поведения...

Благочиние: ...изобрести, при котором и тем, и другим было жить вольготно.

Правдоискательство: Писать у нотариуса Бизяева общую доверенность для хождения по всем добродетельским делам и вручить её Лицемерию!

(*Прозорливство бежит к Трактирицику и что-то шепчет ему. Тот достаёт бумагу, чернила, что-то пишет, ставит печать, передаёт бумагу Прозорливству, который бережно несёт её и вручает Правдоискательству.*)

Правдоискательство (*поёт, вручая доверенность Лицемерии*):

	На заре ты её не буди –
Добродетели (<i>хором</i>):	На заре она сладко так спит.
Правдоискательство:	Утро дышит у ней на груди,
Добродетели:	Сладко пышет на ямках ланит.
Правдоискательство:	И подушка её горяча,
Добродетели:	И горяч упоительный сон,
Правдоискательство:	И, темнея, бегут по плечам
Добродетели:	Косы-ленты с обеих сторон.
Правдоискательство:	А вчера у окна ввечеру

Добродетели: Долго-долго сидела она
 Правдоискательство: И следила по тучам игру,
 Добродетели: Что, скользя, затевала луна.
 И чем ярче играла луна,
 И чем громче свистал соловей,
 Тем бледней становилась она,
 Сердце билось больней и больней.

Правдоискательство: Оттого-то на юной груди,
 Добродетели: На ланитах так утро горит.
 Правдоискательство: Не буди ж ты её, не буди!
 Добродетели: На заре она сладко так спит!

(В продолжение всей этой песни Добродетели собирают Лицемерие для визита к Порокам: одевают и обувают её, причёсывают и подкрашивают. В результате получается странная помесь простушки-гимназистки и девицы лёгкого поведения в костюме, представляющем нечто среднее между рубищем и бальным платьем.)

Лицемерие: Ах, мои любезные, как мне стыдно свои идеалы ломать! Так стыдно! Ах, как стыдно!

Благочиние: Ну, и постыдись маленько: стыд глаза не выест! Зато, по возможности, всё-таки нашу затею осуществишь!

Прозорливство: Да-а...Как ни горько, а придётся у Пороков пардону просить.

Воздержание: Иди в ихний подлый вертеп!

Лицемерие: Ох, просто не знаю, куда от стыда глаза девать!

Благочиние *(вслед Лицемерию, как напутствие)*: Охо-хо, вездето нынче это паскудство развелось!

Лицемерие *(с нетерпением поспешая к Порокам)*: Везде, везде...

Пороки *(весело поют)*: Живёт моя отрада
 В высоком терему,
 А в терем тот высокий
 Нет входа никому.

Я знаю, у красотки
 Есть сторож у крыльца,
 Но он не загородит
 Дороги молодца.

Войду я к милой в терем
И брошусь в ноги к ней –
Была бы только ночка
Сегодня потемней.

*Лицемерие (обошла вокруг стола, вышла на авансцену, говорит в зрительный зал на фоне песни **Пороков**):* Ах, как хорошо Пороки живут! Смехи да пляски, да игры – стон от веселья стоит. И город какой отменный Пороки для себя выстроили: просторный, светлый, с улицами и переулками, с площадями и бульварами. Вот улица Лжесвидетельства, вот площадь Предательства, а вот и Срамной бульвар. Ах, хорошо Пороки живут, хорошо! *(Внутренне собравшись, подходит к столу Пороков и начинает петь им тонким нежным голоском.)*

Тихо, всё тихо,
Ночь наступает,
Лишь где-то слышен
В лесу соловей...

(Пороки бурно выражают своё негодование: улюлюкают, кричат, строят рожи, свистят и т. п. Лицемерие невозмутимо продолжает петь, двумя пальчиками медленно поднимая подол своего платья-рубашки, так что вскорости обнажаются её красивые колени. Пороки постепенно обалдевают. Свист и крики прекращаются.)

Всё на покое,
Спит вся природа.
Милый, приди,
О, приди же скорей!

*Мордобитие (подмигнув остальным **Порокам**):* Барышня, можно у вас ножку поцеловать?

Лицемерие (с вызовом): Ах, какие вы!.. Ну, целуйте! *(Слегка сгибает в колене правую ногу, а затем вдруг рывком обнажает её до самого основания.)*

(Мордобитие встал из-за стола и с гадкой улыбкой направился к Лицемерию. Та с неожиданным проворством и силою подхватывает его и начинает кружиться с ним в вихре сумасшедшего вальса. Затем бросает его на авансцену, а сама начинает одного за другим выхватывать Пороков из-за стола и всё так же, вальсируя, доставлять их туда, где стоит обалдевший Мордобитие – на авансцену. Постепенно все Пороки собираются там).

Лицемерие (*Порокам, доверительно*): Признайтесь, господа, что и Порокам подчас жутко приходится, а? Вот поймали намеренно-сь Любострастие с поличным в бане, протокол составили. Поймали? Поймали. Составили? Составили. Ах, господа, господа, что вы делаете? Вы же сами себя губите! Да в ту же ночь Прелюбодеяние а одном белье с лестницы спустили. Вольномыслие-то давно ли пышным цветом цвело, а теперь его с корнем вырвали! Вырвали? Вырвали. Вот оно, общественное-то мнение что значит! Стало быть, и Порокам пойти на фортель не безвыгодно. Вот, давайте и подумаем вместе, как нам проще это преобразование осуществить. (*Большая пауза.*)

Мздоимство: Да-а-а! С виду – ни дать, ни взять сушая девица.

Любострастие: Но точно ли сушая?

Уныние: Этого и сам чёрт не разберёт.

Вольномыслие: Как зовут тебя, чудо в перьях?

Пустомыслие: И откуда ты такая взялась?

Лицемерие: Зовут меня – Лицемерие. И явилась я к вам из пансиона мадам Камильфо...

Любострастие: Хороша-а...

Вольномыслие: Не в том дело, что хороша. Главное – умна, расторопна и удивительна. Вот на кого всем нам теперь опираться надобно! Вот кого слушаться!

Пустомыслие: Мы об таком чуде досель и мечтать не могли.

Прелюбодеяние: Да что мы, вон, и сам Трактирщик глаза вытаращил!.. Не знает, что и думать...

Мордобитие (*подходит к Трактирщику, обнимает его за шею, говорит доверительно*): Ну, это я об себе напрасно мечтал, будто вреднее меня на свете никого нет! Я – что?! Вот он, настоящий-то яд где! Я больше нахалом норовлю – оттого-то меня, хоть и нечасто, а всё-таки от времени до времени с лестницы в три шеи спускают. А это сокровище коли прильнёт – от него уж не отвертишься! Так тебя опутает, так окружит, что покуда все соки не вызудит – не выпустит!

(*Пороки разбредаются по сцене, ходят, раздумывая, рассуждая сами с собой*).

Вольномыслие: По нынешним временам надобно именно на неё ставку делать.

Мордобитие: И шабаш!

Уныние (*выходит на авансцену, убеждённо говорит в зрительный зал*): Истинный Порок не нуждается в прикрытии, но сам своё знамя высоко и грозно держит! (*поёт*)

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда!

(*К Унынию пристраиваются Наушничество и Мздоимство.*)

Наушничество и Мздоимство (*поют на два голоса*):

Звезда любви, звезда волшебная,
Звезда моих минувших дней,
Ты будешь вечно неизменная
В душе измученной моей.
Лучей твоих неясной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я – ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда!

Уныние (*на фоне песни*): Что существенно нового может предложить нам Лицемерие, чего бы мы от начала веков не знали и не практиковали? Положительно ничего. Напротив, она научит нас опасным поворотам и заставит нас, если не прямо стыдиться самих себя, то, во всяком случае, показывать вид, что стыдимся. До сих пор у нас было достаточно твёрдых и верных последователей, но ведь и они, видя наши повороты, могут сказать: «Должно быть, и впрямь Порокам порой туго приходится, коль скоро они сами от себя отрицаться должны! И отвернутся от нас, вот увидите – отвернутся!

Вольномыслие: Заматерелые Катоны!..

Лицемерие (*игриво поясняет*): Катон Старший – государственный деятель Древнего Рима, отличавшийся беспощадностью к своим политическим противникам.

Вольномыслие (*продолжает*): Не признаёте вы ни новых веяний, ни обольщений, ни обстановок. Родившись в навозе, вы предпочитаете задохнуться в нём, лишь бы не отступить от староотеческих преданий. Вы только мутите всех, старые пакостники!

Прелюбодеяние: Мы жить хотим, а вы уныние разводите!

Вольномыслие: Мы в хрестоматии попадём!

Пустомыслие: В салонах блистать станем!

Мордобитие: Нас старушки будут любить!

(Апофеоз **Лицемерия**. Её подхватывают на руки и несут к столу явств. Звучит вальс **Лицемерия**, под который все поют и танцуют. **Добродетели** – в восторге. Они полагают, что теперь путь к сладостям жизни открыт и им. **Воздержание**, облизываясь, устремляется к столу. Однако **Трактирищик** на чеку: без парадного платья за стол садиться нельзя!

Благочиние (объясняет **Трактирищику**): Всякий повод для существования Добродетелей и Пороков, как отдельных и враждебных друг другу групп, устранён навсегда.

Все (вразной, в восторге): Навсегда! Навсегда! Навсегда!

(**Трактирищик** качает головой и грозит посетителям трактира пальцем, указывая на строгое объявление.)

Наушничество (указывая на **Трактирищика**, с хитрой улыбкой): А ведь он прав!.. Зачем же нам старую номенклатуру упразднить?! Почём знать, может быть, она опять для разных надобностей пригодится...

Правдоискательство: Верно!.. Но употреблять её с таким расчётом, чтобы всем было видно, что она прикрывает собой...

Уныние (подхватывает): ...один только прах!

Все Добродетели и Пороки (вразной): Прах! Прах! Прах!

(**Правдоискательство** и **Уныние** жмут друг другу руки. И вновь, никем не замеченный, в трактир заходит **Иванушка**. Теперь он поражён не менее, чем в первый раз. **Трактирищик** же по-прежнему, несмотря ни на что, **Добродетелей** в их рубищах за стол не пускает. **Лицемерие** подходит к **Трактирищику**, пытается договориться с ним, но тот непреклонен. **Лицемерие** подбегает к **Мордобитию** и о чём-то договаривается с ним. **Мордобитие** снимает свой фрак и передаёт его **Лицемерию**. Та быстренько относит его к **Воздержанию**, тот быстро снимает своё рубище, надевает его и тотчас устремляется к столу. **Трактирищик** не возражает: вот это – совсем другое дело. **Мордобитие**, ухмыляясь, с интересом рассматривает рубище, а потом надевает его. Вслед за этим начинается повальное переодевание **Добродетелей** и **Пороков**. **Лицемерие** мелькает здесь и там, помогая и **Порокам**, и **Добродетелям**.)

Умеренность: И пошло между Добродетелями и Пороками гостеприимство великое.

Аккуратность: Захочет **Воздержание** побывать в гостях у **Любострастия**, возьмёт под ручку **Лицемерие**, а у **Любострастия** уж и двери настежь.

(**Воздержание** во фраке под ручку с **Лицемерием** направляются к столу.)

Л ю б о с т р а с т и е: Милости просим! Покорно прошу! У нас про вас... (*Усаживает **Воздержание** возле себя и начинает угощать его.*)

У м е р е н н о с т ь: Захочет Прелюбодеяние побывать в гостях у Смирения, возьмёт под ручку Лицемерие, а Смирение уже издали их приветствует...

С м и р е н и е: Милости просим! Покорно прошу! У нас про вас...

М з д о и м с т в о: В постные дни постненьким потчуют.

В о з д е р ж а н и е (*торопливо поедая яства со стола **Пороков***): Во дни скоромные – скоромненьким...

И в а н у ш к а: Одной рукой крестное знамение творят, другой – неистовствуют. Одно око горе возводят, другим – непрестанно вожделяют.

П р е л ю б о д е я н и е: Впервые Добродетели сладости познали.

Н е п р и л ю б ы с о т в о р е н и е: Да и Пороки не остались в убытке.

В о л ь н о м ы с л и е: Напротив, никогда у нас таких лакомств не бывало, какими теперь походя жуируем!

И в а н у ш к а (*в зрительный зал, с недоумением*): И по сию пору не могу я понять, отчего это Добродетели и Пороки так охотно помирились на этом Лицемерии, тогда как гораздо естественнее было бы им сойтись на том, что и те, и другие суть только человеческие «свойства» – и больше ничего. И никогда промеж ними таких распрей бы не было.

(*Добродетели и Пороки общими усилиями тычками и зуботычинами выгоняют **Иванушку** вон из трактира. **Трактирщик** смотрит на это со снисходительной усмешкой. На авансцену в рубище выходит пьяный и весёлый **Мордобитие**.*)

М о р д о б и т и е (*в зрительный зал*). Не правда ли, господа честные, что мы вам и в рубище милы?!

(*Финальный вальс **Добродетелей и Пороков**. Они попарно – **Порок и Добродетель** – танцуют и поют. Общий апофеоз любви и согласия.*)

Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона.
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра земля.

Занавес.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
От автора	6
Глава 1. Агитбригада.....	9
Глава 2. НГСТМ	19
Глава 3. Эстрадная группа	26
Глава 4. «Про тех, кого никто не любит».....	34
Глава 5. Поиски новых форм театральной выразительности.....	46
Глава 6. Первый Всесоюзный фестиваль студенческих эстрадных театров	52
Глава 7. После фестиваля	68
Глава 8. Студенческий театр-студия миниатюр НЭТИ	74
Глава 9. Возвращение в НЭТИ. «Что нам сыграть?»	80
Глава 10. «Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина».....	84
Послесловие	91
<i>Приложение I. Про тех, кого никто не любит</i>	<i>94</i>
1. «Собака на сене».....	94
2. «Много шума из ничего»	95
3. «Клоп».....	98
4. «Женитьба Белугина».....	98
5. «Бешеные деньги»	101
6. «Комедия ошибок»	104
7. «Таланты и поклонники»	107
<i>Приложение II. Добродетели и пороки</i>	<i>115</i>